

Министерство образования
и науки Российской Федерации

ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский
государственный университет»

**ЧЕЛОВЕК
КУЛЬТУРА
ОБРАЗОВАНИЕ**

Научно-образовательный
и методический журнал

№ 3 (13) / 2014

Сыктывкар
Издательство СыктГУ
2014

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал

Издатель — Сыктывкарский государственный университет

Учредитель — Сыктывкарский государственный университет

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ

№ ТУ11-0174 от 30.10.2012 г.

Журнал зарегистрирован в РИНЦ

(регистрационный номер 261-06 от 02.07.2012 г.)

Выходит с 2011 г.

Редакционный совет журнала:

Гончаров С. А. — доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург),
председатель;

Мосолова Л. М. — доктор искусствоведения, профессор (г. Санкт-Петербург),
зам. председателя;

Истиховская М. Д. — ректор Сыктывкарского государственного университета
(г. Сыктывкар);

Балсевичуте В. (Virginija Balseviciute) — доктор гуманитарных наук, профессор
(г. Вильнюс);

Бразговская Е. Е. — доктор филологических наук, профессор (г. Пермь);

Васильев П. В. — кандидат педагогических наук, доцент (г. Сыктывкар);

Гурленова Л. В. — доктор филологических наук, профессор (г. Сыктывкар);

Доброноженко Г. Ф. — доктор исторических наук, профессор (г. Сыктывкар);

Золотарев О. В. — доктор исторических наук, профессор (г. Сыктывкар);

Мелехов М. В. — доктор филологических наук, профессор (г. Сыктывкар);

Муравьев В. В. — доктор философских наук, профессор (г. Сыктывкар);

Пинаевский Д. И. — кандидат исторических наук, доцент, профессор (г. Сыктывкар);

Садовский Н. А. — доктор педагогических наук, профессор (г. Сыктывкар);

Сергиева Н. С. — доктор филологических наук, профессор (Сыктывкар);

Сулимов В. А. — доктор культурологии, профессор (г. Сыктывкар);

Тульчинский Г. Л. — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);

Фадеева И. Е. — доктор культурологии, профессор (г. Сыктывкар);

Шабаев Ю. П. — доктор исторических наук, профессор (г. Сыктывкар).

Редакция журнала:

О. В. Золотарев, М. В. Мелехов, В. В. Муравьев, В. А. Сулимов, И. Е. Фадеева

Ответственный редактор — И. Е. Фадеева

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Балакина Е. И. Методологическое значение феномена Начала в системе нелинейного мировидения третьего тысячелетия.....	5
Balakina E. I. Methodological significance of the phenomenon began in the system of non-linear worldview of the third millennium.....	5

ФИЛОЛОГИЯ PHILOLOGY

Бразговская Е. Е. Автоперевод и самоидентичность в корпусе текстов билингвального автора.....	21
Brazgovskaya E. E. Translate and self-identity in the corpus of bilingual website.....	21
Лимеров П. Ф. Поэма о древнем Знании: литературный эпос «Биармия» в поэтической мифологии Каллистрата Жакова.....	37
Limerov P. F. Poem of the ancient knowledge: literary epic “Biarmia” poetic mythology Callistratus Zhakov.....	37
Фалилеев А.Е., Мирошкина К.Е. Языковой аспект реализации окказионализмов в современном английском политическом тексте.....	58
Falileev A. E., Miroshkina K. E. Linguistic aspect of the implementation of nonce words in modern English political text.....	58

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

Канев А. М. Опыт суверенизации в Республике Коми в первой половине 90-х годов: экономический, политический, правовой и культурные аспекты.....	65
Kanev A. M. The experience of sovereignization in the Komi Republic in the first half of the 90th years: economic, political, legal and cultural aspects.....	65
Макарова Л. М. Идея лабиринта в жизни и творчестве Мариана Колодзея.....	80
Makarova L. M. The idea of the labyrinth in the life and work of Marian Kolodzey.....	80
Сулимов В. А. Феномен преодоления: от индивида к личности.....	99
Sulimov V. A. Phenomenon overcome: from individual to person.....	99

Фадеева И. Е. Антропология Питирима Сорокина: зырянский космоизм и русский гнозис.....	108
Fadeeva I. E. Anthropology of Pitirim Sorokin: zyryansky cosmism and Russian gnosis.....	108

ПСИХОЛОГИЯ PSYCHOLOGY

Бызова В. М., Чикурова Е. И. Вербализация опыта преодоления визуальной неопределенности.....	125
Bysova V. M., Chikurova E. I. Verbalization of experience in overcome the visual uncertainty.....	125
Гаврилина Л. К. От стандарта «Педагог» – к «нестандартным» педагогам?.....	133
Gavrilina L. K. From the standard “Pedagogue” — towards “non-standard” pedagogues?.....	133
Рахматуллина З. Б. Психолого-педагогические аспекты общения студентов и преподавателей.....	140
Rahmatullina Z. B. Psychological and pedagogical aspects of communication students and teachers.....	140

СОЦИОЛОГИЯ SOCIOLOGY

Иванова Н. П. Профессиональное самоопределение личности как социальный феномен.....	146
Ivanova N. P. Professional self-determination of the person as a social phenomenon.....	146

АНТРОПОЛОГИЯ ANTHROPOLOGY

Миронова Н. П. Представления об этнической принадлежности у студентов г. Сыктывкара.....	156
Mironova N. P. Ethnic identity of modern youth in the Komi Republic (on the example of the higher education students in Syktyvkar).....	156

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ JURISPRUDENCE

Адаховская С. В. Защита интересов сторон в преддоговорной ответственности.....	167
Adahovskaya S. V. Protecting the interests of the parties in the pre-contractual liability.....	167
Авторы выпуска.....	181
Сведения для авторов.....	183

ФИЛОСОФИЯ

Е. И. Балакина

Методологическое значение феномена Начала в системе нелинейного мировидения третьего тысячелетия

УДК 130.2

В статье раскрывается актуальная методологическая проблема роли феномена Начала в системе нелинейного мировидения современности. Показана синхронность развития интереса к проблеме Начала в науке и искусстве XX в. На основе открытий синергетики автор формулирует «Закон о Начале» как методологическую основу осмысления сущности явлений культуры. Утверждается основополагающая роль начальных условий в саморазвитии сверхсложных систем и необходимость их глубокого изучения для понимания современного и будущего состояния культуры.

Ключевые слова: синергетика, закон о начале, явление культуры.

E. I. Balakina. Methodological significance of the phenomenon began in the system of non-linear worldview of the third millennium

The article reveals the actual methodological problem of the role of the phenomenon Began in the system of nonlinear worldview of our time. It is shown that the overall development of the interest to the problem Began in science and art of the twentieth century. Based on the discoveries of synergetics the author formulates the “Law about the Beginning” as a methodological basis for understanding the essence of cultural phenomena. Affirms the fundamental role of initial conditions in the self-development of

sophisticated systems and the need for their in-depth study for understanding the current and future situation of culture.

Key words: synergy, the law of the beginning, a cultural phenomenon.

Будущее покоится в прошлом.

Древняя мудрость

Вопрос о Начале — один из самых глубоких и сложных в современной науке и жизненной практике. Чтобы понять современное состояние культуры в целом, любого её явления или процесса и вычленив ресурсы возможного будущего, необходимо отыскать причины и цели, то есть истоки их возникновения. Идея определяющей роли начала, высказанная в XX в. с научной аргументированностью представителями синергетики (И. Пригожин, С. Курдюмов и другие) и других сфер научного знания, проходит смысловым пунктиром, полунамеком, вскользь упомянутым замечанием через всю историю культуры человечества.

Начало как в зерне вмещает в себя логику и специфику развития мира. В священных глубинах прошлого таится исток будущей культуры, в древних мифологических сказаниях кроется ответ на самый сложный вопрос об исторических перспективах и предназначении тех или иных феноменов культуры, а высота и изящество исходной идеи по принципу аттрактора определяют судьбу культуры, человека и его деяний.

Древние культуры по праву считаются хранилищем жизненной мудрости. Именно тогда, на раннем этапе согласования себя с миром, человеческое сердце было открыто интуитивному и эмоциональному восприятию. Оно чутко реагировало на самые тонкие воздействия среды и оставляло для грядущих поколений знаки и правила. В практике культуры народов мира представлены традиции, ритуалы и суеверия, связанные с *особым отношением к началу*. М. Элиаде приводит рассказ представителей племени Уитото: «Наши предания всегда живут в нас, даже когда мы не танцуем. Мы и работаем лишь для того, чтобы иметь возможность танцевать». Танцы эти состоят из повторения мифологических событий» [16], связанных с началом Бытия.

По мнению древних и современных мыслителей, «будущее покоится в прошлом», то есть идея, заложенная в основе любой деятельности или формы бытия, определяет её результат или будущее состояние. Выраженные в символах, мифах и ритуалах *изначальные идеи* (здесь и далее выделено мной. — Е. Б.) выполняют в культуре функцию архетипа (К. Г. Юнг) или «первотектона» (А. Пелипенко): некоей сущности, задающей «априорные схемы всякой культурной деятельности» [12, с. 58]. Они определяются как «инвариантные матрицы, на основе которых в сознании субъекта могут моделироваться различные версии картины мира» [12, с. 58]. В научных исследованиях последнего столетия утверждается, что знание *изначальной идеи* позволяет понять природу явлений, открывая пути их *сущностного осмысления* в исторической динамике и современном бытии.

Идея *возвращения к истокам* мировой культуры ради нового понимания современности сегодня буквально «витают в воздухе». Весь XX век полнится резонансными предчувствиями, направляющими познавательные интересы к изначальным глубинам истории человечества. Наука XX в. неудержимо продвигалась в глубь материи, стремясь найти исходную первооснову Бытия мира. Результатом этого движения стало открытие элементарных частиц и сверхсложного микромира, для характеристики элементов которого математикам и физикам пришлось ввести в научный оборот категории цвета и аромата. Духовные истоки системы мироустройства в разных аспектах были осмыслены в трудах В. И. Вернадского, И. А. Ильина, Е. Н. Трубецкого, П. А. Флоренского.

Стремление выразить скрытые процессы видимого мира наблюдается в XX в. и в искусстве. Древность человечества становится питательной средой искусства авангарда, определяя сюжеты, стилистические направления и мистическую философию художественного языка. Гениальные прозрения философии о «единстве мира в его многообразии» оказали серьёзное влияние на развитие художественной техники и языка искусства, в пределе приводя к пуантилизму в живописи, алеаторике и серийной технике в музыке, «корпускулярным образам» С. Дали и так называемому «кузнецовскому письму»¹ в ико-

¹ Автор новой техники иконописания — Юрий Кузнецов, получивший в начале 2000 гг. благословение Патриарха Алексия и признание за его иконами статуса духовной живописи.

нописи третьего тысячелетия, — своеобразному «квантово-пиксельному» наполнению пространства цветом в передаче образов ноуменального мира, рождающему дополнительные смысловые пласты созвучием цветовых молекул и семантических тонов.

В научной сфере стремление осмыслить роль Начала тоже сопровождает человечество с момента формирования науки. Идея Начала относится к разряду вечных вопросов, поиск решения которых выводит на открытие специфики феномена культуры и законов мироустройства.

Античные мыслители искали ответ на вопрос о сущности Бытия, соединяя начало и конец в диалектических построениях. Исходя из представлений о первоначале (огонь, вода, апейрон и др.) они выстраивают системы небесного и земного Космоса. В работе «О философии как науке» Аристотель раскрывает смысл познавательного процесса: «Совершенно очевидно, что необходимо приобрести знание о первых причинах».

Диалектическая мысль о том, что всякое начало есть «неразвитый результат», а результат есть «развитое начало», составляет основу теории Г. Гегеля. А. Бергсон в работе «Творческая эволюция» доказывал, что цель эволюции лежит не впереди, а позади, выступая в форме исходного «взрыва», начала, приводящего к развёртыванию жизненного процесса. Идею преддетерминации, влияния будущего на современность, когда «от будущего веет незаметно ветер», высказывает Ф. Ницше. В культурах разных народов представлены традиции, ритуалы и суеверия, связанные с формированием *особого отношения к началу*.

В конце XX в. осмысление состояния *общества* с позиций его начала, истоков предлагает В. Немировский: «Переходя к анализу эволюции социума с учётом его трёхуровневого строения, подробнее остановимся на проблеме *источника развития*, своего рода “исходной точке” этого процесса. Любая концепция социальной эволюции во многом определена тем, как представляется в ней Начало, первопричина человеческой истории, иными словами, происхождение человека и общества» [11, с. 98].

Один из ярчайших опытов «видеть мир по-другому» подарил миру французский археолог и антрополог А. Леруа-Гуран. В решении сложнейшей проблемы познания сущности человека в 1960-е гг. он

обращается к концепции происхождения человека. После ста с лишним лет накопления знаний и смены ошибочных гипотез по данной проблеме было обнаружено, что исходное отличие человека от обезьяны и от других млекопитающих — вертикальное положение тела, то есть двуногое прямохождение. Это был один из убедительнейших примеров успеха научной феноменологии, и способ познания его был напрямую связан с *возвращением к Началу*.

Позже сходная идея была представлена в книге Б. Ф. Поршнева «О начале человеческой истории», что дальнейший уровень наук о человеке будет зависеть от существенного сдвига в познании *начала человеческой истории*: «Если ты хочешь понять что-либо, узнай, как оно возникло» [13, с. 26].

В современных этноэкологических исследованиях обращает на себя внимание теория В. Г. Мордковича [10], связывающего культурно-исторические особенности регионов с их древнейшими геологическими предпосылками. Она заставляет задуматься о глубинной взаимосвязи весьма отдалённых факторов: природно-космический геологический фундамент, географический рельеф, климатические условия — и культурно-историческая судьба проживающих на данной территории народов. Его открытия созвучны идеям И. Пригожина, утверждающего, что *будущее каким-то образом уже содержится в настоящем, а настоящее, в свою очередь, вероятностным образом самодостраивается из прошлого*.

Грандиозный космический процесс смены тысячелетий породил очередную волну междисциплинарных исследований, доказывающих жизненность и результативность поисков универсальных путей постижения сущности усложнившегося мира. Разнообразие и неожиданность открытий в науке XX столетия, выделение сложных, сверхсложных (А. Эйнштейн, И. Пригожин, С. Курдюмов, В. С. Стёпин, Г. Малинецкий) и даже суперсверхсложных (М. С. Каган) объектов и путей их познания создали основания для формирования новой методологии исследования культуры с позиций саморазвития формы, становления и сущности.

В системе современной культуры эта новаторская сфера интересов сложилась в своеобразную «парадигму нелинейности», в рамках которой начальным условиям отводится определяющая роль: на исследование смыслового ядра ритуальных форм в культуре направле-

ны научные интересы В. Н. Топорова и других представителей тартуско-московской семиотической школы; в современном евразийском содружестве народов набирает силу исследование сакральных истоков этнических культур, поиск корней собственных духовных традиций; в философских и культурологических исследованиях расширяется спектр вопросов, связанных с постижением сущности процессов и явлений посредством реконструкции истоков, древнейших ступеней культуры [9; 3; 2; 17 и др.]. «Результаты синергетики как бы возвращают нас к идеям древних о потенциальном и непроявленном. В частности, они близки к представлениям Платона о неких первообразах и совершенных формах в мире идей (эйдосах), уподобиться которым стремятся вещи видимого, всегда несовершенного мира. Или же к представлениям Аристотеля об энтелехии, о некой внутренней энергии, заложенной в материи, вынуждающей её к обретению определённой формы» [7, с. 109].

Столь кардинальный разворот научной логики и интуиции против течения основного потока исторической событийности знаменует собой научную и мировоззренческую революцию, предчувствия которой появились уже в начале XX в. «Ещё задолго до начала нового, двадцатого века — века хлестких парадоксов в искусстве и самого отчаянного за всю историю трагизма жизни и творчества — Карл Маркс констатировал в своих записных книжках: «В целом можно отметить, что превращение предмета в предикат и предиката в предмет, перестановка того, что определяет, с тем, что определяется, всегда является непосредственной революцией». Великий мастер в деле вскрытия противоречий и тонкий ценитель диалектики, немецкий философ сказал что-то очень важное о процессах, которые затронут человеческое сознание спустя несколько десятилетий. Искусство, наука и жизнь в XX в. подпадут под грандиозную грамматическую инверсию, при которой все прежние очевидности существования будут подвергнуты сомнению, бывшие утверждения превращены в вопросительную форму, а все вопросы, считавшиеся до того закрытыми или невыносимыми, вскроются по-новому и бросят человеческим возможностям новый вызов» (цит. по: [15, с. 286]).

Смена вектора развития, выбор нового пути, кардинальное изменение смысла и форм существования культуры совершается в эпохи переходные, где прежние ценности подвергаются сомнениям, а тра-

диции разрушаются и переосмысливаются. Это особые зоны в культурно-историческом развитии, которые проявляются в том случае, когда заложенный прежде резерв система исчерпала и предстала перед новым пониманием своей сущности, пути и назначения. Сегодня переходность проявляется на уровне макросистемы, что влечёт за собой перемены и в других системных масштабах.

В известной сказке Г. Х. Андерсена «О том, как буря перевесила вывески» метафорически нарисована ситуация, весьма схожая с культурно-историческим контекстом современности. Жизнь в городе шла размеренно и спокойно до той самой бури, о которой с придыханием рассказывали своим детям и внукам старожилы. До этого страшного катаклизма на каждом здании висели яркие вывески, сообщавшие окружающим о назначении. После бури все вывески оказались не на своих местах. Теперь они не только не помогали людям разобраться в мире, но и стали серьёзной помехой. И жителям города не оставалось ничего другого, как снова заняться развешиванием вывесок. Примерно такую же задачу выполняет наука в современном обществе.

Новое мировидение упраздняет традиционные для прежних представлений прямые причинно-следственные связи и линейную логику развития. Оно направляет сознание человека к пониманию того, что события и характер развития в один момент могут непредсказуемо меняться; направляет его внимание на постижение скрытой сущности явлений, неизменно таящейся за явными изменениями формы.

Нелинейная модель современного мира ставит человека в условия возрастающей познавательной активности по отношению к себе и миру. Сто лет назад на страницах своих записных книжек эту проблему обсуждал А. П. Чехов. Он с сожалением отмечал сложившуюся в то время стереотипность восприятия человека, которая основывается на разовом впечатлении о нём. В этом смысле самым мудрым А. П. Чехов называет портного, который, как бы часто мы ни приходили шить костюм, каждый раз заново снимает мерку.

В художественной форме яркий пример отказа от стереотипности восприятия представлен в пьесе Э. Ионеско «Лысая певица». Пьеса была создана в 1970–80-е гг., когда в социалистической системе господствовала точка зрения на мир и человека как на явления устойчивые, малоподвижные, постоянные в своих основных характеристиках. Это произведение не случайно было отнесено к жанру «театра абсур-

да». Герои пьесы — супруги — бесконечно и непрерывно знакомятся друг с другом, выясняя, кто они и где могли встречаться. Стоит им на минуту отвернуться друг от друга — и снова приходится заводить разговор знакомства. Здесь в предельно заострённой, почти абсурдной форме выражена идея непрерывной изменчивости мира и человека, которая в то время была уже открыта и осознана в точных и естественных науках, но не могла быть высказана так определённо и утвердительно в гуманитарной сфере. Она восстанавливает в правах древнее утверждение Гераклита: в одну реку нельзя войти дважды. Идея нелинейного саморазвития человека осторожно вводилась в картину мира сначала через позицию «абсурдности», но всё равно работала на расширение сознания. Сегодня непрерывность и нелинейность мы осознаём как реальный факт.

Синергетика сформулировала и ввела в широкий научный обиход идею притяжения будущим настоящего. При сложности её звучания в терминологии ядерной физики она достаточно проста и понятна и даже, в сущности, не столь нова, как кажется. Эта идея связана с понятием «аттрактор», или «идея-магнит» — своеобразной ментально-энергетической структурой, в философии, фигурирующей как «эйдос», «идея», в искусстве — как «мечта», а в системе ценностей выраженная в понятии «смысла жизни», «предназначения» и т.п.

Аттрактор с его необычными свойствами проявляется в равной мере в сложных физических системах, в человеческих сообществах, в динамике культуры и в становлении личности: «В синергетике возникает одно из наиболее парадоксальных представлений — представление о влиянии будущего, или конечной причинности. Будущее преддетерминирует настоящее, структуры-аттракторы детерминируют ход исторических событий. Будущее оказывает влияние сейчас, в некотором смысле оно существует в настоящем. Структуры-аттракторы как будущие состояния пред-даны, пред-заданы (свойствами данной нелинейной среды). Они существуют “as a ready-made”. Паттерны самоорганизации и эволюции наличествуют до самих процессов эволюции. Аттракторы выглядят как “память о будущем”, как “воспоминание будущей активности”» [5].

Синергетика обнаружила, что логика развития сверхсложной системы укладывается в период между двумя точками бифуркации — её рождением и окончательным разрушением. Вхождение в состояние

неравновесности всегда означает, что прежнее основание, эйдос, идея, аттрактор исчерпали возможности и наступил момент качественных изменений системы. На уровне макропроцесса саморазвития культуры и любого её феномена сам факт их бытия означает, что с момента изначальной неравновесности, когда они появились в исходных формах, они ещё не вошли в завершающую стадию, а значит, должны сохранять тот же исходный смысл, сущностное зерно, из которого исторически самовозрастает единое Древо культуры.

Начало — фундаментальная категория, сгустившая в себе логику и специфику развития мира. Современная биология обнаружила, что потенции личностного развития человека уже «свёрнуты» в виде сложных кодов в одной исходной клетке, из которой формируется будущий организм. Семена растений уже «почти всё знают» об их полноценных будущих проявлениях, в которые, конечно же, вмешиваются случайность и нелинейность. В отношении культуры современные открытия позволяют предположить, что время жизни и *масштаб явления культуры* зависит от высоты и величия заложенной в нём изначальной идеи.

Закон «о начале» не выделяется представителями синергетики как самостоятельное методологическое построение. Он растворён в открытых ими закономерностях и *формулируется нами* как методологический принцип, фундаментальный закон, раскрывающий новые возможности прочтения смысла современного состояния культуры или её отдельных явлений, как основа проектирования логики её будущего развития.

Является ли обнаруженная нами особенность действительно законом? Это вопрос дискутировался во время научной презентации идеи в рамках Первого российского культурологического конгресса в Санкт-Петербурге в 2006 г. В поисках ответа на этот вопрос нами пока не было обнаружено целостной формулировки понятия «закон», или «фундаментальный закон». Словари и теоретические исследования пестрят конкретикой узких формулировок отдельной отрасли науки или сферы интересов исследователя.

В фундаментальнейшем синтетическом и синергийном научном труде современности — «Теории физических структур» — Ю. И. Кулакову удалось найти некоторые основания, позволяющие наметить линию движения к искомому ответу. Пока в общих чертах

эта мысль разворачивается таким образом: «Что такое физический закон? — задаётся вопросом Ю. Кулаков. — Не закон Ньютона и не закон Ома, а физический закон вообще? Чтобы ответить на этот вопрос, начнём с простейшего примера — с законов, лежащих в основании геометрии евклидовой прямой, геометрии евклидовой плоскости и геометрии трёхмерного евклидова пространства» [8, с. 370]. Рассматривая фундаментальные законы на примере физических и математических теорий, автор формулирует ряд определений закона для каждой научной сферы, в которых обнаруживаются их константные и переменные составляющие.

Переменные блоки в формулировках законов выражают частные свойства, отличающие каждую из сфер познания. *Константная составляющая* позволяет выделить сущностные стороны «Закона» как самостоятельного феномена картины мира и инструмента адаптации Человека к пространству и времени: «Фундаментальный закон, лежащий в основании... представляет собой определённый тип отношений...» [8, с. 370–372]. В результате произведённых обобщений можно утверждать, что закон, по определению, лежит в основании масштабной системы явлений и фиксирует «определённый тип отношений», раскрывающий сущностные свойства системы. В данном контексте отношение исходной идеи, эйдоса, к итогу в сложных саморазвивающихся системах вполне подходит под классификацию закона.

Закон о Начале выражает методологический принцип, действующий на всех системных уровнях культуры (а возможно — и всего Бытия, но эта гипотеза работает только в модели мира, признающей специфическую духовно-материальную сущность творения и наличие Творца):

Идея, заложенная в момент рождения феномена, является для него единственно истинной, раскрывающей его исходный сущностный смысл. Она сохраняется в динамике его развития в неизменном виде при любых обновлениях формы и способов функционирования, составляя внутренний константный стержень феномена и не давая ему тем самым утратить себя в ходе непрерывного исторического изменения.

В действии «закона о Начале» проявляется важное свойство. Чем дальше от исходного смысла уводят интересующее нас явление про-

исходящие в нём перемены, тем сильнее и ярче будут проявляться *кризисные состояния*, вплоть до угрозы полного уничтожения. Другими словами, если в бытии какого-либо явления культуры мы обнаруживаем состояние кризиса, то это значит, что явление в ходе своего нелинейного развития, изменяясь под воздействием случайностей и других системных элементов культуры, слишком далеко отклонилось от своего истинного смысла. Для разрешения состояния кризиса необходимо вернуться в то культурно-историческое прошлое, когда это явление возникло, чтобы понять его исходный смысл. Сравнив исходный смысл данного явления с современным, мы получаем возможность увидеть характер и направленность произошедших в нём изменений и найти более точный путь сглаживания сложившегося противоречия.

В качестве примера можно рассмотреть такой известный древнейший феномен культуры, как Учительство. Изначально Учительство родилось как священная миссия, а Учителем называли человека, который *хотел и мог* научить других важнейшим сокровенным тайнам, пониманию мира. Для этого был необходим дар, которым обладали немногие. В исторической динамике за тысячелетия сменились разные типы школ и место учителя в них тоже определялось по-разному. Сегодня учительство стало профессией. Это имя присваивается по формальным признакам — образованию и месту работы, при этом большинство современных учителей либо не хотят, либо не могут заниматься своим делом. Тех немногих Учителей, которые и сегодня мыслят свою работу как высокую миссию, мы сразу узнаём, запомним, храним их уроки в памяти и в сердце. Ни время, ни технологии не могут поменять изначального смыслового зерна, «эйдоса Учительства», и там, где современный учитель соответствует исходной идее, мы не видим кризиса школьного образования. Дети учатся, обретают любознательность, мотивацию и целеустремлённость к саморазвитию.

Опираясь на положения синергетической теории, мы получаем понимание, что развитие культуры и её явлений определяется их *исходным состоянием и первичным импульсом, идеей, эйдосом, а в предельном смысле — «суперэйдосом», задающим вектор движения системы к будущему*. Такая идея закладывается в момент рождения

системы. Для макросистемы Культуры — это период «детства человечества», ранние формы бытия первобытного общества.

Главную ценность научного подхода составляет теперь нестандартная эвристичность, свободный и гибкий диалог исследователя с миром: «Синергетика может рассматриваться как *позитивная эвристика*, как метод экспериментирования с реальностью. Это — не инструмент, дающий предзаданные результаты, а дверь, открытая в ...реальность природную или человеческую и ожидающая ответов от самой этой реальности. Синергетика становится способом не просто открывания, но и создания реальности, способом увидеть мир по-другому и активно встроиться в этот мир» [6].

Новый подход задаёт *спиральный вектор обратной перспективы*, в котором традиционные антиномии классического научного познания замыкаются созидательной энергией, родившейся из них новой целостности. Из этой синергии проявляется голографический непротиворечивый образ мира, который не терпит по отношению к себе классической научной авторитарности. Он встраивает исследователя в познавательное пространство одновременно и как органическую часть познаваемого мира, и как стороннего наблюдателя. Такой метод познания, в свою очередь, создаёт голографический эффект¹, при котором оказывается возможным получать ёмкие целостные представления по частным научным проблемам и, наоборот, — глубоко погружаться в частные аспекты глобальных вопросов бытия.

Феномен Начала как динамическое напряжённое пространство вызревания эйдоса, поле интуитивного поиска подходящего образа для воплощения в материи, момент определения «истинного аттрактора» как непроявленного идеального будущего создаваемого явления — весь этот мучительный и невыразимый творческий процесс представляет абсолютное попадание в ситуацию, которая характеризуется синергетикой как «сильно неравновесная»: как ярко выраженный момент хаоса, бифуркации, который никому неизвестным способом «самоорганизуется» в новый порядок — в то самое новое явление, к созданию которого мы стремились, отыскивая в бездонных нелинейных горизонтах ноосферы единственно нужный нам эйдос! Не об этом ли говорил Ф. Ницше устами Заратустры: «Нужно носить в себе ещё хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду»!

Теория неравновесности и образуемые ею многочисленные следствия проложили путь понимания фундаментальной диалектики про-

¹ Подробно см. об этом см. [1, с. 97–105].

цесса творения вообще, жизни — как саморазворачивающегося во времени и пространстве синергийного творчества — в частности, и непостижимой алхимии создания произведений искусства — в особенности: «Ныне мы знаем, что вдали от равновесия могут спонтанно возникать новые типы структур. В сильно неравновесных условиях может совершаться переход от беспорядка, теплового хаоса, к порядку. Могут возникать новые динамические состояния материи, отражающие взаимодействие данной системы с окружающей средой. Эти новые структуры мы называли *диссипативными структурами*, стремясь подчеркнуть конструктивную роль диссипативных процессов в их образовании» [14, с. 53]. (Необратимые процессы, тесно связанные с открытостью системы и случайностью, порождают явления высокого уровня организации. Это и есть диссипативные структуры.)

Сущность этой сложной теории наглядно выражена в поистине мистической русской сказке «Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Сказка начинается с утверждения даже не «сильно неравновесного» состояния — неравновесность здесь кажется абсолютной! В полученном героем творческом задании нет никакой точки опоры, потому что напрочь отсутствует всякая материальность. Есть пространство (куда-то всё-таки нужно идти!), время (оно требуется для естественного передвижения героя) — и абсолютно нелинейное задание вероятностного типа (что-то нужно найти, но где и что именно — никто не знает). И всё же в сказке присутствует и вторая сторона нелинейности — преддетерминированность результата: задание даётся герою с такой твёрдостью и непререкаемостью установки, что, кажется, ему ничего другого и не остаётся, как вопреки всему выполнить его. У того, кто даёт герою сказки задание, даже сомнения не возникает, что эта задача может быть невыполнимой. Не возникает такой мысли и у самого героя, именно поэтому он столь спокойно и решительно пускается в путь. Но буквально ситуация «бифуркационного взрыва» возникает в душе и сознании от результата этой невероятной истории: герой не только нашёл «не знаю что» «не знаю где», он ещё и сразу понял, что именно это он и искал!!!

Давнее детское потрясение этой предельной неравновесностью и нелинейностью нашло объяснение и разрешение в многочисленных жизненных и познавательных аналогиях, которые рождает эта сказка: образно, предельно абстрактно передаёт она сущность всей жизненной модели человека и отдельных ей проявлений. Как человек находит себе друзей? Как он узнаёт, что это и есть тот, кого он искал? Как мы находим свою любовь, когда сами точно не знаем, что это такое,

— но бываем уверены в этом, когда встречаем её? Как мы определяем, как поступить в каждой конкретной ситуации? Как мы совершаем жизненный выбор, ясно осознавая, что это именно то, к чему мы стремились? (Но если бы нас спросили об этом заранее — мы бы ни за что не смогли сказать, чего мы хотим!) Как мы делаем каждое дело в нашей жизни? Как умудряемся прожить каждый свой день, ежедневно приступая к этому в первый раз? Как художнику удаётся прозреть образ в камне или дереве? Как мы обучаемся ходить? Говорить? Думать? Как понимаем, что такое добро, зло, совесть, честь, жизнь? Это тоже примеры процессов самоорганизации хаоса наших впечатлений, научных познаний, практического жизненного опыта в ясные, интуитивно проживаемые конструкции духовного порядка, определяющие собой и жизнь материального тела, и всю систему наших отношений с миром. И в незримой составляющей этих сложных нелинейных процессов также важен исходный посыл, выполняющий в системе роль «аттрактора».

Наши предки не очень утруждали себя логическими объяснениями. Они просто оставили свои наставления — ёмкие и мудрые, накрепко врезающиеся в память: «Береги платье снову, а честь смолоду», «Семь раз отмерь, один отрежь» — и т.п. Современному человеку с его предельным доверием к науке необходимы неопровержимые доказательства и зримые аргументы. Специально для такого случая в научном направлении ядерной физики — синергетике — были найдены и обоснованы уникальные свойства Начала, чего бы это Начало ни касалось.

Начало определяет собой судьбу того дела или явления, которое из него вырастает. Всё в мире с течением времени меняется, но изменения затрагивают только внешние стороны. Суть, изначальный смысл любого явления, всегда остается неизменным. А рождается эта сущность в самом начале — в виде идеи, образа, высшего смысла того, что мы хотим создать. Другими словами, в основу любого дела положена *идея*: что именно, как и для чего мы хотим сделать. Как только эта идея ясно определилась, нам становится понятно, что нужно делать для ее практического воплощения. Ученые заметили: чем конкретнее и практичнее цель, тем быстрее она может быть достигнута, а вместе с этим будет завершено и рождённое ради неё дело. Чем величественнее и выше цель, тем дольше будет существовать посвящённое ей дело. Чем выше цели создания семьи, тем крепче будет совместная жизнь. Чем выше цели при выборе профессии или получении образования, тем лучше и значительнее будет его результат...

В 1930-х гг. О. Мандельштам написал эссе «Разговор о Данте», в котором в его отношении к слову тоже читается мотив специфики исходного эйдоса: «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку». Здесь задолго до синергетики уже прочувствован и выражен нелинейный процесс развития творческой идеи из первоначала. Воистину — «ничтожные до неприличия причины приводят к грандиозным следствиям» (В. Босс).

В ежедневных напряжениях будничной жизни мы тоже сохранили интуитивное представление об особой значимости первого импульса, первого проявления чего-либо в мире. В этой плоскости лежат все важнейшие праздники и священные (в прямом и переносном смысле) «точки движения» нашей собственной судьбы и мира. Об этом свидетельствует особое положение Рождества или Нового года, которые в разных мировоззренческих системах неизменно имеют главное значение.

Из первого импульса когда-то сложился мир, ставший на многие тысячелетия надёжным пристанищем для человека. И было это так давно, что Человечество уже и забыло то, что было в Начале... Каждый год снова и снова рождается Христос, чтобы затем в кругу годовых религиозных праздников стойко пройти путём страданий и служения Истине и в который уже раз повторить почти безнадёжную попытку спасения Человечества ценой своей жизни. Символика элементов этих праздников возвещает о Начале как смысловом истоке жизни и точке её обновления.

На рубеже тысячелетий, в условиях глобальных космических и геополитических перемен, суть происходящего выражается через понятие «научной революции»: «Коренное преобразование научной картины мира на основе достижений термодинамики неравновесных процессов и концепции самоорганизации вносит существенно новые моменты в основания научного поиска и оказывает воздействия на всю современную культуру. Возникают контуры грандиозного научного синтеза знаний о неорганической природе, жизни и человеке, философско-мировоззренческое значение которого, быть может, сопоставимо с последствиями крупнейших научных революций» [4, с. 42].

Атмосфера очередной грандиозной научной революции человечества свидетельствует о том, что мы стоим в Начале нового методологического Пути к познанию не явлений, но Сущностей, в синкрети-

чески-интегративном поле которого проявятся новые, невидимые ранее, рельефы единой и многоликой Карты Культуры.

1. Балакина Е. И. *Метаморфозы диалога в системе культуры и искусства (Теория и практика созидательных путей культурогенеза)* : монография. Барнаул : Алтайский дом печати, 2014.
2. Большакова А. Ю. Имя и архетип: о сущности словесного творчества // *Вопросы философии*. 2012. № 6. С. 28–39.
3. Борко Т. И. Мифо-ритуальные истоки искусства (от тождества к имитации) // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2013. № 10. С. 100–108.
4. Казютинский В., Степин В. Междисциплинарный синтез и развитие современной научной картины мира // *Вопросы философии*. 1988. № 4.
5. Князева Е. Н. Научись учиться. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/KNYAZEVA2.htm>
6. Князева Е. Н. Синергетический вызов культуре. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/SINVIZKUL.htm>
7. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. *Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции*. М. : КомКнига, 2007.
8. Кулаков Ю. И. *Теория физических структур (Математические начала физической герменевтики)*. М., 2004.
9. Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства // *Контекст*, 1985: литературно-теоретические исследования. М., 1986. С. 15–20.
10. Мордкович В. Г. *Сибирь в перекрестье веков, земель и народов: очерки этно-экологической истории региона*. Новосибирск : Сова, 2007.
11. Немировский В. Г., Невирко Д. Д. *Теоретическая социология: нетрадиционные подходы : учебное пособие*. Красноярск : Красноярская высшая школа МВД России; изд-во «Горница», 1997–1998.
12. Пелипенко А. Культурная динамика в зеркале художественного сознания // *Человек*. 1994. № 4. С. 58–61.
13. Поршнев Б. Ф. *О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии)*. М. : Мысль, 1974.
14. Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой*. М. : Прогресс, 1986.
15. Фещенко В. В. *Внутренний опыт революции в русской поэтике // Семиотика и авангард : антология*. М. : Академический проект; Культура, 2006.
16. Элиаде М. Миф о благородном дикаре, или Престиж начала. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Eliade/Mif_BlDik.php
17. Юнусова В. Н. Феномен буддийской медитации в традиционной музыкальной культуре и восточном авангарде // *Музыковедение : журнал, приложение к периодическому изданию «Музыка и время»* / гл. ред. Н. Н. Гилярова. 2012. № 5. С.27–33.

ФИЛОЛОГИЯ

Е. Е. Бразговская

Автоперевод и самоидентичность в корпусе текстов билингвального автора

УДК 81'246+81'25

Основное направление статьи — автоперевод как билингвальная художественная практика. Кросс-языковая биография Чеслава Милоша — предпосылка его би- и полилингвизма. Атрибуты полилингвального сознания рассматриваются в рамках теории семиосферы Ю. Лотмана. Милош считал автоперевод инструментом сохранения своей стилистической и концептуальной самоидентичности, что обеспечивает адекватную рецепцию его польскоязычных текстов при переходе в пространство англоязычной культуры.

Ключевые слова: *билингвизм, кросс-языковая биография, автоперевод как самопрезентация, стилистическая самоидентичность.*

E. E. Brazgovskaya. Translate and self-identity in the corpus of bilingual website

The work refers to self-translation as bilingual artistic practice. Cross-language biography of Czesław Miłosz is a prerequisite of his bi- and multilingualism. The attributes of multilingual consciousness are considered in the framework of Lotman's semiosphere. Miłosz treats self-translation as a tool of his, as a writer and thinker, self-presentation. Simultaneously self-translation is a strategy which he pursued to make his

work available to the Englishspeaking audience. This strategy is an important component of the critical reception of Miłosz's works.

Key words: bilingualism, cross-language biography, self-translation as a self-presentation, stylistic self-identity.

Żyłeś dwa razy mocniej niż inni,
na dwu kontynentach, w dwu językach, na jawie i w
wyobraźni.

Adam Zagajewski

Ты жил в два раза интенсивнее других,
на двух континентах, в двух языках, во сне и наяву¹.

Адам Загаевски

Один из важнейших вопросов, возникающих в связи с изучением билингвальных практик, связан с определением самоидентификации человека, живущего в пространстве нескольких языков и пишущего более чем на одном языке. В качестве билингвальных практик можно рассматривать не только создание текстов на двух языках, но и интерпретации «оригинального» текста на другом языке, переводы и автопереводы, то есть все виды межъязыковых «переходов». В определённом смысле, перевод — это ситуация *действительного билингвизма*, когда пространства двух языков и культур становятся сообщающимися сосудами.

Я буду говорить о Чеславе Милоше как переводчике Чеслава Милоша. Поэты достаточно редко переводят себя. Обычно выполняется «авторизованный» перевод — стилистическая правка перевода, выполненного другим человеком. К переводам, выполненным автором оригинала, и самому процессу перевода собственных текстов на другой язык начинают проявлять активный интерес не только современная филология, теория перевода, исследователи билингвизма и творчества двуязычных авторов, но и когнитивистика, философия языка и культуры. Этот интерес обусловлен рядом проблемных вопросов.

Прежде всего, пока не сложилась единая точка зрения по поводу автоперевода как билингвальной художественной практики. Что это:

¹ Здесь и далее переводы с польского и английского языков выполнены автором работы.

действительно *перевод*, стремящийся к максимально полному приближению к оригиналу и его «сохранению», или это «продолжение работы с рукописью» и создание *нового текста*? Выбор ответа на этот вопрос позволяет или идентифицировать оригинал и перевод как один текст, или отказаться от их полного отождествления [22]. Для многих теоретиков перевода само существование автоперевода изменяет сложившиеся связи между оригиналом (текстом первичным, текстом-источником) и переводом (текстом вторичным, копией, иконой). Если и с первым, и со вторым работает один и тот же человек, то, естественно, следует признать его авторство по отношению к обоим текстам. Но значит ли это, что тогда в культуре возникает уже не один, а *пара* относительно «автономных» текстов, принадлежащих одному автору?

Второй вопрос связан с проблемой тождественности идиостиля автора, пишущего на нескольких языках: это «тот же» автор или следует разграничивать, например, стилистику его польскоязычных текстов и англоязычных? Насколько сохраняется стилистическая и концептуальная идентичность личности при переходе с языка на язык?

Третий вопрос связан со степенью адекватности автопереводов. Может ли автор «отстранённо» смотреть на собственный текст и переводить его, а не совершенствовать в процессе перевода или даже писать заново? Ведь работа профессионального переводчика предполагает, в частности, отстранённость от своих стилистических предпочтений. Может ли автор «отстраниться» от себя самого, точно воспроизводя себя же, но прошлого?

И список этих вопросов далеко не полон. В целом, обращаясь к автопереводу, и сами переводчики, и исследователи этого феномена решают для себя вопрос о степени свободы в обращении с оригиналом — мере точности перевода. Парадоксальность ситуации объясняется тем, что автор оригинала и автор перевода — одно и то же лицо. Именно в этом контексте пока очень мало масштабных исследований, например, об И. Бродском, Т. Венцлове, Ч. Милоше.

В случае автоперевода мы имеем дело не только с литературным билингвизмом, но и *транслингвизмом*, поскольку исходный текст (оригинал) перемещается самим автором в среду иного языка и культуры. Практика автопереводов, как и практика создания текстов на различных языках, связана с обязательным наличием лингвистиче-

ской компетенции. Прежде всего, это (в той или иной степени) осознанное использование репрезентативного и стилистического потенциалов языков, на которых пишутся тексты. В итоге для двуязычного автора билингвизм предполагает, с одной стороны, расширение возможностей отображения мира. С другой стороны, биография пишущего — это «покрой его языков»: «<...> если Вы намерены писать биографию поэта, Вы должны писать биографию его стихов и его языка <...>» [2, с. 7; 9, с. 48].

I

В энциклопедическом справочнике «Multicultural Writers since 1945: An A-To-Z Guide», где собраны сведения о современных авторах, работающих на нескольких языках и принадлежащих не столько своей «исходной» культуре, сколько мультикультурному пространству, Чеславу Милошу посвящена отдельная статья [11, с. 354–370]. С большой степенью вероятности можно допустить, что основанием транслингвальных практик Милоша стала, в буквальном смысле, его **кросс-языковая биография**. Говоря о жизни поэта, следует писать историю его отношений с различными языковыми системами, которые у Милоша «пересекались» и существовали по принципу дополнительности, создавая единое межъязыковое пространство:

<...> moja polszczyzna była zawsze podmywana przez inne, słyszane obok języki [15, с. 72–73].

<...> мой польский язык всегда омывался другими языками, которые я слышал рядом.

Милош вспоминал, что его родной польский язык в детстве, проведённом в Литве, лексически и фонетически соприкасался с литовским и белорусским языками. Русский язык он никогда специально не учил, но знал его пассивно. Гимназия открыла для будущего поэта пространства латинского, греческого и французского языков. В университетском Вильно (Вильнюсе) звучал идиш. Во время Второй мировой войны Милош учит английский, работая над переводами текстов Т. Элиота. Вхождением во французский язык Милош обязан не только послевоенной дипломатической работе в Париже и последующей эмиграции (с 1951 г.), но прежде всего глубоким интересом к

творчеству своего парижского родственника и духовного наставника — философа Оскара Милоша. В Беркли (вторая эмиграция) английский становится языком, на котором Милош преподавал, на который переводились тексты Милоша. На английский язык он переводил тексты польских поэтов и свои собственные.

Особенности лингвистической биографии индивида могут уточняться посредством введения более частного понятия: *кросс-языковая биография* (*cross-language biography*). В английском корне *cross-* содержатся значения *крест, пересечение, скрещивание, препятствие*. Говоря о кросс-языковой биографии поэта, мы рассматриваем его жизнь как процесс «пересечения» языков. Взрослея, человек последовательно овладевает новыми языками, выходит за границы уже освоенных и вновь возвращается в них. При этом выход за пределы языка не обязательно связан с пересечением государственных границ (эмиграцией). Любой акт создания текста на другом языке можно рассматривать как своего рода лингвистическую эмиграцию. В отличие от термина «многоязычие» (полилингвизм), фиксирующего «статичный» факт знания ряда языков, термин «кросс-языковая биография» (индивида) отражает личную историю вхождения в свои языки, а также «отношения» между этими языками. По определению Т. Венцловы, Милош и Бродский были «кентаврами, одновременно существовавшими в рамках двух систем: двух государств, культур, языков» [23, с. 11].

II

В пространстве лингвистических исследований практически не встречается работ, где проблемы художественного билингвизма рассматривались бы в контексте лотмановской *теории семиосферы* [4]. Исключение составляет работа А. Ковтун «Многоязычие как константа языкового сознания Л. П. Карсавина» [3]. Между тем многоязычное сознание может быть описано как фрагмент семиосферы, функционирующий согласно всем её законам. Прежде всего, речь идёт о таких характеристиках, как *полилингвальность, бинарность* и сопровождающая её *асимметрия*. По Ю. Лотману, минимальной работающей структурой семиосферы является бином. Для языкового сознания индивида — это два языка (в случае Милоша — польский и английский). На базе такого бинома в дальнейшем может выстраиваться

сложная структура с фактически открытым списком языков. Межъязыковая бинарность, то есть противопоставленность и одновременное соположение двух языков, и есть суть билингвизма.

Многоязычное сознание личности не может существовать в виде однородного поля. В чём выражается асимметрия языков индивида?

Прежде всего, они различны по *функциональной нагрузке*. Так, польский, английский и французский языки были для Милоша языками бытовой коммуникации, но только английский — языком науки (университетского преподавания). Как исследователь в области истории литературы и философии текста он выпустил на английском языке Нортонские лекции «The Witness of Poetry» [13]. Английский язык стал языком милошевских автопереводов.

Языки индивида различаются также и по *степени активности / пассивности*. С таких языков, например, как литовский и русский, Милош делал переводы на свой родной язык — польский. Эти языки для Милоша были в большей степени «пассивны», поскольку не включались им в сферу активной коммуникации. В «Ogród nauk» Милош отмечает, что знание литовского языка ограничивалось у него достаточно полным представлением о его грамматике, но это позволяло переводить с литовского с помощью подстрочника¹. *Активная позиция английского языка* поддерживалась рядом факторов. В их числе: постоянное нахождение в англоязычном контексте; преподавательская практика, в ходе которой Милош интерпретировал по-английски польских поэтов и тексты русской литературы; работа над переводами и автопереводами.

Характерной чертой полилингвизма Чеслава Милоша является *смена доминантных языковых пар*. Каждый этап лингвистической биографии поэта отмечен парой наиболее активных для этого периода языков (доминирующей билингвальной структурой). Так, в годы первой эмиграции (Париж, 1951–1960 гг.) — это польский и французский языки, в Беркли (с 1960 до начала 90-х гг.) — польский и английский. В состав доминирующей пары языков могут входить не только активные, но и пассивные языки. Доминантность языковой пары определяется функциональной задачей, стоящей перед языковой личностью.

¹ Речь идёт о переводе с литовского стихотворения Томаса Венцловы «Разговор зимой». Подстрочник, как указывает Милош, выполнен его коллегой по университету в Беркли профессором истории Греции Рафаэлем Сили.

Например, работа Милоша над переводом Библии с гебрайского языка на польский предполагала выдвижение вперёд соответствующей языковой пары.

Отличительной чертой художественного билингвизма можно считать *число и интенсивность практик, связанных с использованием двух языков*. Билингвальная практика Милоша включает не только собственно переводы (включая автопереводы), но и англоязычные автокомментарии к своим польскоязычным текстам. Доля переводческой практики в творчестве Милоша очень значительна. Переводческой деятельностью он занимался на протяжении всей творческой жизни. Р. Горчиньска отмечает, что по числу страниц, если это можно принять за «меру работоспособности», Милош-переводчик доминирует над Милошем-поэтом [7, с. 365]. За свою творческую жизнь Милош издал 64 книги переводов. Переводы включались им также в собственные поэтические сборники и сборники эссе («Rok myśliwego», «Ogród nauk», «Wypisy z ksiąg użytecznych», «Dalsze okolice»). Он переводил с английского и французского языков на польский, с польского на английский. Анализу переводческой практики Милоша (исключая автопереводы) посвящена монографическая работа М. Heydel [8].

III

Несколько слов о *парадоксальности милошевского билингвизма*. С одной стороны, в корпусе его текстов многократно воспроизводится вариация на тему о невозможности писать на чужом, не материнском языке (в этом вопросе он никогда не находил точек соприкосновения с И. Бродским):

Nie znoszę pisać w obcym języku, nie umiem pisać w obcym języku. <...>. I jakże rad dzisiaj jestem, że z uporem trzymałem się mego języka <...>, zamiast naśladować tylu imigrantów do Francji czy do Stanów, którzy zmieniali skórę i mowę [15, с. 31].

Я не могу писать на чужом языке, не умею писать на чужом языке. <...> И сегодня я рад тому, что с таким постоянством держался за свой язык <...>, вместо того, чтобы следовать примеру тех, кто, эмигрируя во Францию или Соединённые Штаты, менял кожу и свой язык.

Можно ли поэту писать не только на родном языке? Можно ли полностью перейти на другой язык? Вывод Милоша однозначен. Отказ от материнского языка ведёт к утрате идентичности, к «бездомности», «самоубийству физическому или духовному»:

W odmowie narzucenia sobie przełomu, czyli przejścia w pisanii na inny język, dopatruję się obawy przed utratą tożsamości, bo na pewno, zmieniając język, stajemy się kimś innym [20, с. 245–246].

В самом факте отказа себе самому в переменах, то есть в возможности писать на другом языке, я усматриваю страх перед утратой самотождественности, поскольку совершенно точно, что, меняя язык, мы становимся кем-то другим.

С другой стороны, Милош, активно работая над переводами собственных текстов на английский язык, всё же выходил в пространство «чужого» языка. В чём парадоксальность этой ситуации? За переходом на другой язык, как он пишет, неизбежно следует утрата самоидентичности поэта. Однако дабы сохранить самотождественность в пространстве другого языка и другой культуры, можно и даже необходимо заниматься переводами своих текстов, то есть, в итоге, писать на другом языке. Объясняя эту ситуацию, Милош исходит из внеязыковых дискурсивных факторов, подчёркивая, что возможность общения с читателями в пространстве другого языка теснейшим образом связана с проблемой стилистической самотождественности поэта, которого они читают в переводах. Милош понимал, что вхождение в американскую культуру и мировое признание (Нобелевская премия) в немалой степени были обеспечены в том числе переводами его текстов на английский язык. В интервью с Адамом Михником он отмечает, что переводы на английский язык сыграли в его литературной судьбе огромную роль. Отсутствие переводов — это отсутствие отклика читательской аудитории и, как следствие, «молчание поэта» (И. Бродский):

When my books of poetry began appearing in English and when I began to go around reading my poems I became, to some extent, integrated into American poetry and literary circles. <...>. I'm not a total

outsider. <...> In a certain sense, I'm an American poet, although it's clear that all my poems are translated from Polish [18, с. 122].

Когда мои книги стали издаваться по-английски и меня стали приглашать читать свои стихи на этом языке, я почувствовал себя интегрированным в американскую поэзию и литературу. Я перестал быть литературным «аутсайдером». В определённом смысле, я американский поэт, хотя ясно, что все мои стихи переведены с польского.

В качестве важнейшей причины, побудившей Милоша стать собственным переводчиком, следует назвать и определённую степень неудовлетворённости работой других переводчиков (а среди них поэты Роберт Хаас, Роберт Пински, Дэвид Брукс и сын Милоша — Антони Милош). В письме к Богдану Чайковскому (от 29 мая 1975 г.) Милош отмечает:

<...> przekłady wierszy, robione przez innych, nieraz dobre, mnie nie zadawały jako rytmicznie obce samemu memu systemowi oddychania. <...> . Nie mogę zgodzić się na druk czegoś, co nie wyszło z mego warsztatu.

<...> переводы, сделанные другими, хорошие, но не удовлетворяют меня, ритмически они чужды тому, как я дышу. Я не могу согласиться на то, чтобы издавать тексты, вышедшие не из-под моего пера [цит. по: 10, с. 275].

Поэт должен быть уверен: восприятие его текстов на польском и английском языках будет в достаточной степени тождественным. Та же мысль у И. Бродского:

<...> каждый переводчик доносит до читателя «своего» автора, создавая тем самым проблему неопределённости его «тождества». Если автор хочет и на другом языке оставаться собой, ему следует браться за автоперевод, поскольку тогда можно быть уверенным в «конгениальности» переводчика и поэта [1, с. 257].

В ретроспективном сборнике Милоша «New and collected poems» (1931–2001), изданном в Нью-Йорке в 2003 г., многие переводы вы-

полнены самим поэтом, часть — в соавторстве, и лишь небольшая часть — другими переводчиками. Имена переводчиков приводятся только в приложении к книге, ни на обложке, ни в оглавлении их нет [16, с. 771]. Это свидетельство того, что Милош редактировал и перерабатывал все переводы, выполненные не им самим, и потому не считал необходимым «делиться» с кем-либо правом на обладание своими текстами.

IV

Говоря об автопереводах, филология сталкивается с вопросом о природе этой художественной практики. Что делает автор, переводя собственный текст: иконически воспроизводит его в пространстве другого языка или совершенствует в процессе перевода, пишет заново? Конечно, это определяется интенцией автора-переводчика. В случае Милоша это желание не только обеспечить рецепцию своих текстов в пространстве англоязычной культуры, но и сохранить стилистическую и интеллектуальную самотождественность своих польских и англоязычных текстов. Он хотел быть не просто известным в англоязычной среде как поэт и мыслитель, но и адекватно воспринимаемым. Б. Карвовска так определяет данную установку: «продуманная стратегия самопрезентации» [10].

Как переводчик своих текстов, Милош находился в «выгодной», в сравнении с другими переводчиками, позиции. Ему, например, изначально была ясна авторская (то есть собственная!) интенция, знакомы предпосылки создания текста, его пресуппозиции, интертекстовые связи и др. «Конгениальность» переводчика и автора, представленных в одном лице, — очень значимый фактор для адекватного перевода.

Переводческую стратегию Милоша отличает установка на максимальное приближение к своему «оригиналу», нежелание использовать стилистические приемы принимающего языка и культуры. *Резистивный* перевод (от англ. *resist* — сопротивляться) основан на положении о том, что знаки исходного текста не должны приспособляться к принимающей культуре, а напротив, сопротивляться ей. В этом случае переводной текст сохраняет индивидуальность авторской стилистики и культурную самобытность. Резистивный перевод, таким образом, отвечает установкам на сохранение интеллектуальной соб-

ственности. В случае автоперевода резистивная стратегия переводчика оказывается тождественной исходной (авторской) стратегии создания текста на языке оригинала.

Милош следующим образом определяет приоритеты в переводе собственных текстов: это, прежде всего, сохранение интеллектуальной составляющей своих текстов, их «семантической достовности», своего способа «дышать в тексте». И ещё очень важная черта: сохранение знаковой черты его стиля — баланса между поэзией и прозой. Неоднократно он говорил о том, что всегда был свободен от «противоречий» между поэзией и прозой, стремясь к форме, сопрягающей их стилистические черты (*forma bardziej pojemna*).

Автопереводы Милоша действительно очень близки оригиналам. В качестве примера приведу фрагмент из поэмы «Na trąbach i na cytrze». Оригинальный текст сопровождается моим русским *подстрочником*, выполняющим для читателя функцию мостика-посредника между польским и английским текстами:

Opisywać chciałem ten, nie inny, kosz warzywa z położoną
w poprzek rudowłosą lalką poru <...>.

Także kota na jedynej w świecie wieży, jak układa mrucząc
wielkie dzieło <...>

Nadaremnie próbowałem, bo zostaje wielokrotny kosz warzywa.
I nie ona, której skórę właśnie może ja kochałem, ale forma
Gramatyczna [14, с. 323].

Я хотел описать именно эту, а не ту корзину с овощами и
лежащей поперёк красноволосой куклой лука-порей <...>.

А также kota на единственной (в своём роде) в мире башне,
как он, мурлыча, создаёт свой неповторимый текст <...>.

Напрасно я пытался, поскольку остаётся лишь многократно
воспроизведённая (в мире и языке) корзина.

И не та, чью кожу я (именно я) любил, а только грамматическая форма.

I wanted to describe this, not that, basket of vegetables with a
Redheaded doll of a leek laid across it <...>

Also a cat in the unique tower as purring he composes his

memorable book <...>.

In vain I tried because what remains is the ever-recurring basket.
And not she whose skin perhaps I, of all men, loved, but a
grammatical form [16, с. 227].

V

Непосредственный сопоставительный анализ «оригинал-перевод» не входит в задачи этой работы. В большей степени, в связи с проблемами художественного билингвизма, важен **вопрос о причинах «успешности» автопереводов**. Почему Милош так легко преодолел языковой и культурный барьер, став частью, как отмечается в издании [21], американской англоязычной литературы? В 70-е гг. уже сложилась ситуация, когда оригинальные тексты Милоша выходили практически одновременно с их переводами. Для Америки и Европы (исключая Польшу) Милош был поэтом, чьи тексты читались по-английски.

Успешность автопереводов Милоша в англоязычной среде во многом обеспечена интеллектуальным характером его поэзии. Стилистика Милоша, изначально представлявшего польскую литературу, сближалась с американской метафизической традицией (Р. Фрост, Р. Хасс, У. Х. Оден). В частности, американской литературе оказалась созвучна идея Милоша о том, что человеческий интеллект, стремящийся выстроить картину множества реальностей, выше, значимее, нежели эмоциональное переживание отдельной минуты жизни. Милош, как и Т. Элиот, обнаруживает эмоциональную составляющую поэзии в описании физического ощущения мысли: это ощущение столь же естественно, как и аромат розы. Также немаловажно, что в поэзии Милоша нет ярко выраженных национального и индивидуального компонентов. Мир един, и взгляд на него универсален. Отсюда и стилистика дистанцированности от частного, вариативного в пользу универсального. По Милошу, литература «слишком субъективна». В его же текстах, которые в конечном счёте всегда были «гимнами благодарности» миру, нет эмоциональной спонтанности, только контроль воли, интеллекта:

Tym były moje wiersze więc hymnami wdzięczności. <...> I nic we mnie nie było spontanicznie, ale pod kontrolą woli [19, c. 7].

Ещё одной составляющей успешной рецепции текстов Милоша в пространстве английского языка является принятая им стратегия перевода некоторых знаков интертекстовых взаимодействий, выполняющих для польского читателя роль концептуальных единиц. По существу, эта стратегия входила в относительное противоречие с авторской установкой на максимально точное отражение оригинала, поскольку в ряде случаев речь шла о необходимости подстройки, адаптации указанных единиц к принимающей культуре. В своих переводах Милош считал необходимым учитывать «разрывы» (*gaps*) между текстовой памятью англоязычных и польскоязычных читателей. Это выражалось в необходимости увеличить в переводе степень эксплицитности интертекстуальных отсылок, сделав их более «доступными» для читателей, выросших в другой культуре.

Так, в авторском переводе текста «*To lubię*» [17, c. 67] Милош намеренно уточняет отсылку к одноименной балладе Адама Мицкевича:

Ale ona jest tutaj, w swojej okolicy,
Jak niewidzialna rusalka z ballady *To lubię*.

Yet she is here, in her country,
Like an invisible naiad from Mickiewicz's ballad «I love it».

Подобная переводческая трансформация (уточняющий комментарий) может объясняться уважительным отношением в равной степени к своему американскому читателю и родной литературе. Поскольку для говорящего на английском языке поэзия Мицкевича не является «катехизисом», как для человека, выросшего в среде польского языка, Милош считает необходимым:

- внести в текст перевода комментарий, указав имя автора упоминаемой баллады (from *Mickiewicz's ballad «I love it»*);

- изменить название самого текста. Название польскоязычного текста Милоша («*To lubię*»), воспроизводящее название баллады Мицкевича, заменяется на «*A Naiad*» («Русалка»), поскольку эта бал-

лада Мицкевича явно отсутствует в текстовой памяти англоязычного читателя.

Все обозначенные причины позволили Р. Пински назвать Милоша *американским* поэтом, может, самым большим из американских поэтов. Р. Пински отмечал: складывалось впечатление, что Милош, когда писал по-польски, на самом деле уже писал по-английски [6, с. 48]. Немаловажно, что автопереводы снимали для американских читателей, литературоведов и критиков проблему дуальности оригинал-перевод, поскольку милошевские переводы воспринимались в американской культуре как *оригинальные* тексты. Вот почему так мало англоязычных работ о проблеме адекватности переводов Чеслава Милоша.

VI

Стилистическая самотождественность поэта в ситуации би- и полилингвизма — это нескончаемая тема с вариациями. Границы я особенно подвижны у человека, история жизни которого, как у Милоша, связана с «пересечением» границ языков и культур. В этом случае идёт постоянное перераспределение в личной картине мира индивидуального, национального и универсального способа отображения реальности. Если говорить о «национальном компоненте» художественной самотождественности, то следует заметить, что Милош принадлежит к числу поэтов-мыслителей, которые писали практически исключительно на родном языке, но перешагнули границы национальной литературы. Он ощущал себя частью польской литературы, но говорил, что воспитывала его вся мировая культура. Как уже отмечалось, успешность автопереводов Милоша в англоязычной среде во многом обеспечена интеллектуальным характером его поэзии, универсальностью мышления, выходящего за рамки национальной (польской) культуры.

Несколько заключительных замечаний о роли автоперевода в творческой биографии Чеслава Милоша. Работа над переводами своих текстов связана с осмыслением возможностей билингвального мышления. Анализируя переводческую работу, Милош говорит о том, что для него этот процесс связан с состоянием «припоминания-возвращения» к существу своего материнского языка. Постоянно находясь в среде другого языка, мы «дистанцируемся» от родного. Про-

цесс перевода / автоперевода позволяет нам «вернуться» в родной язык. Но не просто вернуться, а ещё и видеть свой язык, словно «со стороны», из пространства других языков. Что это даёт? Мы вторично погружаемся в материнский язык, уже расширив пространство своего языкового сознания другими языками. Здесь поэту-переводчику открываются новые возможности выражения в своём собственном языке, и, соответственно, возрастает степень осознанности употребления материнского языка. Тончайшие оттенки семантики слова актуализируются, как показывает практика, даже не только в собственно переводе, но и гораздо раньше — в ситуации пред-перевода, то есть интерпретации оригинала.

Автоперевод предполагает «столкновение» языков, следствием чего становится:

– необычайной силы активизация двух языков в сознании языковой личности. В ситуации двуязычия (перевода) происходит систематизация представлений о грамматических структурах обоих языков, их словарях, стилистическом потенциале, что приводит к взаимообогащению языков не только на уровне отдельной личности, но и социума, культуры;

– сопоставление «характеров» языков, их репрезентативных возможностей. Например, в «*Ziemia Ulro*» Милош высказывает положение о том, что каждый язык имеет своё «измерение» (*językowy wymiar*). В частности, в польском языке оно характеризуется концептуальным дефицитом — недостаточностью лексико-грамматических средств для точного перевода философских текстов [15, с. 177];

– осознанный контроль за использованием каждого из двух языков. Прежде всего, это касается стилистики переводного текста: язык перевода должен быть «удобочитаем» (*język czytelny*) [15, с. 185].

По Милошу, только в билингвальной ситуации, в переводах-интерпретациях, автопереводах поэт обретает обострённое чувство Языка как такового:

Есть люди, которые мыслят идеями, и те, которые мыслят скорее самим языком. Я принадлежу ко вторым [18, с. 4].

Автоперевод сродни открытию мира, который ранее, как казалось, был вполне известен. Речь о парадоксе вторичного открытия

возможностей родного языка и открытия ранее написанных собственных текстов. В итоге этот процесс говорит о неостановимости диалога с миром и самим собой. Поэта, переводящего собственные тексты, не следует считать создателем копий и подобию. Напротив, перевод позволяет ему расширить границы своего языкового дома, позволяет учиться не только тому, как осуществлять перенос уже сказанного в пространство другого языка, но продолжать своё становление как поэта, как художника: совершенствовать стилистику, анализировать потенциал способов отображения мира. Автопереводы интересны тем, что часто открывают автору ранее не замеченные им смысловые оттенки собственного «оригинала»: только в процессе перевода внезапно обнаруживаются потайные смыслы слов, казавшихся такими привычными [15, с. 212]. Об этом же и у Милорада Павича:

Для того чтобы понять истинное значение, текст надо перевести на тринадцать языков, и тогда в междузначии и междуязычии рождается истина. Она не в самом языковом сообщении, а в междусмыслии различных переводов [5, с. 109].

-
1. Бродский И. Книга интервью. М. : Захаров, 2010. 784 с.
 2. Бродский И. Меньше единицы: избранные эссе / пер. с англ. под ред. В. Голышева. М. : Независимая газета, 1999. 472 с.
 3. Ковтун А. Многоязычие как константа языкового сознания Л. П. Карсавина. О переводе трактата Л. П. Карсавина «О совершенстве» // *Studies About Languages (Kalbų Studijos)*, issue: 13 / 2008. P. 38–43.
 4. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
 5. Павич М. Звёздная мантия. СПб. : Азбука-Классика, 2005. 192 с.
 6. Carpenter B. The gift returned: Czesław Miłosz and American Poetry // *Living in Translation: Polish writers in America*. Ed. by Halina Stephan. Amsterdam–New York, NY, 2003. P. 45–77.
 7. Czarnecka E. *Podróżny świata: rozmowy z Czesławem Miłoszem i komentarze*. New York : Bicentennial Publishing Corporation, 1983. 320 p.
 8. Heydel M. Gorliwość tłumacza Przekład poetycki w twórczości Czesława Miłosza. Kraków Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2013. 310 s.
 9. An Interview with Joseph Brodsky // *Maryland Poetry Review*, issue 13, Spring/Summer 1994. P. 47–50.
 10. Karwowska B. Czesław Miłosz's Self-presentation in English-speaking Countries // *Canadian Slavonic Papers*. Volume: 40. Issue: 3/4. 1998. Pp. 273–278.

11. Krzyżanowski J.R. Czesław Miłosz // Multicultural Writers since 1945: An A-To-Z Guide / Ed. by Alba Amoia and Bettina L. Knapp. Westport, Connecticut; London: Greenwood Press, 2003. P. 354–370.
12. Miłosz Cz. Ogród nauk. Paryż: Instytut literacki, 1979. 255 s.
13. Miłosz Cz. The Witness of Poetry. The Charles Eliot Norton lectures 1981–1982. Harvard University Press, 1983. 121 p.
14. Miłosz Cz. Poezje. Warszawa: Czytelnik, 1988. 451 s.
15. Miłosz Cz. Ziemia Ulro. Kraków: Znak, 2000. 359 s.
16. Miłosz Cz. New and Collected Poems (1931–2001). New York: HarperCollins Publ., 2003. 778 p.
17. Miłosz Cz. Jasności promieniste i inne wiersze. Warszawa: Zeszyty literackie. 2005, nr 5. 148 s.
18. Miłosz Cz. Conversations. Mississippi: University Press of Mississippi, 2006. P. 217–218.
19. Miłosz Cz. Wiersze ostatnie. Kraków: Znak, 2006. 88 s.
20. Miłosz Cz. Abecadło. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2010. 385 s.
21. Multicultural Writers since 1945: An A-To-Z Guide / Ed. by Alba Amoia and Bettina L. Knapp. Westport, Connecticut; London: Greenwood Press, 2003. 420 p.
22. Switching Languages: Translingual Writers Reflect on Their Craft. Lincoln: University of Nebraska Press, 2002. 328 p.
23. Venclova T. Przedmowa // Grudzińska-Gross I. Miłosz i Brodzki: pole magnetyczne. Kraków: Znak, 2007. S. 9–12.

П. Ф. Лимеров

Поэма о древнем Знании: литературный эпос «Биармия» в поэтической мифологии Каллистрата Жакова¹

УДК 82.0

Автор рассматривает литературное творчество К. Жакова в контексте его оригинальной философии. Особое внимание автор уде-

© Лимеров П. Ф., 2014

¹ Статья написана в русле интеграционной программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 12-И-6-2021 «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX — первой трети XX вв.».

ляет вопросу о смысловом взаимодействии мифологических, литературных и философских элементов в текстах К. Жакова.

Ключевые слова: мифология, философия лимитизма, литературное творчество, смысл.

P. F. Limerov. Poem of the ancient knowledge: literary epic "Biar-mia" poetic mythology Callistratus Zhakov

The author examines the literary works of K. Zhakova in the context of its original philosophy. Particular attention is paid to the question of semantic interaction mythological, literary and philosophical elements in the texts K. Zhakova.

Key words: mythology, philosophy, limitizm, literary creativity, sense.

Среди произведений К. Ф. Жакова эпической поэме «Биармия» принадлежит особое место. Поэма была написана в 1916 г., однако, в связи с начавшимися революционными событиями, она не была издана в Петербурге, как другие произведения писателя, и только в 1924 г. вышла в переводе Яна Райниса на латышский язык в Риге [3]. Революция 1917 года застала Жакова в Латвии, вернуться в Россию он уже не смог и умер в Риге 18 января 1926 г. Художественных произведений, написанных Жаковым в эмиграции, на сегодняшний день не выявлено, так что поэма невольно стала произведением, завершающим литературное творчество писателя. Не менее вероятно, что и сам Жаков, независимо от обстоятельств жизни, считал поэму произведением итоговым, завершающим и его этнологическую деятельность.

Как этнолог, Жаков всецело придерживался положений антропологической школы, полагая фольклорные материалы «пережитками», на основе которых можно восстановить «общую картину культуры древнего Севера», эксплицированную в Северном эпосе, отголоски которого слышны в северорусских былинах, скандинавских сагах, в финской «Калевале» и других произведениях народного творчества [8]. Поэма «Биармия», по замыслу, является реконструкцией древнего Северного эпоса или, точнее, одного из северных эпосов, эпоса народа Перми, родственного по языку и культуре всем народам обширной территории европейского Севера от Урала до Финляндии, с центральной областью — бассейном Северной Двины, обозначенной в поэме как Биармия.

Показателен диалог по поводу поэмы, произошедший между Жаковым и Максимом Горьким в 1916 г. Горький, с которым Жаков поддерживал дружеские отношения с 1912 г., в целом высоко оценивавший литературное творчество зырянского писателя [20], воспринял поэму неоднозначно. Жаков вспоминает, что после чтения рукописи «Биармии» Горький поинтересовался: «Народное это произведение или единоличное?», на что Жаков ответил вопросом же: «“Слово о полку Игореве” народное или не народное произведение?» Горький не знал что сказать» [6]. Очевидно, что оба писателя по-разному подходят к определению «народности». Для Горького «народность» — это принадлежность произведения к устному творчеству конкретного народа, и Жаков как этнолог, конечно же, это понимал. Но, с точки зрения Жакова, в истории случилось, что авторские произведения, в полной мере отражавшие мировоззрение народа, становились народными, при этом теряя авторство, — как это и произошло с древнерусской поэмой «Слово о полку Игореве». Для Жакова, на протяжении многих лет собиравшего и изучавшего фольклорные памятники и строившего на их основе реконструкции дохристианского мировоззрения, лёгшие в основу поэмы, сама она не могла не быть произведением «народным», сохраняя при этом его авторство. По глубокому убеждению Жакова, поэма «Биармия» и есть эпос коми народа, восстановленный им самим по крупицам фольклорных материалов, не только собранных им самим во время полевых экспедиционных практик в Коми крае, но и принятых из фольклора родственных народов. Для Жакова понятие принадлежности к фольклору Севера, как он говорил, к Северному эпосу, означало естественность, изначальную *соприродность*, присущую северным народам. В мифопоэтике Жакова северным народам отводилась мессианская роль спасителей цивилизации, при условии, что «дряхлающая Европа» сумеет их «услышать». При этом себя самого он считал первым голосом «первобытных» северных народов, призванным сообщить о них Европе. Показательно, что Жаков относил к таким народам и скандинавов, поэтому первым в России откликнулся на перевод пьесы Кнута Гамсуна «У врат царства», вышедшей в Петербурге отдельной книгой [1]. В предисловии к этой книге он пишет: «Есть признаки, дающие думать, что он (Кнут Гамсун — П. Л.) одна из первых ласточек грядущей великой поэзии (еще не иссякшего в своей энергии) севера, ибо, по-видимому,

приходит пора, когда на арену истории выступают новые народы и новые расы; они засияют своим оригинальным светом к тому времени, когда одряхлевшая Европа с наклоненной головой встретит свой закат, примирившись с судьбою» [5].

Основной проблемой, которую следовало преодолеть Жакову при написании поэмы, было полное отсутствие сведений о дохристианской истории народа коми, неизвестны были Жакову и коми эпические песни. Путь восстановления эпоса был таков: пользуясь методами антропологической теории, выделить «пережитки» эпоса и мифологии в фольклоре коми, реконструировать мифологическую картину мира с пантеоном языческих богов, очертить круг мифологических сюжетов, связанных с реконструкциями космологических представлений, подвигами героев древности, эксплицирующих диахронический аспект мифоистории, а затем, ориентируясь на «Калевалу» Лённрота, скандинавские саги и русские былины, составить единый эпический сюжет.

Начало этой работе было положено первой экспедиционной поездкой Жакова в Коми край в 1899 г. и вышедшей в 1901 г. публикацией статьи «Языческое мирозерцание зырян» [11] как первого обобщения собранных в ходе экспедиции фольклорных материалов. Как видно из заглавия, предметом изучения в статье является «языческое мирозерцание», то есть Жаков рассматривает дохристианскую (= национальную) религиозную картину мира зырян. В отличие от исследователей, обращавшихся к этой теме до него [13], Жаков описывает язычество не как некоторое количество народных заблуждений, а как особую систему мировидения, и это было на то время принципиально иным, новым подходом к проблеме. Жаков всецело опирается на материалы современной ему фольклорной традиции, считая их, с точки зрения антропологической школы, «пережитками», из которых можно восстановить основные параметры языческой религии коми: «Сказки, отрывки из старых поэм, уже забытых в целом, суеверия, гадания, приметы, взгляды на колдунов, на порчу людей, отношения человека к явлениям природы и к животному миру — все вводит вас в мировоззрение, которое не что иное, как язычество, несколько измененное, смягченное христианством, но не уничтоженное им. Каждый, вникающий в это, невольно увлечется мыслью, надеждой, что можно воспроизвести язычество на основании многочисленных пережитков

его» [11, с. 64]. В начале своей статьи Жаков отмечает, что сущность языческих верований зырян заключается в «политеизме», который он понимает как веру в «олицетворение великих явлений природы» [11, с. 63]. Такими персонификациями природных явлений стали лес и хозяин леса, вода и бог воды. Охота и рыбная ловля являются главными хозяйственными занятиями зырян, поэтому Жаков рассматривает лешего и водяного как богов — покровителей этих занятий. Третьим занятием зырян Жаков называет земледелие, однако он не находит ему соответствующего бога. Жаков заключает, что земледелие зависело от других богов — «солнца, бога грома и молнии, ветров», о которых, так же как и о высшем небесном боге, Ене, сведений не осталось или их заслонили христианские представления. В состав языческих богов Жаков включает Войпеля и Йому-Йомалу, сведения о которых берёт из книжных источников и сказок. Для уточнения деталей реконструкции пантеона и расширения его состава Жаков обращается к материалу сказки «Лиса и мерин», содержание которой он считает аутентичным. В результате анализа сказки Жаков выявляет доминантную мифологему, позволяющую ему выстроить вертикаль языческой модели мира. Этой мифологемой является образ «брусной горы», на вершине которой сидит Ен, высший бог мифологического пантеона — «спокойный, как лик неба» [11, с. 74]. Результатом анализа сказки является и астрономический миф, утверждающий ход и функции небесных объектов: «Луна ходит по ночам по небу, как бы дозором, может быть пасет скот свой. Сын солнца иногда выгоняет с облачных полей быка луны (радугу)¹ на водопой, к прозрачным струям северных рек. Сын солнца ходит по земле, питаясь молоком зайца и, быть может, прочих зверей, он всем им равно дает и свет, и жизнь» [11, с. 75]. Далее Жаков упоминает о боге огня, богине-пряхе, в настоящее время отождествленной с Владычицей Богородицей, но главными мифологическими символами мира людей он называет медведя и ящерицу, определяя отношение к этим животным как «культ». При этом ящерица (по-зырянски *пежгаг* — «поганое насекомое, поганая гадина», *дзодзув* — «злое, всеведущее, коварное существо»), по Жакову, относится к «темной» стороне мифологического мира и соотно-

¹ Слово «радуга» на коми языке *ёшка-мёшка*; *ен ёш* традиционно переводится как «бык-корова» или «бык бога». Жаков обыгрывает коми мифологический текст о радуге как о небесном быке, пьющем воду из земных рек и озёр.

сится с образом злой богини. Тогда как к медведю зыряне питают большую любовь, его считают близким к человеку. Точно так же, как к «братьям и сестрам», относятся зыряне и к другим диким животным и птицам. Для Жакова языческое мирозерцание зырян ассоциируется с образом дохристианского прошлого — временем, когда это мирозерцание находилось в наиболее сильной позиции. Это золотой век зырянского народа, гармоническая эпоха, в которой бытие природы и людей находилось в изначальном естественном равновесии, обусловленном божественным присутствием, а связь человека с природой была исполнена религиозного смысла.

Таким образом, в основе реконструкции языческого мирозерцания зырян лежит универсальная трехчастная схема мифологической модели мира с центральной осью в виде мировой («брусяной») горы, на которой находится резиденция небесного бога Ена. Объективно, этот поэтический по мироощущению космос полностью составлен Жаковым из разрозненных фольклорных фактов. Но в этом и заключается точка зрения Жакова на фольклор как на источник ныне забытых сакральных знаний. С этой точки зрения, сам исследователь фольклора невольно становится и знатоком древних учений — сродни тем языческим волхвам, сведения о которых он ищет. И в этом смысле он мифотворец, в своей реконструкции создающий новый миф на темы, заданные фольклорными сюжетами. Надо подчеркнуть, что реконструкция была осуществлена Жаковым при минимуме фактических фольклорных материалов, сам он называл ее «бледной схемой», описывающей только «силуэты богов», полагая, что при наличии достаточного количества фольклорных текстов и сравнительных материалов можно было бы нарисовать и более «четкую схему» мифологии. В дальнейшем он приложил немало усилий, чтобы превратить «бледную схему» в полноцветную картину языческого мира, но сделал это уже средствами художественной литературы.

Впервые Жаков обращается к теме дохристианской истории коми народа в книге «На север, в поисках за Памом Бурмортом» [7], написанной по впечатлениям той же этнографической поездки, материалы которой и рассматривались статье. По сюжету книги, главный герой, этнолог, в образе которого угадывается сам Жаков, путешествуя по Коми краю, собирает фольклорные сведения. Однако от обычного описания поездки собирателя фольклора сюжет отличается сверхза-

дачей, которую ставит перед рассказчиком-собирателем автор: отыскать сказания о Паме Бурморте, сыне Пама Сотника, легендарного противника Стефана Пермского. Собиратель должен проникнуть в область языческой тайны, тщательно скрываемой народом от посторонних. Поэтому его научная экспедиция превращается в сакральное странствие на Север, на «землю предков», а сам он, этнограф-чужак, становится неофитом, проходящим испытание. Только пройдя весь путь и приобщившись к отеческим святыням, неофит становится «посвященным», которому открываются последние тайны зырянского язычества. От старца-язычника, живущего в отрогах приполярного Урала, он узнаёт историю Пама Бурморта, сына легендарного противника Стефана Пермского Пама сотника и становится преемником его учения. Поскольку герой книги автобиографичен, то отныне сам Жаков репрезентирует себя как знатока языческих знаний коми-зырян, поэтому значительная часть произведений, написанных им до 1916 г., посвящена раскрытию языческой темы. Сюжет получения героем сакральных сведений от посредника-сказителя Жаков использует в книге «В хвойных лесах: Рассказы Коми-Морта», где в предисловии он пишет: «Теперь... когда близок конец патриархальному укладу жизни северян, — решил я познакомить людей с душою севера и издать наивные рассказы Коми-Морта, старика певца и сказочника, которого встретил на берегах маленькой речки Кельтмы, впадающей в Вычегду, изобильную водою. <...> Раны, нанесенные мне культурой в мозг и сердце, он исцелил своими мирно льющимися рассказами о делах героев, живших по берегам Печоры и Вычегды и в лесных пармах “Каменного пояса”» [12, с. 1–2]. Сказитель Коми-морт рассказывает герою-повествователю и историю, описанную в поэме «Биармия». Имя собственное сказителя — Коми-Морт (в переводе «Коми человек») в коми языке составляет пару с выражением *коми войтыр* «коми народ» как единица и множество, то есть любой представитель *коми войтыр* «коми народа» называет себя *коми морт* «коми человек». Называя сказителя таким именем, Жаков претендует на определенную эпическую обобщённость образа: это и определённый персонаж, но также и любой человек из коми народа. Соответственно, отсылка к Коми-Морту как к рассказчику в мифопоэтике Жакова означает «народность», «фольклорность», то есть рассказанное кем-то из народа.

Для Жакова традиционное мировоззрение зырян представляет собой синкретизм христианства и язычества, хотя языческого в нем все-таки больше, нежели христианского. Но, несмотря на это, зыряне остаются православным народом, соблюдают православные обряды, строят церкви, и при этом, по мнению Жакова, на Зырянской земле есть отдаленные места, где язычество будто бы сохранилось в первоизданном виде. В художественном мире Жакова язычники и христиане живут где-то рядом, в каких-то параллельных пространствах, имеющих свои особенности, но соприкасающихся и взаимопроникаемых. Герои-язычники имеют свои имена, отличные от христианских, имена значимые, переводимые с коми языка: Зарниныл — Золотая дочь; Мичаморт — Красивый человек; Вөрморт — Лесной человек, Майбыр — Счастливый и Ёльныл — Дочь лесная речка и др. — и обитают не в селах, а в глубине леса. Языческое сообщество более органично, чем христианское, оно не противостоит Природе, а включено в нее, живет по ее ритмам. Соответственно, язычники, «лесные люди», видят в Природе больше, чем дано видеть христианам. Они свободно общаются с растениями, животными, природными стихиями, объектами природы и, наконец, с богами — персонификациями космических и природных сил, они способны проникать на все уровни мироздания. К примеру, герой рассказа «Джак и Качаморт» охотник Бурмат доходит до края земли и спит 100 дней в объятиях девы-солнца [9]; Гулень, свободно поднимается на небо, чтобы посмотреть, чем занимаются небесные жители и верховный бог Ен [9, с. 383–385]; Майбыр, герой одноименного рассказа, игрой на дудке и бандуре-кантеле заворачивает лесных богов, белых медведей, облака, понимает речь животных и растений [9, с. 393–404]. В ряде произведений Жаков рассказывает о взаимоотношениях коми христиан и язычников: в рассказе «Парма Степан» герой-христианин Степан женится на девушке-язычнице Зарниныл (Золотая дочь) «по староверскому обряду» [9, с. 80–87], в рассказе «Дарук Паш» герой-христианин Паш (Павел) находится под опекой языческого бога Войпеля [9, с. 169–174], на свадьбу героев-язычников Майбыра (Счастливый) и Ёльныл (Дочь лесной речки) собираются «знаменитые люди» из разных зырянских поселений — Пильвань (Иван Филиппович) из Ипатьдора, Фалалей из Усть-Сысольска, Панюков из Ыджыдвизда, мифологические персонажи: великан Ягморт с Ижмы, колдун-разбойник Туннырьяк из Деревян-

ска, Тювэ с Вишеры, король тундры Тури (цапля), король белых медведей, а также с берегов Оби приходят и ученики Пама Бурморта [9, с. 393–404]. Жаков будто бы намеренно создает впечатление о том, что и язычники, и коми христиане по-прежнему составляют единый народ, при известной автономии первых.

Языческое пространство словно бы сохраняет древние архетипы, связанные с высшими целями человеческого существования, основательно забытые христианством. Не случайно на периферии некоторых произведений Жакова («Мили-Кили», «Майбыр») появляются ученики Пама Бурморта — хранители учения, в котором скрыто будущее спасение всего человечества. Это и символическая отсылка к первой книге Жакова, которая дает ключ к пониманию специфики его художественного мира. В этой книге впервые эксплицирована идея двух пространств — путешествие автора-героя совершается по христианскому пространству, но своей цели он достигает, только перейдя в пространство языческое, где получает сведения о Паме Бурморте, а также знакомится с его учением. В плане формально-жанровых особенностей такой тип повествования можно было бы отнести к области фантастики или фэнтэзи, если бы не сугубая установка Жакова на достоверность описываемых событий. Более того, в рамках сюжета книги происходит отождествление автора-героя с самим Жаковым — автором книги, и это отождествление выходит далеко за пределы сюжета. Не просто персонаж из книги, но сам Жаков в лице автора-героя совершает путешествие, описанное в книге, и получает доступ в область сакральных языческих знаний. В этом смысле книга «На север, в поисках за Памом Бурмортом» — это повесть о поисках и обретении язычества самим Жаковым. Иными словами, Жаков в поисках новых смысловых моментов прибегает к литературной мистификации и отныне репрезентирует себя как человека, допущенного в сакральное языческое пространство и имеющего санкцию на обладание древней мудростью. Это становится творческим и жизненным кредо Жакова, отсюда и его творческий псевдоним *Гараморт*, где *гара* — производное от глагола *гаравны* «вспоминать, помнить» и *морт* «человек»; *Гараморт* буквально переводится как «помнящий человек» или, лучше, «человек, наделенный памятью прошлого». В этом смысле Гараморт близок по значению образу мифологического поэта, как его описывает В. Н. Топоров: «Другая важнейшая фигура космологиче-

ского периода — поэт с его даром проникновения с помощью воображения в прошлое, во время творения, что позволяет установить еще один канал коммуникации между сегодняшним днем и днем творения. С поэтом связана функция памяти, видения невидимого — того, что недоступно другим членам коллектива, — и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Поэт как носитель обожествленной памяти выступает хранителем традиций всего коллектива» [19, с. 31]. *Гараморт*, это даже не псевдоним, а языческое имя Жакова, тождественное значащим именам его героев-язычников. Этим именем в романе «Сквозь строй жизни» Жаков обозначает автора-повествователя, сюжетная линия которого образует в романе метатекст, дополняющий основную сюжетную линию автобиографии «я-героя» авторской рефлексией, главным содержанием которой является «установление автором своей идентичности в мире и с миром» [17]. Идентичность выражается прежде всего в установлении границы между «я» и «другим», и это было актуально для Жакова, позиционировавшего себя «лесным человеком», язычником в мире городской культуры: «Гараморт оставался Гарамортом, а культурные люди — культурными» [10, с. 264]. В контексте авторской сотериологии Жакова имя Гараморт созвучно именам таких учителей человечества, как Иисус, Будда, Зороастр, учения которых неоднократно упоминаются и обсуждаются в книге Жакова «Лимитизм. Единство наук, философий, религий» [6]. Эта книга Жакова также имеет значение «учительной», она рассчитана на пропаганду и распространение идей лимитизма среди масс и составлена учениками Жакова не только как изложение основ философии и мировоззрения лимитизма, но и как излагаемое от имени *Гараморта* новое религиозно-этическое учение, призванное спасти человечество. В индивидуальной мифопоэтике Жакова основы этого учения позиционированы им как наследие языческого прошлого.

Имидж посредника между современностью и язычеством — это не что иное, как культурологическая игра, позволяющая Жакову репрезентировать некоторые свои произведения как мифологические тексты, извлеченные из глубин языческой памяти народа. Эти тексты могут быть параллельными аутентичным фольклорным произведениям, как, к примеру, новеллы «Ен и Омоль», «Шыпича», «Туннырьяк» и др., но Жаков не ставит своей целью воспроизведение фольклорного сюжета, он претендует на то, что его текст — это реконструкция

«древнего», он и есть — настоящий языческий миф. Жаков и не стремится воспроизводить известные ему фольклорные сюжеты, он создает другую мифологию — со своей космогонией («Ен и Омоль») и эсхатологией («Бегство северных богов», «Неве Хеге»), с мифологическими героями (Пам Бурморт, Шыпича, Джак и Качаморт, Бурмат, Мили-Кили, Дарук Паш, Майбыр и др.), а также воссоздает этногенетический миф, раскрывающий тайну происхождения народа коми-зырян («Царь Кор. Чердынское предание»), а впоследствии — героический эпос «Биармия».

Особенно тщательно Жаков разрабатывает образ языческого космоса и соответствующего ему пантеона языческих богов. За основу берётся всё та же мифологическая схема из его первой статьи, но в его литературных произведениях она наполняется живым, ярким содержанием. Мироздание приобретает вид дома, крышей которого является небо. Образ «крыши неба» в мифопоэтике Жакова в свою очередь связывается с такими мифологемами, как книга судеб мира, место которой на крыше неба, а также с образом свинцового шара, который катает Ен по крыше неба, производя гром. Гора Тэлпозиз «гнездо ветра» вытесняет образ «брусяной» горы, и в новелле-сказании «Бегство северных богов», опубликованной в «Архангельских губернских ведомостях» в 1911 г., Ен занимает место уже на этой горе [9, с. 385–393]. В основе сюжета этой новеллы лежит тема собрания богов, позволяющая Жакову показать весь языческий пантеон в рамках одного художественного произведения. Сама тема собрания богов достаточно актуальна в гомеровском эпосе [14, с. 164], и, по всей видимости, Жаков заимствует ее отсюда. Собрание имеет характер официальной церемонии — Ен должен известить богов о грядущих изменениях миропорядка, поэтому боги занимают место возле горы Тэлпозиз в соответствии со своим ритуальным иерархическим положением: на вершине Тэлпозиз воссел сам Ен, возле его головы вращаются дети — Солнце и Луна, на соседнюю скалу, чуть поодаль, сел Войпель, у подошвы этой же скалы садится Йома, а все прочие лесные боги и богини располагаются «вокруг Войпеля и Йомы у подножия окрестных скал»: водяной бог и его дети — по отрогам Уральских гор, бог подземного мира Куль — за две скалы от Ена, Мать земли — на берегу реки Обь, а Мать солнца — на берегу Ледовитого моря [9, с. 386–387]. Иерархия строится на основе родоначалия: небесный

бог Ен — отец, его жена — Мать земли, все остальные боги являются их детьми. Родоначалие является и основным космологическим принципом, поскольку все божества персонифицируют космические и природные объекты, стихии, этот же принцип лежит в основе устройства иерархии патриархальной семьи и сельской общины, которые оказываются своего рода моделями космоса.

Сюжет сказания (жанровое определение Жакова) интересен и заявленной в нем эсхатологической темой, показывающей в мифоисторической перспективе историю мира от некоей исходной точки времени к эсхатологическому завершению. Исходная временная точка не обозначена, она появится в поэме «Биармия» в качестве начального космогонического сюжета о Енмаре и Оксоле. Здесь же мифологическая история показана в сюжетах: 1. Об окончании Золотого века, когда из-за нерадивой хозяйки небо отделилось от земли, то есть Небесный Бог Ен покинул Мать земли, и она лишила людей своей благосклонности — «иссякла щедрость самой древней богини» [9, с. 387]; 2. Последовательной гибели коми героев-богатырей: Идана, Перы, Яг-морты, Йиркапа. Собственно история начинается с прихода на Север Стефана Пермского и перемены веры — «вас, прежних богов, забудут люди» [9, с. 389]. Начало исторической эпохи неизбежно, это «закон, который записан в золотой книге неба», но начало истории — это и начало движения к концу мира. Ен показывает богам, как в деревнях и селах появляются церкви и люди приходят молиться в них новому Богу, приходит череда войн и северяне, то есть зыряне, погибают от рук южных народов и вогул. Ен показывает, как заселяются северные реки Печора и Ижма, а затем вырубаются дремучие леса, люди строят большие дома с красными трубами и в селах иссякает жизнь. В последние времена «заползали между оставшимися лесами железные драконы с огненной ненасытной пастью, а потом залетали в воздухе неизвестные птицы с железными крыльями», на север приходят новые народы и разрушают последнее, что осталось в природе: «Великие синие льды на море взрывались, и пламя взрыва летело на встречу Каленик-птице — северному сиянию» [9, с. 391].

Отдельное место в мифопоэтике Жакова занимают образы вещей птиц — Рык и Каленик. Обе птицы не имеют прямых аналогов в коми фольклоре, эти образы Жаков включает в свою мифопоэтику, очевидно, опираясь на археологические находки бронзовых птицевидных

образков Пермского звериного стиля, находки которых в Чердынском крае широко обсуждались в научной периодике того времени. Не случайно образ птицы Рык впервые появляется в новелле «Царь Кор» (1908), заявленной как *Чердынское предание* [9, с. 439–497]. Здесь птица Рык выполняет функции небесной вестницы, извещающей людям их судьбу, записанную Еном в небесной книге. Слово *Рык* взято Жаковым из арабского фольклора: это имя известной птицы *Рух* из сказок о Синбаде в коми транскрипции. Образ птицы Каленик является персонификацией северного сияния, его функция в мифопоэтике Жакова скорее декоративна. Как правило, птица действует параллельно с Рык, обрамляя своим сиянием пророчество, или же образ Каленик используется для сравнения: «Обручальное колечко; // Круг-кольцо, он был подобен // Перьям птицы занебесной, // Птицы Каленик священной» [4].

Эти сюжеты и образы представляют собой вариации сложного и многообразного мифопоэтического мира, созданного творческим гением Жакова. Создается впечатление, что вся достаточно большая часть литературных произведений Жакова, посвященных теме дохристианского прошлого коми народа, была только подготовительным этапом в создании литературного эпоса «Биармия». Таким образом, обращение к жанру эпической поэмы стало закономерным этапом в творческом освоении Жаковым языческой темы. Жаков высоко оценивал свою первую научную статью, но, по его же оценке, реконструкция языческого мировоззрения зырян оказалась лишь «бледной схемой» древнего миропонимания. Жакову не хватало того, что современный исследователь называет «одушевлением, со-участием в материале» [15, с. 36]. Путь был один: представить среду, в которой языческое мировоззрение было бы живым, и Жаков создает эту среду литературными средствами. По сути, мифопоэтика художественного мира его зырян-язычников — это реконструкция мировоззрения в гипотетических условиях бытования ее в среде носителей аутентичной языческой религии. В этом смысле поэма «Биармия» помимо литературно-художественного имеет и сугубо научное значение как реконструированный мифологический эпос, в котором реализованы: 1) научно-теоретические взгляды Жакова; 2) материалы его полевых исследований фольклора; 3) материалы сравнительно-мифологических исследований. Конечно, при написании поэмы Жаков ориентировался

на «Калевалу» — об этом достаточно убедительно свидетельствует работа О. В. Ведерниковой, менее заметно влияние скандинавской мифологии, но, как показывает исследование Е. К. Созиной, и оно есть [18], тем более, если учесть, что сама тема путешествия пермян в Биармию есть не что иное, как поэтическая инверсия темы путешествий в Биармию викингов в скандинавских сагах. Однако все это только средства для решения одной задачи — показать древний, дохристианский мир коми народа с его бытом, языческими обрядами, мифологией, с выраженной религией природы и соответствующим общенародным пантеоном богов. Наиболее адекватным способом решения этой задачи стало обращение к эпосу как к наиболее архаичной форме героического повествования о событиях древности. Но цель Жакова не просто написать поэму о прошлом, а попытаться восстановить утраченный коми-зырянский эпос как часть Северного эпоса.

По замыслу Жакова, «Биармия» не только эпос о героях и их героических деяниях, прежде всего это эпическое сказание о древнем Знании, позволяющем людям жить в сообществе с Природой и Богами. Поэтому реальными действующими героями поэмы являются люди, обладающие этим знанием, — это тун-волхв Вэрморт (Лесной человек) и его ученик, сын князя Яура, Югыморт (Светлый человек). Их причастность высшему знанию позволяет жителям Перми одерживать победы (бескровные победы) над врагами, обращать их в союзников и друзей. При этом «вдохновенный музыкант» Вэрморт является одним из основателей Вычегодской Перми. В новелле «Царь Кор» для сюжета «Биармии», имеющей значение этногенетического мифа, он один из приближённых царя Кора, после гибели крепости Искор перенесённых птицей Рык из Великой Перми в верховья Вычегды, на холм Джеджим Парма. Он единственный из героев, имеющий право претендовать на известную древность лет, соответственно, в мифопоэтическом контексте его знания должны наиболее соответствовать сакральным знаниям Древней Камской Перми, прародины жителей Джеджим Пармы. Новелла «Царь Кор», по сути, является предтечей поэмы «Биармия», в ней впервые Жаков обращается к проблеме реконструкции мифического прошлого коми народа, она даже написана с использованием стихов калевальской метрики. Кроме того, в новелле впервые упоминается о связях Камской Перми с Биармией, так сын царя Кора князь Редигар берёт в жёны Гериону, дочь царя

Биармии Рамдая. В свою очередь, Рамдай является отцом «древнего годами» царя Оксора в сюжете поэмы. Редигар и Гериона погибают на стенах павшей крепости Искор, княжеский род Перми продолжают второй сын Кора Мичаморт (Красивый) и Тариола, дочь пермского жреца. Князь Джеджим Пармы Яур должен быть внуком царя Кора, причем оба они названы Жаковым «рыжебородыми». Таким образом, княжеский род Джеджим Пармы претендует на известную древность, как на древность претендует и магическое знание Вэрморта, принесённое им из Древней Перми. Имя героя «Лесной человек» в контексте мифопоэтики Жакова также значимо. Следует обратить внимание на то, что поэма начинается с обращения лирического героя к Лесу с просьбой, дать ему «песни величавые», научить заклинаниям тунов-волхвов и рассказать историю героев: «Кто здесь был в веках минувших, // О делах их благородных». Это обращение не просто риторическая фигура, в структуре «Биармии» Лес такой же действующий персонаж, как и герои-люди. Такое понимание Леса, несомненно, восходит к мифологическим представлениям коми, где Вёр-ва, букв. Лес-Вода, — обобщенное понятие Леса, включающее в себя все, что находится в лесу вместе с реками, озерами, ручьями и существами, которые обитают в нем. Лес сам по себе выглядит как огромное мыслящее живое существо, населенное живыми, разумными обитателями *вёр-ва олысьяс*: деревьями, животными, духами леса и воды. От того, насколько гармоничной является связь между человеком и обитателями леса, зависит, в общем, и сама возможность человеческого бытия. В этом смысле Вэрморт, как человек Леса, является и его персонализацией, отсюда его долгожительство — он является современником Рамдая и Мичаморта, но всё так же молод и при их внуках — Райде и Яуре. Кроме того, Вэрморт считается знатоком священных знаний древности, хранителем которых является Лес.

В свою очередь источником всех знаний мира является Золотая книга неба, которую читает небесный Бог Енмар. Кроме того, в Золотой книге записаны судьбы всех живых существ на земле, а также историческая судьба мира от его сотворения до эсхатологического завершения в будущем, причем написанное в тексте книги неба имеет статус закона и не подлежит исправлению. Следит за исполнением законов Золотой книги волшебная птица Рык, пророчески объявляющая людям начало важных событий. Небесная книга Енмара имеет

земной аналог [18, с. 137], её автор — *Коми-Морт* «Коми человек», обобщенный образ коми народа в персонифицированном воплощении. Жаков изображает его как старца (Ср. Енмар — старец), который, сидя за столом в «серой» избушке, пишет свою книгу. Можно догадаться, что содержанием книги являются священные сказания древности, в том числе и история Перми — Коми земли, исполненная Коми-Мортом лирическому герою-автору.

Таким образом, поэма имеет, по крайней мере, две взаимодополняющие сюжетные линии: согласно первой — это эпическое повествование о национальных героях коми народа, живших в отдалённую историческую эпоху, когда была жива связь между людьми и Природой, людьми и богами, реальностью и мифом; в соответствии со второй — это повествование о богах и о происхождении лесного мира коми народа. Первая сюжетная линия реализуется в истории путешествия князя-оксора Джеджим-Пармы Яура в Биармию, его сватовства к биармийской принцессе Райде, рождения Югыморта, его воспитания, путешествиях. Отличительной чертой этой сюжетной линии является полное отсутствие описаний сцен кровавых схваток, поединков, сражений героев с врагами, в целом характерных для эпических песен. Герои «Биармии» живут в мире, в котором отсутствуют войны, страдания, все серьёзные проблемы разрешаются с помощью магического пения Вэрморта: засыпают готовые к битве с коми героями биармийцы, засыпают враги, пришедшие в край князя Яура, ничего не говорится о том, как было изгнано из пределов Биармии, а затем и Перми воинственное племя Роч (русь). Это эпоха Золотого века Севера, которая, по концепции Жакова, длилась от сотворения мира до начала христианизации Перми Стефаном Пермским. Этой эпохе соответствует и определённое территориально-социальное устройство Севера. Прежде всего, Жаков выделяет два царства — это Великая (Камская) Пермь царя Кора со столицей Искор и Биармия со столицей Кардор в устье Северной Двины¹. Царствами правят биармийские и пермские династии, Жаков называет царя Биармии Рамдая, внуком которого является Царь Оксор, а правнучкой — принцесса Райда; потомком царя Кора является князь Яур. Однако царство династии Кора

¹ *Кардор* — коми название Архангельска; переводится с коми языка как «место возле крепости». Утила считает, что словом *кар* коми называли крепость около того места, где сейчас построен Архангельск [37].

на Каме разрушено, и потомки царской династии Кора обретают новую родину на землях, вассальных Биармии, поэтому Пермь Вычегодская, в которую входит земля по рекам Эжве (Вычегде), Вишере, Локчиму, Выми и др., — называется в поэме княжеством, столицей которого является Джеджим Парма¹, резиденция князя-оксоря Яура. Точно такими же княжествами Биармии называются Югра (князь Сямдей), княжество вогулов (князь Беренделя), Тундра (князь Того-Лого). С востока земли Биармии граничат с дружественной Сибирью, правитель которой Бариткула также приглашён на свадьбу Яура. Что касается западных границ, то они обозначены землями викингов, некогда грабивших Кардор, землями племён Роч (руси), уже при жизни героев обозначивших свою границу городом Устюг на Двине.

Из новеллы «Царь Кор» известно, что царство Кора находилось «у истоков светлой Камы, // Жёлтой Иньвы, красной Чаньвы», царю Кору подчинялись не только пермяне, но и вогулы, остяки, угра, о его царстве знали на Оби, Иртыше, Тоболе. Поэтому брак сына царя Кора Редигара и дочери царя Рамдая Герионы — это брак равных, брак двух царских домов. Редигар совершает путешествие вниз по Двине, царь Рамдай радушно его встречает и отдаёт ему в жёны Гериону. Что касается сватовства Яура к дочери царя Оксора, то Яур как вассальный князь едва ли может претендовать на руку принцессы, как, впрочем, и являться к царскому двору без зова. Отсюда гнев царя и решение его брата Рымды расправиться с гостями: «Как? Осмелились герои, // Яур, князь рыжебородый, // Сильный Ошпи Лыадорса, // И Вэрморт, игрок великий, // К нам явиться без приказу // И без зова, в Биармию?!». Мирное решение проблемы указывает на то, что сватовство санкционировано высшими силами, и брак Яура и Райды записан в небесной книге Енмара-Юмалы. Значение этого брака в том, что этим самым утверждается преемственность династических линий царских домов Биармии и Камской Перми в потомках Яура и Райды, а Вычегодская Пермь (Коми земля) становится правопреемницей Биармии. Именно поэтому поэма названа «Биармия». Эта преемственность утверждается и мотивом постоянного реформирования и приращения древнего Знания потомками Яура и Райды.

¹ Джеджим — совр. деревня Джеджим (рус. Жежим) Усть-Куломского района РК. Джеджим Парма — лесной массив на отрогах Тиманского кряжа в верховьях р. Вычегды.

По сюжету один из главных героев тун (шаман) и песнопевец Вэрморт излагает сыну князя Перми Югыморту древнейшую версию Знания как мифическую историю происхождения богов и коми народа. В связи с этим Жаков включает в концепцию священного знания дуалистический космогонический миф, объясняющий современное героям поэмы мироустройство. Обращает на себя внимание изменение имен главных персонажей мифа: братьями-сотворцами здесь являются боги *Енмар* и *Оксоль*, а не *Ен* и *Омоль*, как в аутентичном мифе. Жаков таким образом восстанавливает древнюю форму имен, ср.: *Енмар* — удм. *Инмар* — финн. *Ilmarinen*. Теоним *Оксоль*, по видимому, является производным от коми *ӧксы* «князь». Если в аутентичном тексте божества-сотворцы первоначально выступают в облике водоплавающих птиц (утки и гагары и т.п.), то Жаков создает новый оригинальный мифологический сюжет, в котором боги-сотворцы изначально имеют антропоморфный облик, при этом Оксоль достает землю со дна первозданного тумана, а не океана. Мир создается совместными усилиями обоих братьев: отрицательно маркированные объекты создает Оксоль, он же сеет злобу между людьми и между зверями. Люди и звери начинают истреблять друг друга, поэтому Енмар, «оскорбившись», уходит на небо. Уход Енмара на небо равен его созданию, это и есть создание верхнего уровня мироздания, причем без участия брата-антагониста. Небо имеет вид «железной» крыши мира, Енмар катит по крыше «свинцовый шар», отчего образуется гром, и бросает вниз «стрелы молнии». Испугавшись, Оксоль уходит под землю, таким образом, сотворив подземный мир. Далее Енмар обустроивает небесный мир, создав дворец, зажигает во дворце лучины — звезды, создает быка-радугу, который начинает пить излишки воды на земле и под ней, для небесных птиц Енмар дает «Путь молочный» между звезд, затем «открывает» книгу неба, из которой читает мировые законы, и следить за их исполнением ставит на Уральских горах птицу Рык. Боги пармы и Воршуд, «хранитель дома», также народились по воле бога Ена. Воршуд, бог домашнего очага, назван Жаковым и богом счастья. Как верно отмечает Ю. Г. Рочев, представление об этом боге Жаков заимствует у удмуртов. Мифологема «громовых стрел» Ена раскрывается в VII главе поэмы в мотиве противостояния Бога и Ящера: Ен бросает на землю «стрелы молний» и «низшие боги» скрываются от них в своих избушках. Не убегает

только Ящер: «Темный Ящер тут смеялся /Бога неба презирая, /Холодно глядел на небо». Ен не может поразить Ящера, так как должен это сделать только в конце времен: «Не конец еще всей жизни /Потерплю хотя б немного». Если в своей первой статье (см. выше) Жаков отмечал наличие в пантеоне образа «волшебницы-ящерицы», то в данном случае в образе Ящера угадывается антагонист Енмара — Куль-Оксоль, который, не в силах досадить Ену, скрывается в яме-преисподней. Угаданные Жаковым мифологические коннотации образа ящерицы впоследствии использовались исследователями в реконструкциях семантики пермского звериного стиля [16]¹, хотя авторы, в силу политических причин, не упоминали Жакова в ссылках.

В данной версии пантеона большое внимание уделяется Войпелю не только как божеству северного ветра, но и как покровителю лесов. Его резиденция — на горе Тэлпозиз, «каменном гнезде ветров», он чутко следит за нарушениями шумовых запретов, карая снежной бурей тех, кто издает любые звуки: поет, свистит, стучит и проч., проходя мимо святой горы. В мифопоэтике Жакова Войпель занимает место традиционного Вörса «лесного» или лешего, и, если в других произведениях Жакова это был одиночный образ, то в поэме появляются дети Войпеля — Боги леса, лешие — они живут в парме, семьями, в серых избушках, вихрем носятся по дремучим лесам, хохоча и хлопая в ладоши. Точкой сближения образов Войпеля и лешего для Жакова, очевидно, стала способность фольклорных лешего и лесных духов к передвижениям в виде вихря. В пантеоне «Бегства» «семьями» обладали водяной Васа и темный бог Куль, семью Войпеля Жаков строит по такой же схеме: патриарх Войпель один на горе Тэлпозиз, а его дети, лесные боги, населяют все лесное пространство (Ср.: Васа — один в хрустальном дворце в море, дети его населяют все остальные воды; Куль — один в подземном мире, его дети — хозяйка кладбищ и «старых городов» на земле). С лесными богами связана старуха Йома, первоначально Жаков возводил ее к образу Йомалы, кумир которой якобы стоял в Усть-Выми во времена Стефана Пермского [11, с. 64]. В поэме она названа хозяйкой леса, все деревья в парме — ее внучата, она названа также «бабой» леших, которые бегут к ней напиться пива. С Йомой в поэме связан эпизод похищения ма-

¹ Статья А. С. Сидорова была написана в 1920-е гг., но опубликована только в 1972 г.

ленького Югидморта, в спасении которого затем участвуют герои. Эпизод выстроен на базе сказочного сюжета о похищении лесной ведьмой детей. В целом же Йома — образ для мифопоэтики Жакова периферийный, она не участвует в числе основных персонажей в жаковских произведениях. Далее Жаков описывает жизнь водяных и упоминает о жертвоприношениях им, «чтоб людей не обижали, смертью тайной не грозили», вскользь говорит о Каленик-птице, персонификации северного сияния. В качестве отдельных богов Жаков называет шеву, с образом которой в коми мифологии связано представление о порче, а также орта — двойника человека.

Такова версия древнего Знания Перми-Биармии. Однако для сына Райды и Яура этих знаний недостаточно, и он предпринимает путешествие на Восток в поисках новых знаний. География его путешествий обширна. Он отправляется на историческую родину — Камскую Пермь и гостит у царя Чердыни, затем пересекает Урал и достигает столицы Сибири — города Некор. Здесь он входит во двор царя Сибири Бариткулы, воюет с остяками, за что царь выдаёт за него замуж свою дочь Таргитолу. Югидморт совершает ещё и путешествие на Енисей, к тунгусам, но главное в том, что он добывает новые знания — вплоть до чтения «древних книг Китая», и только после этого он возвращается на родину, в Джеджим Парму. Этот сюжет не что иное, как ещё одна отсылка Жакова к его первой книге «На Север. В поисках за Памом Бурмортом», к образам странствующих в поисках знаний Пама Бурморта и автора-героя Жакова. Однако хронологически путешествие Югидморта им предшествует, то есть в мифопоэтике Жакова оно является первым приращением языческого знания. Соответственно, выстраивается ряд знатоков языческого учения, первым из которых является Вэрморт (Лесной) как носитель чистого языческого знания Перми, вторым идёт Югидморт (Светлый), включивший в мифологию Биармии-Перми знания Сибири и Китая, следующим является Пам Бурморт (Пам Добрый), соединивший пермскую религию с философским учением индийской философии о Брахме-Брахмане, и, наконец, сам Жаков-Гараморт (Помнящий), наследник языческих учений, позиционирующий разработанную им философию лимитизма как синтез всех религий, наук и искусства [6].

Священные знания записаны в Золотой книге неба у Енмара, здесь же записана и история Перми. Как и любая история, она тоже

имеет начало и конец: начало положено космогоническим мифом, развитие — историей жизни и подвигов героев, эсхатологическое завершение истории Перми-Пармы записано в небесной книге Енмара: «Через век страна погибнет / У реки Двины прозрачной — / Биармия та исчезнет. / Парма Эжвы жить же будет / Долго, долго и прекрасно». Однако через три поколения при жизни праправнука Югидморта — Пансотника — древней жизни придет конец: «При Пансотнике свершится / Перемена в жизни пармы» [9, с. 391]. «Перемена», «изменение» — это калькированный перевод коми выражения *му вежӧм* — букв. «перемена, изменение земли» в значении «конец света». Конечно, эту «перемену» можно трактовать и как завершение мифологической истории, Золотого века, или века героев, и как начало новой, исторической эпохи, но Жаков символически завершает поэму похоронами главной героини — Райды — и ничего не говорит об исторической перспективе. Как мы знаем из новеллы «Бегство северных богов», история после Пансотника представлялась Жакову как долгая эсхатологическая агония. Но кто знает, что ещё написано в Золотой книге неба?

Грандиозный образ Бога-читателя, видимо, не имеет аналогов в мировой мифологии. Пока Енмар читает свою Золотую книгу, мир живёт, и нетрудно догадаться, что произойдёт, если Он по какой-либо причине перестанет читать.

1. Гамсун К. У врат царства. СПб., 1909.
2. Жаков К. Ф. В хвойных лесах: рассказы Коми-Морта. СПб. : Изд-во Сахарова, 1908. С. I–II.
3. Жаков К. Ф. Поэма «Biarmia» / Tulk. J. Rainis // Lachplesi Limitists/ 1924. №1. S. 69–80.
4. Жаков К. Ф. Биармия. Сыктывкар : Коми книжн. изд-во, 1993. 312 с.
5. Жаков К. Ф. Кнут Гамсун и основные мотивы его творчества // Кнут Гамсун. У врат царства. СПб., 1909.
6. Жаков К. Ф. Лимитизм. Рига, 1929.
7. Жаков К. Ф. На север, в поисках за Памом Бурмортм. СПб., 1905. 165 с.
8. Жаков К. Ф. О методах изучения северного народного эпоса // Научное обозрение. 1911. № 41. С. 12–26
9. Жаков К. Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар : Коми книжн. изд-во, 1990.

10. Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар : Коми книжн. изд-во, 1996.
11. Жаков К. Ф. Языческое мирозерцание зырян // Научное обозрение. 1901. № 3. С. 63–84.
12. Жаков К. Ф. В хвойных лесах: Рассказы Коми-Морта.
13. Конаков Н. Д. Литература и письменные источники по мифологии коми // Мифология коми. Энциклопедия уральских мифологий. М.–Сыктывкар : Наука, 1999. Т. 1. С. 30–41.
14. Лорд А. Б. Сказитель / пер. с англ. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона ; отв. ред. Б. Н. Путилов. М., 1994.
15. Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология. Новосибирск : Наука, 1991.
16. Сидоров А. С. Идеология древнего населения Коми Края // Этнография и фольклор коми (Тр. ИЯЛИ КФАН СССР, вып. 13.) Сыктывкар, 1972. С. 10–24.
17. Созина Е. К. Авторское сознание в автобиографическом романе К. Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» // Тайё сылём — коми олём / В этой песне коми жизнь : сборник трудов об основоположниках коми литературы. Сыктывкар : КНЦ УрО РАН, 2008. С. 201–204.
18. Созина Е. К. Книга К. Ф. Жакова «Биармия» в контексте мифотворчества писателя // Арт. 2009. № 4. С. 134–141.
19. Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (Общий взгляд) // Мировое древо. М. : Языки славянской культуры, 2010. Т. 1. С. 30–39.
20. Туркин А. Е. Каллистрат Фалалеевич Жаков // Жаков К. Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар : Коми книжное изд-во, 1990. С. 24–25.

А. Е. Фалилеев, К. Е. Мирошкина

**Языковой аспект реализации окказионализмов в современном
английском политическом тексте**

УДК 811.111

В данной статье рассматривается вопрос образования окказиональных слов в современных политических текстах, что представляется актуальным в сфере анализа политического дискурса. Дается подробная характеристика способов и условий образования окказионализмов, особенностей их функционирования в политическом тексте.

Ключевые слова: *окказионализмы, аффиксация, словосложение, конверсия, сращение, заимствование, субстантивированные окказионализмы.*

A. E. Falileev, K. E. Miroshkina. Linguistic aspect of the implementation of nonce words in modern English political text

The question of formation of occasional words in modern political texts that is represented actual in the sphere of the analysis of a political discourse is considered in this article. The detailed characteristic of ways and conditions of formation of nonce words, features of their functioning in the political text is given in this work.

Key words: *nonce words (occasionalisms), affixation, composition, conversion, union, loan, substantivize occasionalisms.*

Окказионализмы выступают в роли речевых явлений, которые образуются «по случаю», в определенных условиях речевой коммуникации, появившихся под влиянием контекста, для формулировки смысла, необходимого в конкретном индивидуально-стилистическом контексте (другое название — авторские слова). Всесторонняя их интерпретация невозможна в современной речи без теоретической базы окказионализмов. Данные слова образуются по мере необходимости в живой речи, выражаются системой лексических единиц, находятся на границе взаимодействия между языком и речью, а также обладают рядом особенностей, присущих только им [16, с. 75].

Окказионализмы выполняют индивидуально-стилистическую функцию и обычно не являются «достоянием» общего языка. Данные слова часто называют «бессмертными» неологизмами. Впрочем, по мнению лингвистов, «в момент появления» определенного слова (словосочетания) иногда трудно понять, какая лексема (словосочетание, значение) возникла — общеязыкового или единовременного употребления. Важной характеристикой окказиональных слов является выражение экспрессивности и их тесная связь с контекстом, без которого невозможно понять суть данного слова. Именно это свойство позволяет назвать их, в отличие от неологизмов, то есть новообразований, вошедших в язык, окказиональными словами.

Для того чтобы создать окказиональное слово, требуется высокий уровень владения языком, острое понимание его особенностей, нали-

чие эмоций, чувств, переживаний и эмоциональной направленности говорящего. Образование окказионализмов определяется потребностью в «неестественных» словах, необычных выразительных средствах, которая может возникнуть в речи для выражения эмоций, при этом они не становятся общеязыковыми единицами, а сохраняют свежесть, новизну, присущие только данному контексту. Поэтому окказионализмы отличаются от ряда других лексических образований оригинальностью, необычностью, уникальностью, а также неожиданностью и непредсказуемостью для общепринятой системы языка. Например:

1. «The plebiscite amounts to a tacit endorsement for the **military-installed** government that has launched a crackdown on Morsi and his Islamist party, the Muslim Brotherhood» [7].

2. «The following is a **not-entirely-verified** draft of remarks President Obama planned to deliver this weekend announcing a strike in Syria» [6].

Сферой употребления окказиональных номинаций может быть как художественная литература и поэзия, так и общественно-политические тексты: они образуются свободно и несут в себе имя своего создателя.

Анализ общественно-политических текстов современных американских и английских авторов говорит о том, что тенденция к созданию и использованию определенных новообразований в конкретных ситуациях значительно изменилась в разговорном стиле английского языка XX и XXI вв. Рассмотрение данных средств оказывает языковеду немаловажную помощь в разъяснении значения окказионального слова. Но для этого необходимо проанализировать способы словообразования в английском языке.

Так, одной из самых древних и распространенных моделей словообразования в английском языке является *словосложение*, являющееся актуальным и в настоящее время. Процесс словосложения представляет собой соположение двух основ. Например:

1. «Well, I think you hit a reset button for the fall campaign. Everything changes. It's almost like an **Etch-A-Sketch**. You can kind of shake it up and restart all over again» [13].

2. «Like the Scottish, the majority of English northerners have repeatedly rejected the increasingly dysfunctional, lopsided nature of **finance-driven, market-orientated, London-centric** Britain» [4].

3. «The only person to greet Obama at the airport was Lansing Mayor Virg Bernero, who shook the president's hand in the bitter, below-zero-degree weather. So the **go-it-alone** president carried on without them» [12].

В текстах также имеет место использование окказионализмов, образованных путем *аффиксации*. В английском и в русском языках это достаточно распространенный способ, при котором происходит образование новых слов от основ уже существующих единиц при помощи суффиксов и префиксов. Аффиксальные окказиональные образования характеризуются меньшей индивидуальностью в семантическом плане в отличие от конверсионных окказиональных номинаций:

1. «Too long since we heard anything from the conspiracy theoriser and professional **gloomster** David Icke. ShortList magazine goes to see him and true to form, he predicts that even more than present day, the future will be terrible» [11].

2. «One of the questions coming out of last year,” said Geoffrey Garin, a Democratic pollster, “is whether the new voters have been **Obamacized** or politicized» [5].

Являясь также одним из наиболее распространенных случаев конверсии, *субстантивированные окказионализмы* — прилагательные, перешедшие в разряд существительных в условиях соответствующего контекста, базирующиеся на синтаксисе, — рассматриваются как лексико-грамматическое явление. Целью создания окказиональных субстантивированных прилагательных является повышение выразительности и экспрессивности высказывания [2]:

1) «But it turns out that there's a kind of class loyalty that trumps even politics: **the powerful** must be protected. Only the little pple get charged with rape» [10];

2) «What is **the usual**? For our state legislative session, this is priority number one, says AFP-Louisiana State Director Phillip Joffrion» [3].

При анализе было выявлено, что переход прилагательных *powerful* и *usual* в группу имен существительных происходит благодаря конверсии. Данные лексемы приобретают маркер «предметности» в виде определенного артикля *the*. Также достаточно интересными являются случаи следующих сложных окказиональных субстантивированных образований, совмещающих в себе процессы словосложения и конверсии. В данном случае подразумевается такой процесс образования нового слова, когда субстантивации подвергается либо целое

предложение, либо большая его часть, например: «Comcast, **the soon-to-be-gazillion-pound** technology gorilla... Comcast has struck a deal with Time Warner Cable that would combine the nation's two biggest cable companies at a price of \$45.2 billion, the companies said Thursday» [1, с. 34].

Ещё один способ образования окказионализмов — *сращение* (или так называемое слияние, стяжение, вставочное словообразование) — образуется путём слияния воедино целого словосочетания без каких-либо изменений в их морфемном составе и без участия соединительных гласных, в той форме, в какой они существуют в исходном словосочетании, либо соединение усечённого корня одного слова с целым словом, либо соединение двух усечённых корней. Является достаточно молодым способом словообразования окказионализмов:

1. «...Coming from the dean of the Democratic Party, this one line marked the breaching of the dam. It legitimized the brewing rebellion of panicked Democrats against **Obamacare** (Obama + care)...» [11].

2. «The Next **Clintonomics**... Where does Hillary Clinton stand on economic issues? (Clinton + economics)» [8].

Немаловажную роль в обновлении окказиональной лексики в современном английском языке играет также процесс заимствования иноязычных слов. Подавляющее количество заимствованных слов в данном случае — имена существительные из африканских и азиатских языков. Например, японское *tsunami* (огромная волна) используется в английской и американской прессе как представление процесса экономического кризиса:

1. «The 2008 election has made Americans re-examine the four cornerstones of American culture — war, religion, race and wealth. The Iraq war and financial **tsunami** have made Americans come to their senses...» [9].

В качестве других примеров заимствованных слов можно привести следующие слова:

2. «Another problem is **zaiteku**, financial technology. A hot insider tip can be blipped from one computer screen to another in a fraction of a second — and then erased...» [15].

3. «In past columns, we have explored a couple of favorite nouns from the German language: **schadenfreude**, “the guilty feeling of pleasure at the misfortune of others,” and **fingerspitzengefühl**, “the sandpapered-fingertip sensitivity of a safecracker”...» [14].

Заимствованные слова, получая место в английской публицистической речи, подчиняются грамматической системе английского языка. Именно таким образом происходит ассимиляция заимствованных слов в языке-реципиенте. Что касается фонетического облика заимствованных слов в рассматриваемых примерах, то он, как правило, остается неизменным, заимствованные слова употребляются в английском языке в их иноязычном звучании.

В результате можно сделать вывод, что в основе использованных способов авторами политических текстов лежат как типовые словообразовательные модели английского языка, так и модели, универсальные для окказионального словообразования в целом.

Итак, особое место в индивидуализации и самореализации автора политических текстов занимают окказиональные слова — авторский неологизм — результат индивидуального словотворчества, языкового новаторства, поэтому их нередко называют словами-самоделками, которые имеют статус «феномена» языка. Окказиональные слова представляют собой живое, «оригинальное» воплощение обращенности речи к внеязыковой (экстралингвистической) реальности и являются своеобразным «краем» языкового развития, языковых новшеств. Они придают речи лаконичность, экспрессивность, выразительность, обеспечивая полноценное восприятие речи адресатом, и выражают тонкие оттенки смысла и экспрессии, которые бессильны передать узувальные слова. Это и оправдывает употребление окказионализмов в современных публицистических текстах и разговорной речи. Анализ фактического материала позволяет наглядно выявить наиболее действенные в настоящее время средства образования окказиональных слов и представить существующую картину индивидуального словесного творчества в современном английском языке.

1. Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ : учебное пособие. Калининград, 1997. 81 с.

2. Несветайло Ю. Н. Неологизмы и окказионализмы как средства пополнения лексического макрополя современного английского языка // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. URL: www.hses-online.ru

3. Chokshi N. The Koch brothers' group is getting involved in Louisiana's Obamacare fight // The Washington Post. 2014. URL: www.washingtonpost.com

4. Coman J. Could an independent Scotland be just what northern England needs? // The guardian. 2013. URL: www.theguardian.com
5. Dionne E. J. Can Obama Win Virginia Again in Fall? // The Washington post. 2009. URL: www.washingtonpost.com
6. Douthat R. War, What Is It Good For? // The NY Times. 2013. URL: <http://www.nytimes.com>
7. Eaton G. Peter Hain: one-state solution to Israeli-Palestinian conflict must be considered // The Staggers. The New Statesman's rolling politics blog. 2014. URL: www.newstatesman.com
8. Ignatius D. The next Clintonomics // The Washington Post. 2007. URL: www.washingtonpost.com
9. Jones R. Interest-only mortgage deals return amid bank price war // The guardian. 2013. URL: www.theguardian.com
10. Krugman P. Pity for the Powerful // The NY Times. 2011. URL: <http://krugman.blogs.nytimes.com>
11. Muir H. Diary: Richard Desmond shows us the future of work. Less pay; more lottery tickets // The Guardians. 2013. URL: www.theguardian.com
12. Nakamura D. Obama, the come-together president, goes it alone on Michigan trip snubbed by GOP // Washington Post. 2014. URL: www.washingtonpost.com
13. Romney M. Mormonism and the Etch-A-Sketch // The Economics. 2012. URL: <http://lb-stage.economist.com>
14. Safire W. Language: Foreign tidbits worth gobbling up // The New York Times. 2005. URL: www.nytimes.com
15. Sanger D. E. Japan borrows a Chinese wall // The New York Times. 1988. URL: www.nytimes.com
16. Weiner E.S.C. The Oxford Miniguide to English Usage. Oxford At The Clarendon Press, 1987.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. М. Канев

Опыт суверенизации в Республике Коми в первой половине 90-х годов: экономический, политический, правовой и культурные аспекты

УДК 008+322

В статье рассматриваются аспекты проходивших в Республике Коми суверенизационных процессов, делается вывод о незавершенности ряда суверенизационных процессов, выявляются причины их незавершенности.

Ключевые слова: суверенизация, этнизация, регионализация, национальные движения, Конституция.

A. M. Kanev. The experience of sovereignization in the Komi Republic in the first half of the 90th years: economic, political, legal and cultural aspects.

The various aspects of the processes of sovereignization which were taking place in the Komi Republic are considered in the article. The author draws a conclusion about incompleteness of some processes of sovereignization, establishes the reasons of their incompleteness.

Key words: sovereignization, etnization, regionalization, national movements, Constitution.

Суверенитет является одной из фундаментальных категорий политической науки [16, с. 109]. Проблемы суверенитета, существования суверенных государств в современном мире, проблемы взаимо-

действия государств на международной арене, соотнесение новых политических реалий с идеями, лежащими в основе классической концепции суверенитета, вызывают большой интерес теоретиков и политиков всего мира. Проблемы суверенитета сложны теоретически и достаточно остро стоят в политическом плане, причем главной трудностью на сегодняшний день является то, что у теоретиков и политиков имеются серьезные разночтения в понятиях.

Концепция суверенитета была разработана французским правоведом Ж. Боденом (1530–1596). Суверенитет — истинный фундамент, основа, на которую опирается вся структура государства, от него зависит деятельность структур, составляющих государство.

Идея суверенитета прошла долгий и сложный путь развития, включающий в себя и обоснование в рамках естественно-правовых взглядов народного суверенитета (Г. Гроций, Ж.-Ж. Руссо), и доктрину всемогущества парламента (Г. Блекстон, А. Дайси), и гегелевский суверенитет-абсолют. В современную эпоху наряду с государственным суверенитетом, рассматриваемым как один из ключевых институтов международного правопорядка, принято выделять народный суверенитет (право народа самостоятельно решать свою судьбу, определять основные направления политики, контролировать деятельность государственных органов) и национальный суверенитет (свободное выражение волеизъявления народа или нации в процессе реализации права на самоопределение). Материальной основой государственного суверенитета является обладание территорией, собственностью, определенным культурным достоянием [1, с. 10].

На протяжении нескольких последних десятилетий двадцатого столетия интеллектуальный климат благоприятствовал процессам глобализации и ослабления государственного суверенитета. Естественно, что подобные процессы (многие из которых носят негативный характер) породили многочисленные «рецепты» борьбы с кризисом современного национального государства. Одним из наиболее распространенных методов борьбы с системным кризисом национального государства считается передача части полномочий суверенного правительства на наднациональный уровень (см. например, О. Хёффе концепция «субсидиарной и федеральной мировой республики»; Н. Спайкмен с его критериями геополитического могущества государства, на основе которых определяется, должно ли оно обладать

полным набором суверенных прав или нет; Ганс Кельзен, выдвинувший идею формирования всемирного универсального государства, необходимого для доминирования международного права; У. Бэк с его концепцией космополитического государства и др.).

В первой половине 90-х гг. XX в. в Российской Федерации проходили процессы децентрализации и суверенизации регионов, от которых не осталась в стороне и Республика Коми. Это был так называемый парад суверенитетов, в рамках которого о своей независимости объявили такие субъекты, как Бурятия, Башкирия, Калмыкия, Карелия и др. Процессы суверенизации в РК обладали рядом черт, которые мы выделим и рассмотрим в данной работе. Основными нашими источниками станут законодательные акты республиканского уровня, а также аналитическая литература, изданная в Республике Коми в разные периоды. Следует отметить, что суверенизационные процессы в Республике Коми проходили в рамках процессов этнизации и регионализации.

Проблема этнонациональных движений становится одной из острейших политических проблем. Это обусловлено активизацией этнического самосознания, обострением межэтнических отношений, которые многими алармистскими исследователями рассматриваются в качестве основы современной политической жизни. *Этнизация политики* — это взаимодействие двух начал общественной жизни — этнического и политического. Анализ происходящих процессов этнизации приобретает особо важное значение в рамках полиэтнических государств, каким является Российская Федерация. Особого внимания в условиях этнизации политики требует к себе проблема, связанная с выявлением государственно-правового статуса этнополитики и с приданием этническим сообществам определенного политико-правового статуса как субъекта внутригосударственной и международной политики. Непродуманность реформ в экономической, социальной сферах и непоследовательность политических преобразований ведут к усилению этнополитической конфронтации и обострению этнополитических конфликтов.

Этнизация политики проявляет себя в следующих формах:

– территориальные границы проводятся так, чтобы обеспечить максимальную этническую гомогенность;

- в практической политике права отдельных граждан, обусловленные их статусом, определяются на основе их этнической принадлежности;

- этнические вопросы зачастую превалируют над любыми другими [21].

Л. Ю. Симонян выделяет в своей диссертации [20] следующие причины этнизации политики. Зачастую они накладываются одна на другую, тесно взаимосвязаны. Причем речь может идти как о посткоммунистических государствах, так и регионах внутри них:

- кризис государственной власти (слабость центра, неспособность к принятию эффективных решений, что вынуждает регионы искать самостоятельные пути выхода из кризисных явлений. Слабость государства, неспособного решить важнейшие проблемы своего населения, приводило к тому, что люди идентифицировали себя не с государством, а с этнической общностью);

- необходимость дистанцироваться от старого правящего режима. Коммунистическая идеология стремилась создать некие наднациональные узы (например, новая общность — «советский народ»). После крушения советского режима наблюдается тенденция к восстановлению национального прошлого, поиску национальной идентичности;

- стремление элит и отдельных акторов получить поддержку масс путем разыгрывания национальной карты. На сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС, который был посвящен национальной политике партии, М. С. Горбачев развил идею придания нового статуса советской автономии, а именно «преобразовать некоторые автономные республики в союзные» [5, с. 26]);

- желание дистанцироваться от коммунистического прошлого через участие в каких-либо национальных и этнических движениях;

- экономический кризис, охвативший весь посткоммунистический мир, и др.

После так называемого парада суверенитетов на уровне СССР началась цепная реакция и на территории РСФСР. На протяжении немногим более полугода после принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР практически все бывшие автономные республики в составе России также приняли свои декларации о суверенитете. При этом декларации российских автономий повторяли со-

держание принятых в союзных республиках в 1988–1989 гг. документов, включая иногда в себя требования верховенства и приоритета республиканского законодательства над российским. Спустя еще полгода все автономные области провозгласили свой суверенитет уже в качестве республик. Однако, в отличие от ситуации с бывшими союзными республиками, за декларациями, принятыми в автономных республиках, не последовали декларации о независимости или о переходном периоде к независимости (как это произошло, например, в Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Молдове).

Основным, на наш взгляд, фактором процесса этнизации в регионе является стремление к акцентированию внимания на этнических проблемах и стремление к передаче большей части прав титульному этносу (независимо от возможного численного преобладания иных этносов на данной территории). Руководство республики понимало, что передача представителям коми народа привилегий может быть негативно воспринята представителями других народов, населяющих РК. Однако полностью игнорировать интересы титульного населения власть все же не могла. Например, был принят закон «О государственных языках Республики Коми». В то же время иногда попытки лавировать между интересами коми и не-коми населения приводили к некоторым несуразностям в законах. Так, например, во второй статье Конституции образца 1994 г. говорится, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Республике Коми является её многонациональный народ», но уже третья статья гласит: «Коми народ — источник государственности Республики Коми» [12, с. 3]. Следует отметить, что некоторые политики стремились к наиболее радикальным шагам в данной области. Например, В. И. Худяев предлагал наделить некоторыми преимуществами представителей коми национальности в политической, экономической и образовательной сферах. Однако руководству Республики Коми удалось приглушить появившиеся негативные тенденции в этнической области путем разумных уступок и компромиссов, не нарушающих межнациональный мир.

Республика Коми в этот же период оказалась субъектом процесса регионализации. Под *регионализацией* мы будем понимать особый политический процесс, при котором происходит территориальная фрагментация и некое политическое упорядочивание пространства. В упрощенной форме — это процесс создания новых регионов. В поли-

тическую регионализацию обычно вовлечены все политические объекты и явления. В регионах, борющихся за свои права с федеральным центром, регионализация происходит в активной форме. Политическая регионализация протекает в нескольких измерениях: этнокультурном, природно-географическом и социально-экономическом. Одновременно они являются и факторами, воздействующими на происходящие в регионе процессы. Например, привязанность многих административных границ к географическим объектам, социально-экономические процессы, безусловно, влияют на политическую структуру её населения, а этнические и культурные различия способны влиять на особенности развития местных политических систем.

Важнейшим фактором регионализации является социально-экономический в совокупности с культурными и этническими различиями населения Коми. В 20–30-х гг. XX в. был взят курс на превращение аграрного региона в индустриальный с ориентацией на опережающее развитие ресурсодобывающих отраслей — лесоразработок и топливно-энергетического комплекса. На состав населения повлияла волна репрессий и спецпереселенцев. Доля коми народа составляла в те годы около 70 %. В 40–50-е гг. возросла доля спецпоселенцев и заключенных. В середине 50-х гг. усилился приток приезжих из разных регионов страны. Вплоть до середины 90-х гг. росла диспропорция в численности русских и коми. Особенности социально-экономического развития и складывания национального состава населения сказались и на пространственном размещении национальных общин. Индустриализация повлекла за собой рост численности городского населения, причем оно было многонациональным с самого момента своего образования. Представители титульной национальности составляли в нем незначительную часть. Соответственно, среди представителей нетитульных национальностей доля горожан была выше, чем среди коми. Проживающие в городах представители нетитульного населения дистанцируются от коми культуры, например коми языком владеют лишь 2 % населения. Города всегда снабжались лучше. Условия жизни, заработки, условия для отдыха у городского населения всегда были выше, чем у сельчан. Это вызывало серьезное недовольство населения титульной национальности, способствовало формированию чувства ущемленности, второсортности.

Таким образом, социально-экономический фактор регионализации был важнейшим в формировании сегодняшнего облика республики. Регионализация, с одной стороны, способствовала процессам этнизации через увеличение числа русскоязычного населения, но, с другой стороны, она ей противостояла. Ведь именно численное превосходство нетитульного населения заставило руководство вести осторожную и сбалансированную политику в области государственного и культурного строительства.

Важен *правовой аспект* процессов суверенизации. В 90-е гг. советские органы власти становятся структурами, обладающими реальной политической властью [4, с. 51]. Верховный Совет Коми АССР принимает важнейшие нормативные правовые акты, что свидетельствует о стремлении к проведению независимой политики и большей автономизации.

Главными документами, ознаменовавшими своим появлением процесс правового закрепления процесса суверенизации РК, стали Декларация о суверенитете, Договор о разграничении предметов ведения и полномочий с федеральным центром и Конституция Республики Коми, которая была принята в 1994 г. Принятая 29 августа 1990 г. Верховным Советом Коми ССР на внеочередной 2-й сессии 12 созыва «Декларация о государственном суверенитете Коми Советской Социалистической Республики» провозглашала Коми ССР «суверенным национальным государством, добровольно входящим в состав РСФСР и Союза ССР» [6, с. 23]. По данному документу, Республика Коми наделялась рядом черт суверенного государства:

- территорией (ст. 5);
- гражданством (ст. 13);
- верховенством Конституции и Законов Коми ССР над законодательствами РСФСР и СССР (ст. 6);
- самостоятельностью формирования государственного бюджета, осуществлением налоговой политики и т.д. Самостоятельностью в осуществлении внешнеэкономической деятельности (ст. 9–10);
- наличием герба, флага, гимна Коми ССР.

Мы видим, что республика в данной декларации обладает правом проведения независимой экономической политики и правом независимого законотворчества, что фактически означает лишь формальную её зависимость от федерального центра. Несмотря на то что 26 сен-

тября 2001 г. на первом заседании VIII сессии Государственного Совета РК в соответствии с федеральным законодательством Декларация о государственном суверенитете Коми ССР была признана недействительной, она все же явилась основой для формирования Конституции. Дух данной декларации и взгляды её авторов присутствовали в принятой в 1994 г. Конституции РК. На основании ст. 63 Конституции РК в ведение РФ передавались предметы ведения и полномочия, что характерно не для конституционной федерации, а для договорной. В соответствии со ст. 10 Конституции РК предполагался прием в гражданство РК, и проект такого закона был подготовлен [3, с. 23].

В дальнейшем почти все нормы Конституции РК были подвергнуты ревизии и утратили свой первоначальный смысл, за исключением норм, провозглашающих права и свободы человека и гражданина. Так, например, из текста Конституции РК последующих редакций исчезли всякие упоминания о статусе РК как «государства... в составе Российской Федерации...» [12, с. 3], о многонациональном народе Республики Коми как единственном носителе суверенитета и государственной власти [12, с. 3], о государственном суверенитете РК. (Была полностью пересмотрена глава 1 «Основы конституционного строя».) Действующая редакция Конституции носит гораздо более мягкий характер, в ней не проводится тезис о наличии у РК признаков государственного суверенитета.

Еще одним документом, день подписания которого был назван Ю. А. Спиридоновым «историческим» [8, с. 249], и ознаменовавшим собой еще один шаг к укреплению суверенитета РК стал «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Коми» [7], подписанный главой РК и президентом РФ 20 марта 1996 г. Согласно этому договору, республиканские власти получили значительные полномочия. Так, например, в ведении органов государственной власти РК находятся:

- принятие Конституции, законов и иных нормативных правовых актов РК;
- государственная собственность Республики Коми и управление ею;
- решение вопросов административно-территориального устройства Республики Коми;

- установление системы представительных и исполнительных органов государственной власти Республики Коми, порядка их организации, формирования и деятельности;
- установление принципов организации системы органов местного самоуправления;
- участие в обеспечении защиты прав и свобод человека, законности и правопорядка;
- участие в осуществлении внешнеэкономических и международных связей, заключение с субъектами других федераций, административно-территориальными единицами иностранных государств соглашений, не противоречащих Конституции, законодательству и международным обязательствам Российской Федерации.

Принятие этих важнейших документов ознаменовало собой попытку перехода Республики Коми в новое состояние, попытку изменения её статуса, превращения её из обычного субъекта федерации в суверенное государство в составе РФ.

Также следует отметить, что и в области местного законодательства было сделано немало для закрепления суверенного статуса республики. Был принят целый ряд республиканских законов: «О земельной реформе», «О лесе», «О регулировании хозяйственной деятельности», «О собственности» и др. Тексты законов недвусмысленно дают понять, что республика претендует на статус суверенного субъекта хозяйственных отношений. Например, в законе Коми АССР «О лесе» в статье 1 прописано, что «Леса являются собственностью республики. Распоряжение и управление лесами... осуществляют Совет Министров Коми АССР, местные Советы народных депутатов в пределах делегированных им прав» [9]. Коми АССР, согласно этому документу, делегировала РСФСР ряд прав, основным из которых было право совместного с Республикой Коми установления общих норм и технических правил использования, воспроизводства, охраны и защиты лесов. Следует отметить, что право освоения лесных земель, государственный контроль за пользованием и воспроизводством лесов принадлежало исключительно Коми АССР. В Законе Коми АССР «О собственности в Коми АССР» [10] чётко прописано, что «Право собственности Коми АССР...вытекает из **суверенитета** Коми АССР и неотъемлемого права на землю и иные природные ресурсы» [10]. Право народа Коми АССР владеть, пользоваться, распоряжаться зем-

лей, ее недрами, водами, растительным и животным миром, признавалось неотъемлемым и суверенным. В законе Республики Коми «О земельной реформе» [11] земля объявлялась собственностью республики. Таким образом, и в области местного законодательства была сделана попытка закрепить статус Республики Коми как суверенного государства в составе России.

Следует отметить, что на данный момент действие договора «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Коми» прекращено, признана недействительной декларация о государственном суверенитете Коми ССР, а конституция практически полностью утратила всякие упоминания о независимости Коми. Но, несмотря на это, мы можем утверждать, что в начале 90-х гг. была осуществлена попытка правового оформления происходивших в РК процессов суверенизации.

Рассмотрим *экономический аспект* процесса суверенизации в республике. Во время так называемого парада суверенитетов, провозгласившего принцип «берите суверенитета столько, сколько захотите», российские регионы получили возможность установления внешнеэкономических связей как с другими субъектами России, так и с иностранными партнерами. Не осталась в стороне от этих процессов и Республика Коми. И если установление межрегионального экономического сотрудничества в пределах Российской Федерации вполне легально, то заключение правительственных соглашений по экономическому, техническому и культурному сотрудничеству между руководством Республики Коми и правительствами иностранных государств вызывает большие сомнения с точки зрения правоспособности Республики Коми подписывать эти соглашения. Ст. 6 Венской конвенции о праве международного договора 1969 г. гласит, что только «государство обладает правоспособностью заключать договоры». Ни в одной из двух Венских конвенций не оговорена правоспособность административно-территориальных образований внутри страны подписывать международные договоры с самостоятельными государствами и международными организациями. Согласно Венским конвенциям, правоспособностью подписывать международные договоры обладает Российская Федерация, но никак не её регионы. Республика Коми имеет право подписывать соглашения с отдельными территориаль-

ными образованиями других государств. Так, например, был подписан ряд соглашений с провинциями Финляндии, Ирана, Украины. Подписанные соглашения с правительствами Венгерской Республики, Республики Болгария, Чешской Республики, Республики Молдова и другими не могут быть признаны полностью легитимными.

В рамках внутривососсийского межрегионального сотрудничества были подписаны договоры и соглашения о сотрудничестве с Татарстаном (1994 г.), Чувашией (1994 г.), Северной Осетией-Аланией (1996 г.), Удмуртией (1996 г.), Дагестаном (1997 г.), Марий-Эл (1996 г.), Мордовией (1996 г.), Башкортостаном (1998 г.) и др. Подобные соглашения достигнуты с более чем 50 областями, краями, округами Российской Федерации [17, с. 33].

Основными задачами, на решение которых было направлено подписание этих документов, были выход на прямые связи с зарубежными партнерами, развитие торгово-экономического сотрудничества с другими регионами России и т.д.

Правовой основой для оформления экономической независимости Коми служили два основополагающих документа: «Декларация о государственном суверенитете Коми ССР» и Договор «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Коми». Как мы уже упоминали выше, в параграфе 10 «Декларации о государственном суверенитете...» прямо отмечалось, что «Коми АССР самостоятельно осуществляет внешнеэкономическую деятельность и имеет право заключать договоры экономического содержания и культурного сотрудничества с другими государствами» [6, с. 4].

В ст. 1 «Договора о разграничении предметов ведения...» руководство Российской Федерации и Республики Коми признали, что в ведении органов государственной власти РК находится «участие в осуществлении внешнеэкономических и международных связей, заключение с субъектами других федераций, административно-территориальными единицами иностранных государств соглашений, не противоречащих Конституции, законодательству и международным обязательствам Российской Федерации» [7].

На основании данных документов в Республике Коми шла разработка законодательства в области экономики. Наиболее значимыми из

них являются законы Республики Коми «О внешнеэкономической деятельности», «Об инвестиционной деятельности на территории Республики Коми», «О привлечении инвестиций в экономику Республики Коми», «Концепция внешнеэкономической деятельности Республики Коми» и другие. Особое значение имеет упомянутый закон «О внешнеэкономической деятельности», разграничивающий компетенции РК и РФ в области внешнеэкономической деятельности. Важно отметить, что ведение внешнеэкономической деятельности отнесено к компетенции именно РК.

Внутриэкономическая деятельность в Республике Коми регулировалась законами «О лесе», «О недрах», «О земельной реформе», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», законом «Об экологической экспертизе» и другими. Ю.А. Спиридонов отмечал в своей книге: «Республика неуклонно и последовательно, цивилизованным путем вышла на путь законодательного, нормативного оформления и закрепления своего суверенитета» [19, с. 8]. Таким образом, принятие целого ряда законов, регулирующих аспекты как внутренне-, так и внешнеэкономической деятельности, служит еще одним критерием процессов суверенизации Республики Коми в 90-е гг. XX в.

Следует отметить роль *этнического аспекта* процесса суверенизации.

На политическое устройство республик, входящих в состав Российской Федерации в 90-е гг., этнический фактор оказывал немалое влияние. Конец 80-х гг. стал временем массового создания национальных организаций в финно-угорских республиках России. Созданные в Республике Коми коми национальные организации поначалу выступали за возрождение и развитие коми национальной культуры. Однако в дальнейшем национальные идеи в доктринах коми национальных движений перемещаются из области культуры в сферу политики [15, с. 51]. Так, например, созданное в декабре 1989 г. Общество «Коми котыр» первоначально замысливалось как национально-культурное объединение. Но уже при его создании в программе появились политические требования [18, с. 132]. В частности, движение ставило своей целью достижения для РК прав суверенного государства, входящего в равноправную федерацию. После создания «Коми котыра» на местах стали возникать как его отделения, так и самостоятельные организации, которые имели культурно-просветительские цели. Национальное движение в РК постепенно становится самостоя-

тельной политической силой, чему способствовало проведение съездов коми народа.

Съезды коми народа проводились раз в два года, первый съезд был проведен в январе 1991 г. Первые съезды коми народа отличались большей жесткостью резолюций и требований. Одним из важнейших их требований было предоставление больших политических прав коренному населению РК. Так, например, первый съезд коми народа провозгласил историческую обоснованность особого положения коми этноса и его приоритет в культурной и политической сферах [18, с. 133]. Обосновывалась необходимость реформирования политической системы с учетом этнического фактора, то есть создание в высшем законодательном органе палаты коми народа. Последующие съезды также стремились влиять на принятие решений органами государственной власти РК, например, решение III съезда коми народа «О принципах конституционного устройства Республики Коми» предполагало конституционное закрепление прав коми этноса на участие в выработке и принятии решений в высших органах государственной власти, предлагалось также сделать обязательным знание обоих государственных языков для будущего председателя Государственного Собрания.

Съездами коми народа выдвигался также ряд резолюций в поддержку установления государственного суверенитета РК, например, резолюция I съезда коми народа «О государственном суверенитете Коми АССР» или решение II съезда коми народа «О первоочередных мерах по утверждению государственного суверенитета Коми республики», «Об экономическом суверенитете Коми ССР» [22, с. 199]. Было озвучено требование переговоров полномочной делегации республики с руководством РСФСР о заключении между Коми и федеральным центром двустороннего договора о принципах взаимоотношений, причем в состав делегации настоятельно рекомендовалось включить делегатов от съезда коми народа. Выдвигался также ряд других требований: принятие законов о гражданстве и миграции, закона о статусе съезда коми народа и т.д.

Исходя из вышеуказанного этнический фактор может рассматриваться в качестве важной составляющей процесса суверенизации в Республике Коми, так как коми национальное движение оказывало серьезное влияние на политические процессы в РК.

Если рассматривать суверенизацию Республики Коми в целом, то следует отметить, что она не удалась в полном объеме. Нарботки

правовой суверенизации были позже отменены, когда в стране развернулась кампания по приведению в соответствие местного законодательства федеральному. Вряд ли можно было надеяться на продолжение борьбы за особый статус республики в эпоху после 2000 г., когда совместились политический фактор усиления властной вертикали федерального Центра и социально-культурный фактор реформационной усталости региональных элит и народных масс. По мнению В. А. Ковалева, «С 2001 г. Федеральный Центр однозначно настроен против закрепления суверенитета субъектов РФ» [15, с. 56].

Этническая суверенизация провалилась по нескольким причинам. Во-первых, нескоординированность самого коми национального движения. Весьма немаловажную роль играет национальный состав населения. После образования Коми АССР и принятия Конституции Коми АССР началась волна репрессий против населения, в том числе и национальной интеллигенции, шло создание одного из крупнейших филиалов ГУЛАГа. Прибытие спецпереселенцев, заключенных и охранников существенно изменило её национальный состав. Постепенно коренное население оказалось в меньшинстве, в середине 90-х гг. коми составляли около 26 % населения. Вряд ли можно было надеяться на поддержку большинства не-коми населения, пытаясь провозгласить коми народ основным источником государственного суверенитета.

Что касается социально-экономической суверенизации, то она затормозилась из-за общей для многих регионов проблемы — экономических реформ, проводимых на федеральном уровне. Эти реформы оказались сущим бедствием [15, с. 47] для большинства населения страны. В условиях перехода к рыночной экономике региональные лидеры столкнулись с проблемами элементарного выживания своих территорий, у Москвы часто просто не было необходимых ресурсов для помощи регионам. Рассчитывать приходилось только на свои средства, которых зачастую не хватало. В таких условиях весьма показательными являются слова Ю.А. Спиридонова о том, что кризисная ситуация в республике во многом была обусловлена невниманием к специфике Севера со стороны руководства СССР: «Север стал экологической колонией, заложником существующих стратегии и политики освоения его природных ресурсов... Особенности Севера учитывались недостаточно, что привело к обострению здесь экономических, социальных, экологических и национальных проблем...» [19, с. 11].

Как мы видим, процессы децентрализации и суверенизации нашли широкое отражение в различных областях экономической и общественной жизни республики. Мы считаем, что описанные нами процессы позволяют более глубоко проникнуть в суть социально-культурных процессов суверенизации Республики Коми в 90-е гг. XX в., поставить вопрос о социально-культурном и социально-психологическом осмыслении феномена «Суверенитет» в ряду других феноменов, составляющих повседневное сознание индивидуума.

1 Антошин В. А. Идея государственного суверенитета: долгий путь и национальные интересы России // Вопросы управления. 2008. № 2 (3). С. 9–12.

2. Волынчук А. Б., Фролова Я. А. Глокализация как предмет научного исследования. URL: http://www.rusnauka.com/9_EISN_2007/Economics/21363.doc.html

3. Гаврюсов Ю. В. Конституция Республики Коми: современное состояние и пути совершенствования // Вестник Государственного Совета Республики Коми. 2008. № 5. С. 23–31.

4. Гончаров И. А. Политическое представительство в деятельности регионального парламента // Вестник Государственного Совета Республики Коми. 2008. № 3. С. 51–57.

5. Горбачев М. С. О национальной политике партии в современных условиях. Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК КПСС 19, 20 сентября 1989 года. М. : Политиздат, 1989. 48 с.

6. Декларация о государственном суверенитете Коми ССР // Красное Знамя. 1990. 5 сентября.

7. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Коми. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_57948.html

8. Договориться — значит действовать // Штрихи этнополитического развития Республики Коми. М. : Старый сад, 1997. 316 с.

9. Закон Коми АССР от 22.11.1990 (ред. от 22.12.1992) «О лесе» // Красное знамя. № 278.1990. 4 декабря.

10. Закон Коми АССР от 21.11.1990 «О собственности в Коми АССР» // Красное знамя. № 279. 1990. 21 ноября.

11. Закон Республики Коми от 20.03.1991 (ред. от 24.11.1994) «О земельной реформе» // Красное знамя. № 65. 1991. 2 апреля.

12. Конституция РК в редакции 1994 г. Сыктывкар : Коми книжн. изд-во 1994. 30 с.

13. Конституция РК в редакции 2002 г. Сыктывкар : Коми республиканская типография, 2003. 90 с.

14. Конституция РК в редакции 2009 г. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2009. 44 с.

15. Ковалев В. А. Политическая трансформация в регионе: Республика Коми в контексте российских преобразований. Сыктывкар : СыктГУ, 2001. 251 с.
16. Оль П. А. Политико-правовая сущность суверенитета // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского: Власть и право. Вып. 2 (7). 2003. С. 109–114.
17. Проничев И. К. Внешнеэкономические связи Республики Коми. Сыктывкар : Сыктывкарский лесной институт, 2003. 157 с.
18. Развитие этнополитической ситуации в 80–90-е годы и становление коми национального движения. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов Коми в XX веке / под ред. М. Н. Губогло. М. : ЦИМО, 1998. 375 с.
19. Спиридонов Ю. А. Республика Коми: настоящее и будущее. Сыктывкар. КНЦ УрО РАН, 1995. 30 с.
20. Сулейман Л. Ю. Этнозация политики в посткоммунистическом мире. URL: <http://dissers.ru/1/11648-1-simonyan-lilianna-yurevna-etnizaciya-politiki-postkommunisticheskom-mire-230002-politicheskie-instituti.php>
21. Сулейманова Ш. С. Этнический фактор в современном политическом развитии России. URL: <http://psibook.com/sociology/etnicheskiy-faktor-v-sovremennom-politicheskom-razvitii-rossii.html>
22. Штрихи этнополитического развития Республики Коми. Очерки. Документы. Материалы. М. : Старый сад, 1994. Т. 1. 313 с.

Л. М. Макарова

Идея лабиринта в жизни и творчестве Мариана Колодзая

УДК 7

Мариан Колодзей создал свое художественное наследие как свидетельство не только смерти, но и жизни. В его творчестве переплетаются не только документальные свидетельства, но и загадочная игра. Его сценография воспринимается как протест против реалий Аушвица. Он стремился максимально точно соотнести текст и режиссуру, однако в своей сценографии часто использовал эффект разделения пространства сцены. Концлагерь был хаосом, и сценография противопоставляла этому хаосу упорядоченность, так что Аушвиц постоянно присутствовал в его работах хотя бы в виде соб-

ственного отрицания. Все это вместе создавало картину лабиринта, запутанного пространства, подобного человеческой душе.

Ключевые слова: лабиринт, сценография, концлагерь, вечное возвращение, распятие, Пьета, человек, пространство, время.

L. M. Makarova. The idea of the labyrinth in the life and work of Marian Kolodzeya

Marian Kołodziej created his artistic testament not only to give testimony of death but also of life. In his works, there is not only something of bitter seriousness of a documentary but also something of a mystery play. His theatrical works can be treated as a protest against what he experienced in Auschwitz. He had usually tried to be faithful to the text and stage directions, he used to disintegrate the space of the stage. The camp was a chaos, a disorder. In the theatre he has always taken great care to make the stage visual arrangements and layouts meaningful. They have always been disintegrated systems: spaces, universe, light. So Auschwitz has always been present — but as its denial. All that picture and scenery with that disintegration are sometimes as like as labyrinth of the soul of man.

Key words: Labyrinth, set, a concentration camp, the eternal return, the crucifixion, the Pieta, people, space, time.

Понятие лабиринта как системообразующего показателя представляется наиболее адекватно отражающим перипетии жизненного и творческого пути М. Колодзая. В сложной модели лабиринта нашли отражение параметры характеристики личности, присутствующие как в «Объяснении» (автобиография-интервью М. Колодзая) [12, с.1–64], так и в его творчестве. Постоянная выставка его рисунков, связанных с концлагерной проблематикой, и посвященный ей альбом [6], носят название «Лабиринты Мариана Колодзая» и содержат косвенное указание на способ интерпретации пережитого.

Выставка размещена в подвалах францисканского монастыря в местечке Харменже, недалеко от Освенцима. Пространство выставки организовано наподобие лабиринта, разделено многочисленными перегородками и препятствиями. Эта запутанность места дополнена стеклянными поверхностями на отдельных участках пола и стен, придающими отражаемому миру добавочную ирреальность. Хаотичное

размещение экспонатов (рисунков и предметов) заполняет не только поверхности пола или стен, но и затрагивает потолочное пространство. Огромное количество изображенных фигур и лиц создает впечатление перенасыщенности, несоответствия такого нагромождения небольшому пространству выставки. Как концепция выставки, так и ее организация воспроизводят, по крайней мере, одно из наиболее распространенных, классических, значений лабиринта — запутанного пространства, из которого психологически невозможно выбраться.

Принципу лабиринта подчинен и альбом, частично содержащий представленные на выставке работы — рисунки и значительное число их фрагментов. В альбоме отсутствует нумерация страниц, нет и никаких других разграничений, хотя бы в виде названий или порядковых номеров помещенных в нем работ, нет оглавления. На выставке снабжены названиями лишь те работы, которые были представлены в зарубежных экспозициях. Они частично приведены в «Путеводителе» по постоянной выставке в Харменже, составленном супругой художника Халиной Слоевской-Колодзей [15]. По мнению М. Колодзей, названия работ были бы попыткой давления на зрителя, навязыванием ему единственного варианта прочтения «картин-текстов», как он называл свои работы. Это непрерывный поток лагерных впечатлений, перетекающих одно в другое. Здесь, как на самой выставке, зритель вновь попадает в весьма неопределенное пространство, выход из которого он должен найти для себя сам.

Уходя после просмотра выставки, зритель оказывается в японском садике, разбитом по инициативе М. Колодзей и известном под названием «Сад жизни». Своей гармоничностью он призван помочь преодолеть, в том числе с помощью медитации, тупик, возникающий в сознании посетителей выставки из-за неспособности разума осмыслить увиденное. Создавала его организация под названием «Польское сообщество мира», существующая с 2001 г. Ее целью является поддержка общественных инициатив, она также организует встречи с целью медитации, в том числе и в «Саду жизни».

Термин «лабиринт» в настоящее время используется довольно широко, в том числе и применительно к жизни театра [7], причем диапазон его значений варьируется. Наиболее пространная трактовка этого термина, подразумевающая также своеобразную стратегию его применения, содержится в «Энциклопедии символов». Лабиринт по-

нимается там либо как символ вселенского препятствия, которое одинаково проявляется на всех направлениях пути движения человека, либо как безвыходная ситуация, из которой не могут выбраться души живых и умерших. В этом случае лабиринт становится своеобразной территорией выбора, пространством мистической связи между горним и дольным мирами [5, с. 269–271].

Достаточно подробно концепция лабиринта исследована в работе бельгийского литературоведа Ж. Пуле. Пространство, согласно Ж. Пуле, приобретает черты лабиринта в случае, если его характеристики включают противоположные показатели¹. Иными словами, это пространство может оказываться одновременно сжатым и безмерным, отражая двойственность восприятия находящихся в нем людей. Такие же изменения характерны, по мнению Пуле, и для восприятия времени, которое также может растягиваться, превращаясь в бесконечность, сокращаться до полного исчезновения, или возвращаться.

Формально М. Колодзей применяет определение лабиринта только к характеристике концлагеря, где он был заключенным в 1940–1945 гг. В реальности же принцип лабиринта, как неявно выраженного способа интерпретации реальности, может быть распространен и на другие обстоятельства жизни и творчества Колодзея. К ним можно отнести ситуацию начала Второй мировой войны (1939–1940), сценографическую деятельность в Гданьском театре «Побережье» в 1950–1991 гг., многочисленные выставки его творчества, алтари, созданные им в 1987 и 1999 гг. к приездам в Гданьск папы Иоанна Павла II.

Неоднозначность и намеренная запутанность повествования характерны также для его текстового сочинения «Подлинная биография Мариана Колодзея» [8, с. 6–8]. Там он провоцирует читателя на возможность двойного толкования текста, частично способствуя созданию в СМИ мифа о его якобы полном отказе от собственного имени и использовании до конца жизни псевдонима. Особенно широко эта ин-

¹ Работа написана на французском языке, однако в нашем распоряжении был польский перевод [14, с. 493–529]. В цитируемом разделе максимально использовано содержание гравюр Д. Б. Пиранези из цикла «Тюрьмы». Дополнительно Ж. Пуле ссылается на работу Т. Де Квинси «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум». В обоих случаях для характеристики лабиринта использованы пограничные обстоятельства — тюрьма как место заключения (изоляции человека от мира) и помраченное сознание человека, неадекватное восприятие им мира.

формация распространилась сразу после его смерти [11]. Все эти суждения не соответствуют его «Объяснению», в начале которого официально указаны все данные о М. Колодзее на момент рождения, пребывания в концлагере и возвращения в послевоенную жизнь [12, с. 1].

Особенности восприятия, обусловленные концлагерной ситуацией, подробно исследовали бывшие заключенные, психологи В. Франкл и Б. Беттельхейм и социолог А. Павелчиньска. Непосредственно термин «лабиринт» они не используют, однако их впечатления и описания концлагерной жизни вполне соответствуют обобщенным интерпретациям Ж. Пуле.

В. Франкл обращает внимание на психическую трансформацию заключенного начиная с первых часов его пребывания в лагере. Он упоминает, ссылаясь как на свой опыт, так и суждения других психологов-заключенных, о регрессии, возврате к более примитивным формам поведения. Будущее в этом случае автоматически переставало существовать, единственным временем оказывалось прошлое, жизнь обращалась вспять [3, с. 137].

Неопределенность собственной судьбы порождала у заключенных не только ощущение практической неограниченности срока заключения, но и впечатление полной их отчужденности от мира за пределами лагеря. Пространственные и временные характеристики реальности одинаково искажались, сознание мифологизировалось. Человеческое существо становилось в этих условиях все более беззащитным, брошенным и забытым.

Выход из тупика (лабиринта) концлагерной ситуации Б. Беттельхейм видит в ее отрицании [2, с. 80]. Он подразумевает под этим не погружение в дебри ирреального, а выстраивание иной системы ценностей, не связанной с лагерными стереотипами. У него самого, как и у В. Франкла, ментальная дистанцированность от лагерной повседневности достигалась за счет отстраненности, научного анализа происходившего, создания виртуальной книги о лагерной психологии.

Работа А. Павелчиньской отличается от работ предыдущих исследований отсутствием апелляции к ее собственным эмоциональным переживаниям лагерного опыта [13, с. 50]. В основе ее рассуждений — человек, оказавшийся в экстремальных условиях, с перспективой скорейшего уничтожения или полной деградации. Ее интересуют гу-

манистические ценности и способность человека сохранить их в условиях террора в диапазоне довольно широкого балансирования между жизнью и смертью. Люди, попавшие в концлагерь, оказывались в ситуации выбора. Однако всегда определение границ внутренней свободы оставалось за самим человеком [13, с. 163], заставляя его балансировать между полным самоотречением и таким же полным переходом на сторону нацизма. Шанс выжить дается только при условии вечной борьбы человека за существование. Однако в этой борьбе объективно более высок шанс положительной морали, стремления остаться человеком.

Здесь уместно вспомнить суждение современного французского философа А. Бадью о «креативной силе отрицательного события» [1, с. 11], открывающего новое субъективное пространство.

У заключенных, по мнению А. Павелчиньской, за счет приспособления к ситуации прежние ценности приобретали новый смысл и мало соотносились со стандартами поведения свободного человека. Все свои описания А. Павелчиньска дает в двух вариантах — отстраненно и через эволюционирующее восприятие заключенных.

М. Колодзей искажение восприятия интерпретирует, в частности, в рисунке «Мировое древо», одном из немногих на выставке, имеющем название. В работе М. Колодзея этот символ Вселенной становится напоминанием об изощренных издевательствах охранников, загонявших ослабленных людей на дерево, с которого можно было в любой момент сорваться и либо разбиться, либо быть разорванным собаками охраны. Однако с этого же дерева, поднявшись до его вершины, можно было увидеть пространство за пределами лагерных стен¹.

Подъем на вершину дерева приравняется здесь к переходу в совсем иной мир, что вполне соответствует пониманию лабиринта как связующего звена между нижним и верхним мирами. Но верхний мир в традиционном понимании на рисунках Колодзея обычно отсутствует, небо заменяет некое задымленное пространство как постоянное напоминание о трубах крематориев, единственном способе покинуть концлагерь. Поэтому в качестве «горнего» оказывается мир за пределами концлагеря.

¹ Это впечатление М. Колодзей описывает в альбоме [6, с. 21 (нумерация страниц наша — Л. М.)].

В условиях концлагеря было невозможно сохранять ценности в их абсолютном значении, это быстро приводило к гибели. Однако именно это первоначально пытался сделать М. Колодзей: сохранять в возможно более приемлемом виде свою одежду или отказаться от съедания картофеля вместе с кожурой, что было абсолютно нереальным в концлагере, в условиях постоянного голода.

Позднее Колодзей, по мере приобретения лагерного опыта, обратился к ценностям более высокого плана, основанным на понятии справедливости. В своих воспоминаниях он много говорит о весах, всегда в значении меры соотношения добра и зла [6, с. 21]. Лагерный лабиринт становится для него пространством, в котором происходит постоянная борьба этих двух начал, приводящая к изменению смысла многих прежних ценностей.

Наиболее ярким примером уже не просто добра, а подвижничества, символом абсолютной верности идеалам стал для М. Колодзея пример монаха-францисканца о. М. Кольбе, заключенного Аушвица, пожертвовавшего своей жизнью для спасения другого человека. Колодзей вместе с другими заключенными во время одного из апеллях оказался свидетелем этого акта самопожертвования. Отец М. Кольбе погиб в лагере в 1941 г., а в 1982 г. он был канонизирован католической церковью. В альбоме Колодзея он стал впоследствии одной из ключевых фигур. На одном из рисунков летящего о. Кольбе поддерживает Богородица. На фоне бесчисленного множества истощенных и неотличимых друг от друга заключенных с их пустыми глазами Кольбе привлекает внимание сосредоточенным и живым взглядом (рис. 1). Перед зрителем предстает человек, несомненно, индивидуальной судьбы, давно сделавший свой выбор и уже не отступавший от него.

Возможность выхода из тупиков концлагерного лабиринта для М. Колодзея оставалась единственно через идею Бога, его страстей. В рисунках видно стремление показать близость пути к Богу человека, находящегося на грани, разделяющей добро и зло. Впрочем, глубокая религиозность М. Колодзея не была обусловлена только тяготами лагерного существования, она изначальна, поскольку его лицейское образование строилось на идеях харцверства, с его переплетением глубокого и самоотверженного патриотизма и религиозности. Поэтому после оккупации Польши нацистами закономерным для Колодзея было

примкнуть к подпольной борьбе бывших лицеистов, вдохновлявшейся лицейским священнослужителем, ксендзом Лехом Земским [12, с. 1].

На многих его рисунках присутствуют два человека — сам М. Колодзей и о. М. Кольбе, становящийся проводником Колодзея на пути к Богу. Не только пространство вне существования лагерных стен и ограждений, но и время в этих условиях вновь тяготеет к Бесконечности. Иногда М. Колодзей и о. М. Кольбе изображены раздельно, в таких случаях второй фигурой на рисунке чаще всего является Иисус Христос, а генеральная идея восходит к страданиям крестного пути. Это перекликается с суждением А. Бадью, отмечающим безотносительно к конкретным событиям, что в сложных жизненных ситуациях человек показывает себя существом бессмертным, преодолевающим страдания и смерть [1, с. 27].

Распятие поэтому также находит аналогии в концлагерной реальности. Одной из самых ужасных лагерных пыток было подвешивание заключенных на столбе, который напоминает Колодзею распятие. Страдающий Христос в венце из колючей проволоки висит на мученическом столбе вместе с заключенным номер 432 (лагерный номер М. Колодзея).

Наиболее близкой в этом отношении к зарисовкам лагерной проблематики оказывается сценография к оратории «Художник Матис» П. Хиндемита (проект не был реализован), посвященная творчеству художника М. Грюневальда и базирующаяся на росписях Грюневальдом Изенгеймского алтаря. Однако работа этого художника претерпела в сценографии существенные изменения, снова напоминающие о лабиринте и поиске пути выхода из него.

Центральную часть сценического пространства по-прежнему, как и у Грюневальда, занимает распятие как выражение наивысшего страдания, но в нижней части оно дополняется фрагментом из «Искушения св. Антония» со створок того же алтаря и отдельным показом сцепленных рук Марии Магдалины. По замыслу Грюневальда, этот жест должен был восприниматься как еще одно напоминание о терновом венце. Произвольное, на первый взгляд, сочетание в сценографии отдельных фрагментов алтарных росписей Грюневальда создавало на сцене бинарную оппозицию «искушения-страдания» как

содержания всей человеческой жизни, а через апелляцию к Библии все это приобретало вневременное значение.

На выставке в Харменжах, где находится эскиз этой сценографии, с правой стороны от распятия в виде инсталляции помещен обгоревший будильник, в свое время найденный Колодзеем в руинах лагерного крематория. Этот символ насильственно остановленного времени становится своеобразным дополнением к «черному солнцу», напоминанию о трубах крематория и о бесчисленных жертвах нацизма. В сценографии «оппонирует» этим символам смерти светловолосый серафим из сцены Рождества Христова (с внутренних створок того же алтаря). Он помещен у основания всей композиции. Это вновь идея противопоставления Вечности, представленной фигурой Распятого и обугленного будильника, свидетельства крушения многих жизней.

Наиболее явным местом присутствия Бога и символом его вседуальности становятся алтари, с вершины которых папа во время визитов в Польшу должен был обратиться к верующим. М. Колодзей создал два таких алтаря, с промежутком в 12 лет. Там предстает иного рода реальность, нематериальная и в одном случае, в алтаре 1987 г., сосредоточенная в созданной «ладье Петра» (наместником которого является папа). В другом случае, в 1999 г., это присутствие Бога включает пространство Неба и Рая и выглядит рассеянным, подобно свету, за счет многочисленных фигурок святых и распятий, занимающих значительное пространство и выполненных в кашубской традиции народного искусства. Эти работы, если учесть, что визиты папы приходились на очень беспокойное в истории Польши время, становятся у Колодзея ясным индикатором Добра и Зла, поскольку здесь снова происходит столкновение священного и мирского, жесткого политического курса страны и милосердия Бога. Сопот, где был размещен второй алтарь, в 1999 г. был местом военных столкновений между населением и правительственными войсками.

Один из постоянных мотивов творчества М. Колодзея, в том числе в концлагерной проблематике, — Пьета как итог крестного пути. На одном из рисунков изображен Колодзей, собственными руками несущий к печам крематория тело погибшего школьного друга М. Кайдаша, оказывающий ему последнюю помощь, услугу, единственно возможную в этих условиях. Мариан Кайдаш был последним

предвоенным вожатым Пятой харцерской дружины и в начале войны возглавлял небольшую подпольную группу лицеистов. Он был арестован в 1940 г. вместе с М. Колодзеем и отправлен в концлагерь Аушвиц. Погиб он там осенью 1942 г.

Таких изображений довольно много, в некоторых случаях постаревший Колодзей держит на руках заключенного номер 432, символически оплакивая собственное прошлое (рис. 2).

В некоторых случаях рисунки религиозного содержания воспроизводили исчезнувший мир, оставшийся в сознании узников только как болезненная память о прошлом. Одним из таких примеров для Колодзея является Сочельник 1940 г., первый с момента заключения прожитый на территории лагеря. Это был прежде, в свободной жизни, день возвращения в утраченный мир детства. Работа Колодзея представляет собой триптих, на котором изображены полярно противоположные миры — ушедшее прошлое и единственно реальное настоящее — и люди, оказавшиеся в месте пересечения этих миров.

Стол в центре картины, за которым сидят двенадцать (по числу апостолов) заключенных, вызывает аналогии с Тайной вечерей и грядущей смертью Христа. Среди этих 12 человек — и М. Колодзей, номер 432, единственный из них, переживший лагерь и оставшийся в живых. Вверху надпись «Тихая ночь, святая ночь» с держащими ее ангелами. Но немецкий готический текст надписи в условиях лагеря выглядит жестоким напоминанием о реальности. Содержание этой работы подробно рассмотрено в Путеводителе [15, с. 25].

На боковых створах триптиха справа — напоминание о картинах детства, нарисованных цветными мелками, как в школе, группа колядующих во главе со смертью, на этот раз вполне мирным атрибутом общей картины Рождества. На левой створе изображен стол, за которым присутствуют те, кого память заключенного воспроизводит прежде всех, — родители. По польскому обычаю, за таким столом принято оставлять не занятым одно место, в данном случае, вероятно, приготовленное для заключенного 432. Двое заключенных покровительствуют Сочельнику в традиционном польском изображении Христа Скорбящего, увенчанного терновым венцом (рис. 3).

В послевоенные годы проявление протеста против концлагеря было выражено через взаимодействие Колодзея со сценическим пространством. Сценограф — это организатор пространства, его соотне-

сения с общей концепцией спектакля. Наибольшее впечатление в лагере производила, по словам Колодзеля, пространственная замкнутость. И при оформлении спектаклей он часто старался продемонстрировать открытость и множественность внутренних миров сцены, придать им самостоятельное значение. В его спектаклях часто не было разделения сцены и зрительного зала, отсутствовал занавес [16, с.12–13]. Одно пространство при этом всегда перетекало в другое. Концлагерь был хаосом, беспорядком, которому требовалось противопоставить упорядоченность. Однако, если анализировать пространство как один из образов лабиринта, между этими, казалось бы, противоположными трактовками оказывалось много общего.

Сцена театра, которую Колодзей стремится показать, как огромность света и пространства, как отрицание тесноты и одновременно бесконечности лагеря, в действительности являлась очень узкой и тесной. И Колодзей всеми способами старался расширить мир спектакля в воображении зрителей, показать его изменчивость.

В этом отношении Колодзю помогает использование освещения, при котором актер оказывается в центре ожившего благодаря свету пространства, где он должен раствориться. Свет и игра прожекторов, по мнению Колодзеля, способны были создать любое место и атмосферу, в том числе и некое параллельное пространство, плод зрительского воображения. Именно свет, по мнению Колодзеля, отражаясь от множества поверхностей, придает всему пространству особую внутреннюю освещенность, даже свечение, создавая впечатление сияния [10, с. 64]. Впрочем, такой прием использовался не всегда. В спектакле «Гамлет» (1970) М. Колодзей исходил из тезиса В. Шекспира: «Дания — тюрьма». Соответственно, занавес здесь наличествовал и представлял собой нечто монументальное, он поднимался и опускался с шумом и скрежетом, а разграниченное пространство производило впечатление тюремных камер.

Человека, и в первую очередь актера, он также старался представить как открытое, незамкнутое пространство, что вновь становилось вызовом концлагерю, где телесная замкнутость соединялась с духовной. Он считал, что форма, находящаяся в пределах взгляда, должна иметь человеческое измерение [17, с. 9]. Благодаря применению очень легких и мобильных материалов сцена казалась продолжением актера, которому отводилась роль организатора пространства. Лестницы,

подиумы, опоры в этом случае не подавляют актера, они вписывают человеческое тело в музыкальный и архитектурный порядок, но в то же время сохраняют общую идею лабиринта.

В спектакле 1976 г. «Свадьба», по пьесе С. Выспянского, отсутствуют стены хаты, где происходит основное действие, остаются только двери и окна. Стены заменяются нагромождениями опор, временами принимающими форму креста, частого символа в сценографии М. Колодзая. В частности, крест присутствует в сценографии «Последних дней Чака» И. Мадача (1975) и «Кладбища автомобилей» Ф. Аррабаля (там форму креста принимают нагроможденные на свалке автомобили).

Но мнимая открытость пространства в «Свадьбе» призвана показать не просто разруху, а психологический упадок как хозяев дома, так и собравшихся на праздник гостей (рис. 4). Декорация в спектаклях М. Колодзая временами выходит за пределы одного только сценического пространства, попеременно базируется на предмете, костюме.

Это становится приближением зрителя к действию, иными словами, «открытием» пространства и умножением точек зрения с целью преодолеть застывшее восприятие, распределить публику вокруг, а иногда и внутри театрального спектакля. М. Колодзей в этом случае подчинял актера нуждам сценографии, включая его в уже созданное сценическое пространство.

В искусстве Колодзая-сценографа доминируют две основных линии. Одна из них непосредственно связана с содержанием спектакля, вторая выходит за его рамки, апеллируя к искусству ранних эпох в основном через библейских персонажей или героев польской истории. Его Зло, подобно библейским чудовищам из «Искушения святого Антония», не всегда антропоморфно. Помимо этого, сцену и зрительный зал объединяет и одновременно разделяет еще одно измерение — временное, соотнесение сценического действия с реальным временем. В сценографии Колодзая эту функцию выполнял один из часто повторяющихся элементов — часы, атрибут Времени в космическом значении этого слова. Часы фигурируют как в его сценографии, так и на некоторых рисунках.

В то же время собственно пространство приобретает символическое выражение, поскольку там присутствуют не предметы, а только

их обозначение. В пространство собственных спектаклей или выставок он зачастую помещал свалку, нечто уплотненное, стиснутое, символизирующее хаос. Но из этой свалки, как в спектакле «Кладбище автомобилей» Ф. Аррабаля (1972), может вырасти распятие, и тогда вся сценография приобретает вневременное измерение.

Пространственные разграничения дифференцированы в зависимости от содержания спектакля, они могут быть не только горизонтальными, но и вертикальными, захватывать не только пространство, но и время. В «Польских Фермопилах» Т. Мичинского (1970) при помощи разных уровней сцены разграничивается время действия. В «Трагедии о богаче и Лазаре» (1968) разноуровневое пространство делится на рай, ад и земной уровень. Функционально этой цели могут служить многочисленные лестницы или их изображения. Одна из тем лабиринта — лестница, ведущая в никуда. В 1984 г. «Скрипач на крыше» Ю. Штайна сценографически представлен в виде репродукции работы М. Шагала с одноименным названием. На сцене изображен еврейский городок, двухъярусный мир которого пронизывает лестница, устремленная ввысь, в небеса. Эта сценография М. Колодзая считается одной из лучших (рис. 5).

Временами М. Колодзей исходил из тезиса о том, что пространство — это пустота, и стремился его заполнить за счет перенасыщенности, которая должна передавать смятение и беспомощность персонажей. Насколько можно судить по сохранившимся эскизам декораций, это характерно для спектакля 1978 г. по пьесе Т. Мичинского «В полумраке золотого дворца, или Царица Теофану». Вертикальные поверхности декораций переполнены изображениями противостоящих друг другу персонажей, в результате чего создается впечатление переполненности сцены. В этом спектакле перед зрителем предстают два противоположных мира — чудовищ и святых, рай и ад. Чудовища ада впоследствии переключались в поздние рисунки Колодзая, на темы концлагеря.

Еще одним качеством лабиринта является создание эффекта «вечного возвращения», повторения ситуации, движений, жестов находящихся в этом пространстве людей [14, с. 504]. Онтологический смысл «вечного возвращения» подробно анализируется в книге: [4]. Это выражено также в фильме Ж. Деланнуа «Вечное возвращение» по сценарию Ж. Кокто (1943). Сюжет фильма — история Тристана и

Изольды, перенесенная в начало XX в. В фильме цитируется тезис Ницше о вечном возвращении из его работы «Так говорил Заратустра». Однако у Ницше эта идея изложена достаточно неопределенно и допускает противоречивые толкования.

Именно так можно оценить обыгрывание М. Колодзеем значения собственной фамилии¹, при котором показ колеса оказывается символом бесконечного повторения, колеса Сансары. Этот эффект неоднократно проявлялся в жизни М. Колодзеев начиная с юношеских лет. Согласно его воспоминаниям, после оккупации Польши он и его лицейские товарищи предприняли несколько попыток пересечь польскую границу и примкнуть к польскому Сопротивлению, которое создавалось тогда во Франции. Но каждая из этих попыток заканчивалась возвращением и в конечном итоге привела молодых людей в концлагерь.

Основной смысл этого изображен на одной из картин выставки: в нижней ее части идут лицеисты, стремящиеся объединиться силами Сопротивления, в то время как белый конь с уланскими крыльями, пронзенный стрелами, сбрасывает всадника, головой вниз летящего в концлагерь. Белый конь и крылья — символы польского патриотизма. Еще один символ Польши — орел, в верхней части рисунка он несет книгу с названием «Апокалипсис». Все эти элементы в творчестве Колодзеев повторяются достаточно часто, являясь наряду с изображением страданий Христа постоянной темой освобождения Польши (рис. 6).

Для самого М. Колодзеев время радикально повернулось вспять после 1992 г., когда, пережив тяжелую болезнь, он, по собственному утверждению, вновь «вернулся к Освенциму», стал рисовать серию воспоминаний, впоследствии объединенных под названием «Клише памяти. Лабиринты». Это было двойное возвращение — к собственной молодости (в момент ареста М. Колодзеев было 19 лет) и к ужасам концлагеря — на рисунках создается при помощи обращения к лагерным стереотипам.

Так или иначе представлено повторное «проживание» концлагеря. Этой цели прежде всего послужил двойной автопортрет, показы-

¹ Koło — по-польски означает «колесо». Фамилия Kołodziej переводится как «колесник, колесных дел мастер».

вающий два лица одного человека, вначале лагерного заключенного, затем уже немолодого современника художника (рис. 7).

Лагерный автопортрет Колодзей считал маскировкой себя истинного, интерпретируя подчеркнуто пустой взгляд как элемент самозащиты, атрибут отстраненности. Это был, по его словам, испытанный прием утаивания, сокрытия одного в другом, к которому Колодзей часто прибегал в концлагере. Ситуация концлагеря ставила под сомнение идентичность заключенного, создавала угрозу ее потери. Существенно более открытым представлен портрет пожилого человека, на котором притворство отсутствует, лицо выражает то, что, по мнению Колодзей, является самым трагичным — жизнь становилась притворством. Общая черта этих работ — показ отчуждения человека от привычной связи поколений, деформации времени. Поэтому, хотя, на первый взгляд, корректировке подлежало только представление о смерти, на практике это означало и уточнение понятия жизни через соотнесение с ее отрицанием, даже с последствиями этого отрицания — бессмертием или забвением. Однако рисует Колодзей это одновременно.

Двойное изображение неоднократно повторялось в меняющемся контексте и создавало впечатление одновременного функционирования разных пластов подсознания. В одних случаях портрету старшего Колодзей сопутствовала безликая маска Колодзей-заключенного, в других эти два человека, старый и молодой, пытались по очереди помочь друг другу в трудных лагерных ситуациях. Подобный двойной смысл он в бытность свою сценографом искал в общем постановочном пространстве и в работах «людей сцены», а затем перенес в рисунок.

Пожалуй, наиболее ярко это выражено в рисунке с надписью по-немецки «Ура, я снова здесь!». Так полагалось кричать пойманным беглецам, сопровождая возгласы барабанным боем. В итоге несостоявшегося беглеца забивала насмерть охрана концлагеря.

Иногда эти портреты множились, лицо Колодзей было у всех изображенных на рисунках. Один из таких рисунков изображает сцену Голгофы. Если учесть, что на Голгофе распяты Христос и два разбойника, это единое лицо можно трактовать как множественность ипостасей одного человека, сочетания в нем добра и зла. М. Колодзей

стремился показать в своих рисунках, как переплетаются эти черты (рис. 8).

Таким же образом в творчестве М. Колодзая представлена проблема самоидентификации, в том числе через карикатуру. Человек потерян в огромности мира, не может найти собственный путь, отыскать какой-то выход. И единственный эффект усилий, которые человек предпринимает для преодоления этой ситуации, умножая свое присутствие во времени и пространстве, — это показ абсолютного отсутствия связи между его нынешней ситуацией, какой бы она ни была и как бы часто она ни повторялась, и конечным пунктом, которого он старается достичь.

Бесконечное умножение себя самого, как полагает Ж. Пуле, — это мученичество, в основе которого лежит вечное сознание поражения [14, s. 504]¹. Множить себя — значит бесконечно повторять образ собственного Я, которое ищет себя и никогда не может найти. Заблудившийся человек множит усилия, чтобы перестать таковым быть.

Человек постепенно перестает быть автономной личностью и становится полностью поглощенным концлагерем. Он уже не осознает себя заблудившимся, но считает, что и правда достиг конечного пункта. Он отказывается от всех усилий и прощается со всеми иллюзиями. И сама территория лагеря выглядит так, что человек должен утратить всякую надежду на освобождение. Тюрьма в этом случае находится внутри человека. И углубиться в себя равноценно сошествию в ад, поскольку может означать осознание зла в человеке. Однако это не всегда означает погружение в пустоту, напротив, это может стать попыткой контакта с внутренним миром человека.

Зрительное умножение образов или отражений достигает пика при изображении массы заключенных. Все они, за исключением М. Кольбе и временами самого Колодзая, на первый взгляд выглядят на рисунках абсолютно идентичными и предстают как бесконечная череда отражений одного и того же. Свое изображение он выделяет из остальной массы, всегда сопровождая его лагерным номером. Иногда вместо изображений он пишет номера заключенных. Но идентификационный показатель все же остается — это глаза, которые четко прописаны у одних заключенных и заменяются пустыми глазницами у других или становятся белыми, закатившимися у мертвых.

¹ Это суждение может быть одной из интерпретаций концепта Ницше.

В ситуации лабиринта то же происходит со временем: время жизни и смерти, время на остановившихся часах безгранично, человеку охватить это невозможно. Колодзей поэтому часто его пытается изобразить. Воображаемое время находит выражение в пространстве как в чем-то непреодолимом. Глубина пространства (лестницы, коридоры) является аллегорией глубины времени.

Пластическое воображение М. Колодзея было настолько экспрессивным, что могло изменить интерпретацию спектакля, создать свое видение, независимое от режиссерского. Это становилось возможным, поскольку сценография — это не только наука, но и искусство организации сцены и в целом театрального пространства. В XX в. она претерпела довольно существенные изменения, перестала быть простой иллюстрацией драматического текста. Она стала определять самую ситуацию высказывания, реализовать взаимодействие между текстом и пространством.

В этих условиях сценограф становится автономным в своем стремлении выразить соотношение театра и зрителя, он может теперь внести собственный вклад в сценическое решение спектакля, дополнить режиссерскую интерпретацию пластической экспрессивностью. Воздействовала на работу М. Колодзея и его первоначальная подготовка художника, максимально проявившаяся в стремлении к синтезу стилей, к обильному художественному цитированию и использованию символики [9, с. 5; 16, с. 9]. Он все время настаивает на знаках-символах, которыми оперирует, стремясь при помощи условного языка ранних эпох стать максимально понятным современному зрителю. Колодзей употребляет термин «знак-символ», вероятно, потому, что в его рисунках осуществляется постоянный переход от одного значения к другому, от конкретики знака к универсальности символа, от адресата к адресанту. Что же касается смыслов, в основном они двойственны, а это в каждом конкретном случае позволяет множественность толкований. Иными словами, проблема лабиринта и выбора остается прежней.

Многие его сценографические работы отсылают к лагерному периоду, а рисунки концлагерной тематики аксиологически обращены к харцерским идеалам ранней юности, практике сценографии. В конечном итоге можно говорить о своеобразном инобытии автора, при котором конкретное время и место его пребывания не носят опреде-

ляющего характера. Жизнь и творчество М. Колодзеля пространственно расходятся. Так, в течение практически всей жизни мысленно он не расставался с концлагерем. Категории пространства и времени, как и их трансформации, максимально представлены не только в работах М. Колодзеля, но и в самом ощущении им жизни.

В соответствии с законами сценографии, авторские впечатления от концлагеря, его последующий опыт и история искусства перемежались, создавая цикл, — поток сознания. Ему было важно, чтобы то, что он рисует о прошлом, было понятным сегодня. Колодзей одновременно находился и вне, и внутри исследуемого пространства, представал не просто в качестве автора, он был постоянным участником изображаемых событий, и везде в этом случае на изображениях фигурировал его лагерный номер — 432. Темой его творчества оказываются последовательно искушение, страдание, апогей которого — страсти Христовы, мученическая смерть и затем оплакивание. На этом фоне существует человек, занятый лабиринтом своей души, вопросом самоидентификации. Лабиринт становится приемом интерпретации личности.

Во всех случаях под лабиринтом понимается не просто реальное запутанное пространство, из которого нет выхода. Отсутствие выхода может быть чисто психологическим, а не физическим восприятием пространства, в котором оказывается человек и которое в реальности вовсе не является лабиринтом. Это еще и вопрос пространства души человека, потерявшего смысл жизни и органичное восприятие своего в ней места. Собственно, лабиринт — вариант пограничного состояния, это гроза утраты человечности, гуманности теми, у кого они изначально были.

В целом вопрос заключается в выборе человека, попавшего в пространство лабиринта.

Мир в его произведениях был практически всегда дуалистичным, параллельно добру в нём с необходимостью присутствовало и по большей части доминировало зло, представленное как конкретными его носителями, так и абстрактными сущностями, вызывающими в памяти произведения А. Дюрера, М. Грюневальда, И. Босха. Проблема выбора, таким образом, оказывалась экзистенциальной, существовала всегда. Интерпретируемое им зло, подобно библейским чудовищам из «Искушений святого Антония», не всегда антропоморфно.

Для этого совсем не обязательным было пребывание в концлагере, лабиринт сопровождал его повсюду.

1. Бадью А. Этика. Очерки о сознании зла. СПб., 2006.
2. Беттельхейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 3.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла. Ч. II. Общий экзистенциальный анализ: Психолог в концентрационном лагере / пер. с англ. и нем. М., 1990.
4. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб. : Алетейя, 1998.
5. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М. : Астрель-Миф, 2001.
6. Kołodziej M. Labirynty Mariana Kołodzieja. Stała wystawa Mariana Kołodzieja — Oświęcim-Harmęże. Wydawnictwo Diecezji Pelplińskiej Bernardinum Zakon oo. Franciszkanów (OFMConv.). Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Pelplin-Oświęcim, 2003.
7. Labirynty polskiego teatru. Polskie wystawy na Praskim quadriennale scenografii i architektury teatralnej 12–29 czerwca 2003. Bielsko-Biała, 2003.
8. Mariana Kołodzieja prawdziwy życiorys/ //Kołodziej M. Pod kreską: Mariana Kołodzieja portret własny. Gdańsk: Nadbałtyckie Centrum Kultury, 2005.
9. Matynia A. Kołodziej malarz // Kołodziej w skali 1:20, katalog wystawy w Muzeum Opatów. Gdańsk-Oliwa, 1990.
10. Matynia A. Teatr swój widział ogromny... Kilka dywagacji o wizjach scenicznych Mariana Kołodzieja // Marian Kołodziej: Teatrum witae. Gdańsk: MNG, 2014.
11. Mokrzycka-Pokora M. Marian Kołodziej // Kultura polska: Sylwetki. teatr. Marian Kołodziej . [2006]. URL: http://www.culture.pl/pl/culture/artykuly/os_kolodziej_marian
12. Oświadczenie. Relację sporządziła J.Kupiec. Relację złożył M.Kołodziej. Oświęcim /Kołodziej/ Dział Archiwum. 3561 №180775. T. 160. S.1–64.
13. Pawełczyńska A. Wartości a przemoc. Zarys socjologicznej problematyki Oświęcimia. Warszawa: Test, 2004.
14. Poulet G. Piranesi i romantyczni poeci francuscy // Poulet G. Metamorfozy czasu. Szkice krytyczne. PIW, 1977.
15. Słojewska-Kołodziej H. Twoja droga przez Labirynty Mariana Kołodzieja, Przewodnik, Gdańsk-Harmęże, 2008.
16. Wendrychowska M. Forma owarta. Szkic o plastyce teatralnej Mariana Kołodzieja // Kołodziej w skali 1:20, katalog wystawy w Muzeum Opatów. Gdańsk-Oliwa, 1990.
17. W tym mieście odnalazłem siebie. Interview z Marianem Kołodziejem. Rozmawiali: Brand Monika, Radwański Rafał. //City magazine. 2000. Listopad.

В. А. Сулимов

Феномен преодоления: от индивида к личности

УДК 008+130.121

В статье рассматривается феномен преодоления как качественного перехода в формировании личности. Преодоление является эмоциональным актом познания мира в себе и себя в мире. Этот ценностный акт является предпосылкой формирования личности.

Ключевые слова: *преодоление, формирование личности, понимание.*

V. A. Sulimov. Phenomenon overcome: from individual to person

The article discusses the phenomenon of overcoming both qualitative transition in the formation of personality. Bridging is an emotional act of knowing the world in itself and of itself in the world. This act of values is a prerequisite for the formation of personality.

Key words: *overcoming, the formation of personality, understanding.*

Основатель гуманистического направления в психологии А. Маслоу в середине XX в. наметил пределы и базовые утверждения новой интегрированной теории — теории самоактуализации (человека). Согласно этой теории человек есть *самоактуализирующееся существо*, использующее технологии философского понимания, культурного взаимодействия и эстетического озарения (инсайта) в процессе моделирования (формирования) собственной личности [1]. Краеугольным камнем этой теории является представление о человеке как иерархии (пирамиде) потребностей, включающих биологические и предметные, располагающиеся на низших уровнях условной пирамиды, а также когнитивные и духовные, расположенные на высших уровнях. Развитие человека (его самоактуализация) означает движение вверх по граням пирамиды с опорой на «бытийные ценности», воспринимаемые (и=принимаемые) человеком эмоционально и симультанно как сильное душевное переживание: «Человек — это иерархия потребностей, в основании которой лежат биологические потребности, а на вершине — духовные. Однако, в отличие от биологических потребно-

стей, бытийные ценности не образуют иерархии. Одна из них столь же важна, как и другая, и каждая может быть определена через все другие» [1, с. 223]. Важнейшим механизмом, формирующим человека-в-культуре (универсального субъекта современного культурного пространства), является процесс самоидентификации (или, по Маслоу, — самоактуализации), который понимается как сложное когнитивно-семиотическое действие, раскрывающее человека для мира и мир для человека (по-другому — действие, наделяющее повседневное бытие целью и содержанием — «кирпичиками смысла»). Это действие, требующее от субъекта обязательного экзистенциального переживания, эмоционального акта со-причастности, А. Маслоу называет «пиковые переживания», образно определяя их так: «Это моменты экстаза, которые нельзя купить, нельзя гарантировать, нельзя преодолеть... Можно создать условия, при которых пиковые переживания будут более вероятны или, напротив, менее вероятны. Преодолеть иллюзии, избавиться от ложных представлений, понять, к чему ты не пригоден и каких потенций у тебя нет, — это тоже элемент открытия того, чем ты являешься на самом деле» [1, с. 62]. Таким образом, выстраивая «пирамиду самоактуализации» (вариант пирамидальной, по сути, процедуры формирования личности или *человека-в-культуре*), мы должны выделить переломный момент понимания (и, одновременно, — само-ощущения), который (относительно внезапно, спонтанно) освещает сознание набором смыслов — целостной картины мира, поражает возможностью транс-кодowego и даже трансцендентального перехода мысли (и=слова), предлагает зримые опоры для попыток нравственного выбора. Этот переломный момент и есть, по нашему мнению, *преодоление* с приписанными ему очевидными чертами экзистенциального переживания, когнитивного акта и ценностно ориентированного поступка одновременно.

Преодоление, выступающее не только как явление психического ряда, но и социокультурный (антропологический) феномен, становится одним из основных объектов культурологического исследования. В основе такого подхода лежит система научных идей, во многом восходящая к уровневому (пирамидальному) пониманию человеческой личности П. А. Сорокиным, построенному на ценностных и духовно-нравственных «кирпичиках смыслов», возникающих и реализующихся в ходе творческой деятельности, а также тексто- и смыслоцентри-

ческом понимании человеческого типа сознания, принадлежащего В. В. Налимову. По сути дела, эти два подхода представляют собой «пазловую теорию» личности и общества, координированный изначально прогресс и развитие которых оказываются одним и тем же элементом «нарратива жизни» — преодолением.

Говоря о возможности выхода из глобального общественного кризиса XX в., П. А. Сорокин видел его в трансформации человека в альтруистически настроенное интеллектуально-интуитивное существо, способное не только жить в мире, но и творить мир по идеальным интуитивным (инсайтным) лекалам: «Человек стал одним из творческих центров всей действительности. В противовес преобладающему в настоящее время мнению человек — это не только несознательное и сознательное творение, но он также является сверхсознательным творцом, который в состоянии контролировать и переступать пределы своих бессознательных и сознательных сил и который фактически делает это в моменты “божественного вдохновения” в наилучшие периоды своего интенсивного творчества» [5, с. 135]. Такая трансформация человека, превращающая его в некий интеллектуально-смысловой субъект творческой деятельности, не может быть проведена (а) извне (так как мотивация играет определяющую роль); (б) легко и естественно (так как противоречит социально-хаптической природе человека); (в) вне текста (так как должна основываться на существенных и сложных смыслах, возникающих, как правило, на границах текстов культуры). Глубоко интимный, внутренний и некомфортный процесс *превосхождения себя для ...* (социального развития, становления культуры, научной деятельности, церковного и социального служения) мы называем *Преодолением*. Структуру (правда, особую — открытую и динамичную) феномена Преодоления находим у В. В. Налимова. Говоря о самоорганизации сознания и общества, В. В. Налимов указывает на ведущую роль в этой самоорганизации интеллектуальной деятельности, формирующей человека как уникальный субъект Семантической Вселенной. Интеллектуальная деятельность определяется, в свою очередь, тремя связанными элементами:

– текстом как универсальным источником смыслов («Всякий серьезный текст является феноменом максимальной сложности. Он не может быть алгоритмически записан короче, чем он есть» [2, с. 108]);

– пониманием как универсальным интеллектуальным актом, создающим условия для становления творческой личности («Понимание текста всегда личностно» [2, с. 108]);

– текстовой базой личности, сформированной как образ или картина мира с помощью смысловых «координатных осей».

«Кирпичики смысла», располагаясь (концентрируясь) на границах естественного сознания — в зоне понимания, индуцируют формы и способы интеллектуальной активности субъекта, его своего рода «интеллектуальной спонтанности».

При этом элементы, иницирующие интеллектуальную деятельность (актуализированные мислеобразы), очевидно симметричны элементам, формирующим универсального субъекта современности: человека-в-культуре как генерализованную интеллектуальную личность. Человек-в-культуре при всем изобилии его социально-культурных характеристик точнее всего описывается именно как *понимающая личность*, то есть личность, деятельность которой направлена на понимание, воспроизводство и использование текстов культуры в процессе решения социальных задач и достижения эвристических целей.

Вместе с тем *понимание* — этот универсальный когнитивный акт — не произволен, а потому не может быть определен однозначно (в частности, как функция двустороннего — адресат-адресантного акта информационного обмена). Оно детерминируется другим — индивидуально и/или социально (в процессе систематического образования) осмысленным культурным контекстом, построенным на предыдущих и (возможных) будущих попытках смысловой интерпретации текстов. Тексты становятся не только эффективными «генераторами смыслов» (Ю. М. Лотман), но и объектом смыслообразующих интерпретационных действий (т.е. *собственно* понимания), образуя многослойное *поле понимания*: «Текст являет себя в своем существовании как особое смысловое единство. Его понимание неотделимо от того контекста, в котором он воспринимается, то есть ситуации, включающей мыслительный, языковой и культурный опыт сообщества, благодаря которым формируются условия осмысленности» [8, с. 25]. Периферийное положение текстов культуры в образовании, неструктурированность области культуры в качестве базовой смыслообразующей платформы (как и игнорирование интегративного и мировоз-

зренческого потенциала современной культурологии) не только существенно обедняют российское школьное образование, но и прекращают процесс индивидуального смыслотворчества, возникающий только на границах текста и реальности, прошлого и настоящего, реального и виртуального. Виртуальность сознания падает, а затем (или одновременно) падает креативность индивидуума, позволяющая создавать «новые миры» индивидуального сознания. В таких условиях понимание подменяется нон-интеллектуальным мимесисом, повтором, технологическим действием, не выходящими на границы текстов и потому обесмысленными изначально¹.

Здесь хорошо «просматривается» фундаментальная методологическая ошибка, не устранимая без полного прекращения ЕГЭ для гуманитарной сферы. Она сводится к недоучету подвижности и когнитивной пластичности форм интеллектуальных творческих актов, всегда являющихся результатом глубинного понимания и требующих серьезных интерпретационных усилий. Сфера свободного интеллектуально ориентированного сознания спонтанна по определению и не может содержать однозначных суждений, это вероятностная сфера, проясняемая только через текст/дискурс/диалог. Таким образом, априорность «универсальных» форм (особенно требующих однозначности при выборе (как в тестах ЕГЭ)) имеет фундаментальное эпистемологическое ограничение, выражающееся в (а) обусловленности текста культурой и культуры текстом, (б) перманентной изменчивости и (в) рефлексивности в смысловом пространстве, создаваемом фактами (текстами) культуры. Смыслокультурная подвижность символической формы есть доминанта развивающегося исторического процесса: «Она, символическая форма, динамична, развивается. И в этом движении она, одновременно, выступает результатом взаимодействия в общекультурном контексте, а потому от него, от культурного контекста, зависит и в нем фундирована» [3, с. 77]. Форма всегда оказывается метафоризированным сообщением, обращенным к культурному контексту и им обусловленным.

В ракурсе этих рассуждений можно рассмотреть несколько базовых положений П. Сорокина, сформулированных в ином — социологическом — ключе. Одна из причин любого застоя (социального, ин-

¹ Технологическим действием, например, становятся «творческие задания» ЕГЭ, строго обусловленные набором формальных признаков.

теллектуального, экономического или политического) — проблема социально-культурной мобильности. Горизонтальные платформы и вертикальные социальные лифты, все ускоряющие свое движение в XX–XXI вв., способны решить, по мысли П. А. Сорокина, следующие задачи: (а) структурирования общества на основах знаний и компетенций (а не системы привилегий и связей: материальных, корпоративных, сословных, семейных и т.п.), (б) удовлетворения индивидуальных амбиций и реализации индивидуальных картин мира в реальном социальном действии — шифте (некотором переходе — трансформации — информационном «переключении»), открывающем новые «социальные горизонты» личности, (в) самообосновании в культуре, которая не терпит бездеятельности и отсутствия трендов, а сама направлена на подготовку и осуществление социально-культурных изменений [6].

Все эти факторы представляют собой проекцию на социальное поле бытия индивидуума *одного* базового фактора, а именно — когнитивно-семиотического, обеспечивающего перманентный процесс *понимания для самоидентификации*. Процесс самоидентификации личности, основанный на когнитивно-семиотическом факторе индивидуального и социального развития, обнаруживает внутреннюю динамику — *переходность*. Переходность, осуществляемая культурой за счет постоянного формирования (под информационным напором) коллективных и индивидуальных картин мира, за счет смены научных, общекультурных и символических парадигм (относительно устойчивых образований), за счет массового изменения социально-экономических предпочтений (моды), становится фактором развития или, наоборот, разрушения в зависимости от нашего понимания и/или учета основных социально-культурных факторов. П. Сорокин писал: «Тщательное исследование изменения числа самоубийств и преступлений, экономических колебаний, войн и революций, смены политических режимов, стилей в изобразительном искусстве или динамики обширных культурных и социальных систем со всевозрастающей надежностью подтверждают догадку о том, что основные факторы этих изменений находятся в самих социокультурных явлениях и тех социокультурных условиях, в которых они происходят и функционируют» [8, с. 45]. Изучение природы социокультурных процессов возможно (по Сорокину) только в условиях выделения *социокультурного*

пространства (а не экономического) вообще в качестве базовой категории, платформы понимания общественных проблем (политических, экономических, научных, информационных, образовательных). Социокультурное пространство как платформа социального развития представляет собой «особое множество, заданное тремя основными “плоскостями” и некоторым числом “измерений”. В нем есть *плоскость значений, ценностей и норм, плоскость проводников и плоскость человеческих агентов*. Измерения задаются *основными культурными системами и основными односвязными и многосвязными группами* вместе с их системами и подгруппами. Число измерений зависит от того, с какой степенью точности мы хотим определить социальное и культурное положение данного социокультурного феномена в свехорганическом универсуме» [4, с. 388]. Значения, ценности и нормы составляют *смысловую (смыслообразующую) плоскость* пространства, проводники — это семиотические (знаковые) системы и коды, а также средства и способы трансляции информации (*смысло-передающая, транслирующая плоскость*), наконец, третья плоскость — это совокупность свойств, качеств и возможностей человека — в том числе — предельных (когнитивных, коммуникативных, волевых, морально-нравственных, физиологических и др.), то есть *культурно (или=социально)-антропологическая плоскость*. Культурные системы и культурные группы есть предметный фон, на котором происходит драма развития и общества и его центрального субъекта — человека-в-культуре. В этих построениях отсутствуют такие параметры, как «законы экономики», «деньги», «власть», «прибыль», «доход» как явно второстепенные, прикладные, относящиеся к элементам культурных систем, например способам обмена, социальной организации или взаимодействия.

Выдвижение науки и образования на ведущее место в системе социально-культурного развития человека и мира в целом демонстрирует необходимость замены установок экономического детерминизма (все подчинено цифровым схемам денежной прибыли и материального дохода) установками когнитивного детерминизма (все подчинено задачам интеллектуального развития общества, научного обеспечения этого развития). При этом идея политической власти должна уступить свое место идее интеллектуальной власти, то есть вертикальной организации интеллектуального обмена (по схеме: *информационный по-*

ток — интеллектуальный результат) и горизонтальной интеграции креативных усилий (при достаточной доступности необходимых ресурсов). Эту социально-политическую установку П. Сорокин сформулировал задолго до того, как она стала вновь «изобретаться» американскими экономистами в конце XX в. Поясняя мысль о возрастании роли науки и образования в обществе, П. Сорокин писал: «Так как сущность социального процесса составляет мысль, мир понятий, то, очевидно, он же и является основным первоначальным фактором социальной эволюции. Все основные виды социального бытия (миропонимание, искусство, практика) обусловлены знанием (наукой или, что то же, представляют модификацию этого фактора). Все социальные отношения в конце концов обуславливаются мыслью» [7, с. 543]. В этой пост-постиндустриальной системе образование определяется следующими зависимостями: (а) стратификационным (структурирует общество, выделяя и выдвигая на «ударные» позиции элиту, дифференцируя общество по интеллектуальным признакам); (б) идентификационным (позволяет личности пройти длительный и нелинейный путь самоопределения, осуществить личностный выбор и реализацию); (в) ориентационным (собственно социальный), задающим вектор развития социума, направленный на обновление и усвоение системы ценностей, норм, кодов культуры. Нетрудно различить в первом случае элитарную систему образования, приготавливающую научные и политические кадры через немногие известные и престижные университеты, во втором — разнообразные формы (в т.ч. «модные», «популярные», например, юридические, экономические, художественные или театральные), направленные на формирование самоуважения и других самоидентификационных характеристик. А в третьем случае — социально-педагогический блок в том числе — в «центральных и провинциальных вузах», развернутый в сторону формирования общества как самосохраняющейся, самовоспроизводящейся и саморазвивающейся системы. Трехзвенная система развернута в США, Китае, Израиле и других странах и фактически противоречит так называемой Болонской системе, «принятой» в нашей стране под большим властным давлением и весьма условно соотносимой с европейскими (да и современными азиатскими) ценностями развития.

Социальная вертикаль, подъём по которой все более и более связан и информационными ресурсами, и каналами информационного

обмена, что не освобождает человека, поднимающегося по этой вертикали, от эмоциональных и нравственных усилий, от «радости понимания» (А. Маслоу) и провалов попыток самоактуализации. Отметка качественного перехода человека на этой вертикали достигается актом *преодоления* («спонтанного» нравственного выбора — Налимов, либо «пикового переживания» — Маслоу), при помощи которого совершается переход человека в гипотетический, но все более реально проступающий мир альтруистической творческой любви (Сорокин).

Важна собственно культурно-антропологическая составляющая сорокинской (по своей базовой сущности) концепции «преодолевающего человека», позволяющая наметить набор эффективных интеллектуально и нравственно ориентированных технологий современности. Это, прежде всего, идея обязательной интеллектуальной сложности культурного пространства, ухода от «простых» и «очевидных» решений в организации повседневности, сознательное избегание упрощенных (интеллектуально «выхолощенных») текстов культуры, применение интеллектуальных практик во всех сферах жизни. Соблазну нон-интеллектуализма, хаптического и массово-потребительского выстраивания жизненного нарратива должен быть выставлен надежный заслон в области науки, культуры и образования. Понятия «народный» и «массовый» не должны означать «нон-интеллектуальный», облегченный, примитивный, логически дефектный и семантически пустой. Избегая интеллектуального или духовного усилия (=насилия) над собой, уходя от необходимости использования универсальной практики «очеловечивания» — практики Преодоления, индивидуум нарушает природный ход вещей, определяемый законами Семантической Вселенной, а значит, может рассчитывать на «обязательную перезагрузку» исторической наррации, перераспределение направлений факторов развития и существования, причем не в свою пользу. Таков фактически раскрытый П. А. Сорокиным обновленный категорический императив, который (вслед за И. Кантом и поправляя его) можно сформулировать так: «Человек есть цель интеллектуального и духовного развития мира, а не средство или субъект для реализации инстинкта обладания». История все более и более показывает нам (иногда в буквальном смысле телевизионного вещания), что в этом утверждении нет ни грана утопии, отступление же от

этого императива чревато серьезными социально-культурными последствиями.

1. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы : пер. с англ. М. : Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011.
2. Налимов В. В. В поисках иных смыслов. 2-е изд. СПб. ; М. : Центр гуманитарных инициатив, 2013.
3. Соколов Б. Г. Формы данности и формы чувственности: процессы перекодировки концептуального поля // *Studia Culturae*. Вып. 17. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2013. С. 68–80.
4. Сорокин П. А. Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии. Главы из книги // *Социологический ежегодник*, 2010. М. : РАН, ИНИОН, 2010. С. 380–451.
5. Сорокин П. А. Моя философия — интегрализм // *Социологические исследования*. 1992. № 10. С. 130–137.
6. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006. 794 с.
7. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов ; пер. с англ. М. : Политиздат, 1992.
8. Сорокин П. А. Социокультурная динамика и эволюционизм // *Американская социологическая мысль*. М. : Ин-т социологии ; Наука, 1996.
9. Хаджаров М. Х. Базовые гносеологические процедуры социально-гуманитарных наук // *Вестник ОГУ*. 2012. № 9 (145) сентябрь. С. 23–29.

И. Е. Фадеева

**Антропология Питирима Сорокина: зырянский космизм
и русский гнозис**

УДК 008+140.8

В статье рассматривается философская антропология Питирима Сорокина в контексте русской религиозно-философской мысли конца XIX — начала XX вв. Автор прослеживает связи интегральной теории Питирима Сорокина с русской социологией и русским космизмом. Особое внимание уделяется вопросу о значимости гностиче-

ских идей в творчестве П. Сорокина. Автор полагает, что в философском мышлении П. Сорокина русский гнозис трансформирован его культурным билингвизмом, и значимость гностического взгляда на человека как дуального, антиномичного существа была связана в его антропологии с экзистенциальным опытом революции, голода, бедствий. Автор приходит к выводу, что интегральная теория Сорокина стала способом преодоления этого дуализма и основанием его социально-культурной сотериологии. Другой вывод заключается в том, что теория альтруистической любви Пилирима Сорокина была обоснована, с одной стороны, его связью с русской интеллектуальной традицией, с другой стороны, стала результатом самотрансцендирования его философской личности в рамках иной социально-культурной реальности в годы эмиграции.

Ключевые слова: антропология, гнозис, космизм, софиология, дуальность человека, альтруистическая любовь.

I. E. Fadeeva. Anthropology of Pitirim Sorokin: Zyryansky cosmism and Russian gnosis

The article deals with philosophical anthropology Pitirim Sorokin in the context of Russian religious and philosophical thought in the late XIX — early XX century. The author traces the connection of integral theory of Pitirim Sorokin with Russian sophiology and Russian cosmism. Particular attention is paid to the question of the significance of the Gnostic ideas in the work of Sorokin. The author believes that in philosophical thinking of P. Sorokin Russian gnosis been transformed by his cultural bilingualism and talks about the significance of the Gnostic understanding of human as a dual, antinomic creature, which was due to the existential experience of the revolution, famine, disasters. The author concludes that Sorokin's integral theory has become a way to overcoming this dualism and became the basis of the socio-cultural soteriology. Another conclusion is that the theory of altruistic love was based its connection with the Russian intellectual tradition and was the result of self-transcending philosophical personality of Pitirim Sorokin within a socio-cultural reality in the years of emigration.

Key words: anthropology, gnosis, cosmism, sophiology, the duality of man, altruistic love.

Основная проблема этой статьи заключается в обосновании нескольких связанных друг с другом тезисов. Главный из них основан на идее глубокого персонологизма русской интеллектуальной традиции — не только философской мысли (о чем в начале прошлого века писал В. Ф. Эрн), но и других интеллектуальных практик, поэтому экзистенциальная насыщенность текстов русской культуры порождает особый тип личности — *Homo existentialis*. В этом смысле труды Питирима Сорокина вписаны не только в историю мировой социологии, но и в пространство русской культуры¹, и второй тезис заключается в детализации его глубинных связей с русской философской традицией. Наконец, третий тезис формулирует гипотезу о формировании в XX в. особого ответвления русской философской мысли — *зырянского космизма*, представленного именами К. Ф. Жакова, В. В. Налимова. П. А. Сорокина.

Опыт русской культуры начала XX в. определил основные темы и интенции антропологической мысли Сорокина. Человек интегральной антропологии Сорокина предстает как существо, целостность которого поставлена под сомнение. Революционная эпоха выявила радикальный антропологический разлом: идеал гармоничного человека европейского Модерна оказался разрушенным. Для Сорокина важной оказывается не только социальная или культурная природа человека, но и наличие в нем *психофизиологических, биологических* начал, без которых невозможным становится понимание его социального и культурного бытия. Приводя многочисленные примеры воздействия голода на психику и сознание человека, Сорокин показывает распад личности (см., например, упоминание о матери, убившей и съевшей своего ребенка во время голодомора в Саратовской и Самарской губерниях, которые Сорокин посетил зимой 1921 г. [18, с. 155]). «Мировая бойня, революции, продолжающиеся в наши дни волнения и антагонизмы, — пишет Сорокин в работе “Социология революции”, — показали нам человека в совершенно ином виде, ничуть не похожим на ... рационалистического “пай-мальчика”. Перед нами выступил человек-стихия, а не только разумное существо, носитель *злости, жестокости и зверства*, а не только мира, альтруизма и сострадания, существо слепое, а не только созидательно-зрячее, *сила хищная* и раз-

¹ О связи Сорокина с русской религиозно-философской традицией см.: [14; 6].

рушительная, а не только кроткая и созидательная» [19, с. 37] (*выделено мной. — И.Ф.*).

Можно утверждать, что идея интегрализма Сорокина явилась продолжением характерной для русской культуры *социально-эстетической утопии целостности*, которая стала следствием именно этого бьющего в глаза разрыва, когнитивного и нравственного парадокса русской личности и русского сознания.

В этом смысле идеи П. Сорокина — продолжение русской художественной и религиозно-философской мысли и, в частности, идей В. С. Соловьева и Ф. М. Достоевского. Причем само соединение идущей от Достоевского «вихревой антропологии» [3], мысли о разрывности человека, с одной стороны, и основанного на идее «обожения» человека пути Богочеловечества, согласно В. С. Соловьеву, — с другой, определяют универсализм Сорокина, его культурно-аксиологическую сотериологию.

Но следует подчеркнуть при этом, что русский космизм в интегральной теории Сорокина существенно трансформирован, причем не только его увлечениями позитивизмом и собственно социологической проблематикой, но и его биографией, ранним включением в пространство межкультурного диалога русской и коми-зырянской культур. Определим этот тип космизма как *зырянский космизм* (назвав в этом ряду имена В. В. Налимова и К. Ф. Жакова).

Но у этой проблемы есть и еще одна грань. Вяч. Вс. Иванов утверждает — и с этим мнением нельзя не согласиться, — что «наиболее плодотворные течения в русской предсимволистской и символистской поэзии и религиозно-философской мысли были связаны с развитием гностицизма» [7, с. 16]. Кроме того, следует добавить: практически все русские философы начала XX в. (Флоренский, Булгаков, Лосский и др.) были в определенной мере связаны с масонским движением, так или иначе продолжая развивать нравственную философию русского масонства. Н. К. Бонецкая утверждает, например, говоря о В. С. Соловьеве: «Назвав свою путеводительницу Софией... Соловьев, в сущности, перебросил мост традиции в рубеж XVIII–XIX вв.: прецедент софиологии в истории русской культуры — это идеология масонства XVIII в. вместе с мистическими исканиями эпохи Александра» [4].

Антропологическая направленность философии культуры Питирима Сорокина обнаруживает и очевидные корреляции с характерной для русской софиологии связи с антропософией. Однако мифопоэтическая образность философско-антропологических идей Рудольфа Штейнера, с мистико-философским учением которого были связаны истоки русской антропософии (например, теории А. Белого), отнюдь не была свойственна великому гарвардскому мыслителю, как, впрочем, и философская мифопоэтика В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова или П. А. Флоренского. С другой стороны, нельзя однозначно связывать русскую софиологию с гнозисом. «Русская софиология, — пишет Н. К. Бонецкая, — это не гнозис: для этого ей не хватает системности, конкретности духовного знания, разработанности пути к нему, — но ее можно охарактеризовать как страстный порыв к гнозису» [4]. Безусловным при этом представляется и разграничение собственно гностической философии или гностической религии и гнозиса как общего направления мысли и мирозерцания, как и разграничение гностических идей и масонства. Проводя различие между историческим и типологическим пониманием гнозиса, а также говоря об «общем гностическом фоне русского религиозного ренессанса», Ю. Халтурин отмечает, что «"гностицизм" — категория историческая, а "гнозис" — типологическая» [21].

Но даже с учетом этих оговорок нельзя не признать, что наэлектризованное поле взаимодействия софиологии, гнозиса, отголосков масонских идей, русских трансформаций антропософии, пропитывающее всю феноменологию русского *fin de siècle*, соединившего в себе декаданс и религиозное возрождение, революционное брожение и интерес к психике человека, оказалось не только отторгнутым, но и подспудно усвоенным П. А. Сорокиным, дав во второй половине его жизни толчок к философии человека как движимого к творческому преображению силой альтруистической любви.

Вместе с тем для Сорокина, дышавшего предреволюционной атмосферой, пропитанной религиозно-философскими идеями и интеллектуальным брожением начала века, было в высшей мере свойственно постоянное внимание к новейшим открытиям в сфере психологии и физиологии человека (в том числе к работам Л. И. Петражицкого, З. Фрейда, И. П. Павлова, В. М. Бехтерева и др.), наносящих, говоря словами Сорокина, «удар рационалистическому воззрению на челове-

ка» [19, с. 38]. Помимо того, что человек «хочет быть сытым, одетым, удовлетворять свои половые инстинкты», — писал Сорокин, — [он] «по количеству своих биологических инстинктов-рефлексов представляет собой бомбу, начиненную множеством сил и тенденций, способную взорваться и явить картину дикого буйства» [19, с. 41].

Гностическая ориентация антропологии Питирима Сорокина может быть прослежена в двух связанных, но все же не совпадающих тематических плоскостях. С одной стороны, это обнаружение биологической природы человека в годы социальных катаклизмов, голода и бедствий. С другой — биполярность, двойственность любви, антитеза альтруистической любви и пола, особенно характерная для «позднего» Сорокина.

Говоря о причинах социальных катастроф и революций, Сорокин подчеркивает роль психофизиологического фактора, обнажающего в человеческом существе роль инстинктов. В частности, таким фактором оказывается, согласно Сорокину, ущемление инстинктов, и Сорокин перечисляет, каких. Это инстинкты самосохранения, сексуальности, потребности в питании и жилище и т.д. [19, с. 321–322]. Но и революция не становится толчком к развитию человеческого в человеке: революция, — пишет Сорокин, — «дезорганизует и примитивизирует нервную систему и умственный аппарат членов общества [19, с. 291].

Обращаясь вслед за формирующейся традицией изучения социальной психологии (психологии «толпы») к социально-психологическим основаниям исторических событий, Сорокин вынужден касаться и собственно биологического в человеке. Но для Сорокина — наследника не только русской демократической мысли, но и русской философской мысли — важен факт преодоления, выхода за пределы собственно биологической детерминации. Поэтому он помещает «инстинкт свободы» в число первичных инстинктов (опираясь при этом, добавим, на идеи его друга и — в годы работы в Психоневрологическом институте — сподвижника И. П. Павлова). При этом рассмотренный в качестве базового, «природного» в человеке, инстинкт свободы обнаруживает если не корреляцию, то точки соприкосновения с философией свободы Н. А. Бердяева, который, опережая Ж.-П. Сартра, рассмотрел свободу в качестве метафизического ядра человека.

В этой связи можно проследить прерывающуюся, пунктирную, но все же четко прослеживаемую связь между русским гнозисом и православной софиологией, с одной стороны, и, с другой — сотериологическими идеями П. Сорокина. Сотериология Сорокина, основанная на возможности сохранения и развития человечества на основе альтруистической любви, не только обнаруживает общефилософские корреляции с русским религиозным ренессансом, но и более конкретно — со знаменитым трактатом В. С. Соловьева «Смысл любви». Можно утверждать, в частности, что Сорокину, так же как и Соловьеву, присущ «дух безрелигиозности по отношению к материальному, перешедший от гностиков-аскетов к немецким мистикам» [9]. Но, в отличие от Соловьева, у Сорокина нет идеи теургического преображения человека (его обожения), как и понятия метафизической природы любви, имеющей не земное, а космически и религиозно преображающее воздействие на человека. В этом смысле Сорокин ближе не к мистике православия, а к *этике протестантизма*. Глубокая *безрелигиозная религиозность* Сорокина — результат его «долгого пути» от странствующего богомаза, обзревающего с колокольни природную стихию в переживании красоты и единства мира, до гарвардского профессора, прошедшего через годы голода и бедствий, увлечения позитивистски-бихевиористскими теориями к созданию грандиозной философской теории социокультурной динамики и далее — к философии альтруистической любви. Но и у Соловьева, отмечает А. П. Козырев, «в самой формуле “любовь есть факт природы (или дар Божий)” совместились два кредо — позитивизма и христианства» [9]. Так же у Сорокина, с поправкой на мистическое переживание природы, обусловленное, скорее, связью с остатками язычества его окружения в детстве и отрочестве (напомним, что об исконном мистицизме коми писал в свое время К. Ф. Жаков — учитель П. А. Сорокина — в своем этнографическом очерке о зырянах¹), чем православным мироощущением.

Связь с философией Соловьева наиболее очевидна в философской стилистике Сорокина и в повторяющейся идее единства Истины, Красоты и Добра, постоянно звучавшей и у Соловьева, и у его рус-

¹ См., например, у К.Ф. Жакова: «Леса наполняют почти все пространство [коми земли — И.Ф.]. Они — место охоты и подвигов, они — источник мистицизма и поэзии» [5, с. 315].

ских последователей и продолжателей, особенно у Н. О. Лосского. Немаловажным представляется тот факт, что Н.О. Лосский был одним из профессоров Петербургского психоневрологического института в годы учебы там Сорокина, и с Лосским Сорокин, по его собственным словам, сдружился уже в годы эмиграции в Праге [18, с. 161]. В качестве связующего звена между Сорокиным и Соловьевым можно назвать М.М. Ковалевского, в одно время переписывавшегося с Соловьевым (в частности, ему были адресованы письма о поездке из Лондона в Египет [12]), а позднее связанного с П. А. Сорокиным — начинающим социологом и студентом Петербургского университета. Заслуживает внимания и то, что именно Ковалевский, как утверждает Н. Берберова, был основателем масонских лож в России в начале XX в. [2, с. 8–9]; в списках масонов Берберова называет и Питирима Сорокина [2, с. 90].

Вместе с тем можно утверждать, на наш взгляд, что русская софиология оказалась не только усвоенной Сорокиным, но и существенно им трансформированной.

В частности, не включив в свои рассуждения софиологии В. С. Соловьева и С. Н. Булгакова, Сорокин остался верен идее космического преображения существа человека посредством альтруистической, созидательной любви. В своей итоговой работе «Главные тенденции нашего времени» он утверждал: «Истина, добро и красота вновь объединятся в высшую триаду ценностей — раскрывающую все полнее тайны Высшей Реальности и преданно служащую человечеству в его творческой миссии на этой планете и за ее пределами» [17, с. 242].

Безусловно, строгий аналитический ум П. А. Сорокина вел его в сторону рационального и научного обоснования грандиозной исторической мистерии развития культуры и общества, однако экзистенциально пережитый им опыт катастроф и политических катаклизмов, опыт переживания пограничной ситуации (ситуации ожидания смерти в устюжской тюрьме в 1918 г. или в революционном Петрограде в период большевистского террора и голода) требовал обоснования этических начал истории в тех сферах духовной жизни человека, которые всегда были предметом религиозно-философских исканий: в понимании человеческой личности как обоснованной свободой и нон-детерминистским пониманием воли. Можно утверждать, на наш

взгляд, что концепция социокультурной динамики П. А. Сорокина обнаруживает очевидную корреляцию с гностико-манихейским пониманием человека как тройственного существа, сущность которого определяется соотношением телесного (чувственного), душевного и духовного начал и, соответственно, разделением тварных существ на соматиков, психиков и пневматиков. Преобладание одного из них формирует характер суперсистемы — чувственной, идеациональной, или идеалистической. На наш взгляд, здесь очевидны отголоски популярной в начале XX в. философии «Третьего Завета», в основании которой, наряду с гнозисом, следует видеть социально-эстетическую утопию радикального преобразования жизни. Циклизм русской истории, дуальность ее исторических моделей (см. [10; 1]), становясь фактом экзистенциальной рефлексии в русской религиозной философии, находят свое преодоление в идеалах Богочеловечества и «Оправдания Добра» как преодолении тотальной разобщенности манихейски понимаемого мира. Если взглянуть под этим углом зрения на известный факт интереса В.С. Соловьева к гностицизму первых веков христианства и изучения им трудов гностических философов, то следует прийти к выводу о болезненности экзистенциального опыта русского философа в русской действительности, заставляющего его не только видеть трагическую разорванность мира и дуальность человека, но и стремиться к ее философскому преодолению.

То же и у П. А. Сорокина. Пережив на собственном опыте в первые годы революции ситуацию, когда «равновесие» человеческого поведения терпит крушение, «огонь биологических импульсов прорывается наружу, и вместо культурного *socius*'а вы видите дикое животное, беснующегося дьявола», Сорокин не мог не видеть проблему разрывности человеческой природы, задавая себе известный русский вопрос «что делать?». Двойственность человека (который, вспоминает Сорокин мысль Б. Паскаля, — а связь Паскаля с гнозисом, кстати, отмечает Х. Йонас [8] — «похож на ангела, под которым кроется дьявол» [19, с. 41]) побуждает его не искать возможного синтеза, но, скорее, формулировать пути сущностного изменения человеческой природы.

Одной из неизменных идей гнозиса, как известно, является идея извечности противостояния Света и Тьмы, Добра и Зла, разворачивающегося в всемирно-историческом процессе. Применительно к

П. А. Сорокину мы видим проблематизацию этого тезиса в противостоянии альтруистической созидательной любви и любви эротической — Венеры и «жены», Беатриче и Мессалины, не соединенных в теории Сорокина и не находящихся (в отличие, например, от В. С. Соловьева, ни мистериального, ни феноменологического преобразования) (см., например, раннюю статью Сорокина «Современная любовь»). Антиномии любви в теории Сорокина оказываются «выпрямленными» в пользу чисто духовной, альтруистической, созидательной любви. Противопоставление материального, чувственного, с одной стороны, и духовного, сверхчувственного — с другой, порождая мечту об идеалистической суперсистеме (неустойчивой по определению) или об интегрализме как о футурологической альтернативе распадающегося чувственного мира, в мире реального социума и реальной — современной — культуры не снимается в философской антропологии Сорокина возможностью преобразования (в христианской традиции обожения). Собственно говоря, возможность преобразования человека Сорокин видел в преобразении культуры и социальных институтов. Но дуализм социокультурного и биологического в человеке (как трансформированная гностическая в своей основе оппозиция духовного и материального) становится предметом социально-антропологических изысканий Сорокина, что наиболее очевидно на примере его книги «Американская сексуальная революция».

Сорокин отмечает, что «на протяжении последних двух столетий и особенно нескольких последних десятилетий секс пронизал все области нашей культуры», и «наша цивилизация так им пропитана, что теперь секс сочится из всех пор американской жизни» [16, с. 30], и это свидетельствует не только об изменении социально-культурной реальности, полной «сексуальной одержимости», но и об изменениях, происходящих в *биологической природе* современного человека, изменениях, согласно Сорокину, подрывающих его психическое и физическое здоровье [16, с. 57]. Описанные Сорокиным негативные последствия сексуальной революции для здоровья и психики человека коррелируют с распространенными в начале XX в. в Европе и в России идеями «вырождения» (сама идея которого была заложена в трактате М. Нордау «Вырождение», увидевшем свет в 1892–1893 гг. [11, с. 16], и широко обсуждалась в художественных, медицинских и философских кругах) и дегенерации целых поколений как следствия

«половой любви». Также большую роль для интеллектуально-декадентских кругов сыграла и книга О. Вейнингера «Пол и характер». И для Сорокина речь идет не о преобразении биологического в культурное, а о распаде культурного под воздействием доминирования биологического и далее — разрушение собственно биологического. Очевидно, что у Сорокина были собственные — экзистенциальные — основания такого понимания: это голод, война, бедствия, обнаруживающие в человеке нечеловеческое, звериное — биологическое.

Выходом из создавшейся — губительной, как считает Сорокин, — ситуации должна стать «тройственная операция десексуализации нас самих, нашей культуры и нашей общественной жизни» и даже «очищение от половой скверны» [16, с. 147]. Нетрудно заметить в этих формулировках отголоски русской культуры начала XX столетия с ее увлечением «Крейцеровой сонатой» Л. Н. Толстого и идеями сексуального воздержания и андрогинизма (показательна ранняя статья Сорокина «Современная любовь», основанная на анализе поэзии А. Блока и буквально пронизанная отголосками В. С. Соловьева, хотя и без характерной для Соловьева антиномии аскетизма и эротики). Можно привести множество примеров, составляющих корреляцию к Сорокину именно в русской культуре, и не только философской, начала XX в. Но корреляции именно с Соловьевым наиболее показательны. Пол, согласно Соловьеву, воплощает примирение человека с «царством смерти», которое основано в конечном счете «плотским размножением» (см., например, [15, с. 145–151]); пол и личность — противостоящие друг другу грани человеческого существа.

Унаследованный от русской религиозно-философской традиции и российской — «декадентской» — культуры эпохи *fin de siècle* вопрос о природе биологического в человеке и, как следствие, о природе любви решался Питиримом Сорокиным в русле *имплицитного русского гнозиса*: как отрицание, а не как преобразование плоти. В отличие от В. С. Соловьева, движущей силой утопии которого была эротическая любовь как «источник сексуального желания, так и его преодоление» [11, с. 67], для Сорокина важна не мысль о восстановлении утраченной (андрогинной) целостности человеческой природы, а замена биологического в человеке — сверхприродным: интегрализм — не изначально заданная форма существования человечества, а мерцающий вдали идеал.

Вместе с тем русский гнозис характеризовался не столько а-космизмом, сколько именно космизмом, связанным с православной софиологией. В интерпретации же П. А. Сорокина — не использующего традиционной для русской религиозно-философской мысли дискурсивной мифопоэтики — образ одухотворенной, прекрасной природы-стихии (стихии леса, связанной в воспоминаниях Сорокина с ранними годами его жизни) оказывается весьма знаменательным, как, впрочем, и образ другой стихии — моря, с которым сравнивает Сорокин социум. Поэтизация Земли как Софии (см. об этом [19]) находит свое воплощение не столько в социологических или философско-культурологических трудах Сорокина, сколько в его художественном творчестве (в романе «Долгий путь», начало которого в этом плане чрезвычайно показательно).

Не лежащая на поверхности связь философской системы П. Сорокина с русским гнозисом — надежно скрытая сначала позитивистски-бихевиористскими увлечениями Сорокина-студента Психоневрологического института и революционными увлечениями Сорокина-эсера, а затем деятельностью по созданию системы социологии Сорокина — социолога революции, — проступает на поверхность в последний период творчества, ставший своего рода этапом подведения итогов и возвращения к собственным интеллектуальным и экзистенциальным истокам. Возвращение в теории альтруистической любви к содержательным интенциям ранней работы «Современная любовь» было опосредовано «длинной дорогой» социальных катастроф и революций, сделавших очевидной двойственность, разрывность человеческой природы: биологическое и социокультурное в человеке, согласно Сорокину, не представляют собой гармонии, но нуждаются в напряженном усилии воли, и его учение о типах альтруистов, среди которых альтруисты органичные, изначально получившие дар альтруистической любви, являются немногими счастливыми.

В этой типологии еще раз можно отметить гностические подходы к человеку: гностическое разделение тварных существ на соматиков, психиков и пневматиков соответствует типам альтруистов, коррелируя вместе с тем с типологией социокультурных суперсистем. Формулируя «закон поляризации», Сорокин пишет: «...люди реагируют и преодолевают фрустрацию и невзгоды в зависимости от типа личности. Либо, с одной стороны, ростом творческих усилий (как у Бетхо-

вена после наступления глухоты или слепого Милтона и т.п.), а также альтруистическим перевоплощением (Св. Франциск Ассизский, Игнатий Лойола и другие) — это называется позитивной поляризацией. Либо, с другой стороны, люди реагируют самоубийствами, умственными расстройствами, ожесточением, ростом эгоизма, тупой покорностью судьбе, циническим восприятием окружающего (это — негативная поляризация») [18, с. 231].

Говоря о гностико-манихейской основе российской ментальности и опираясь на понимание гностического сознания как основанного на убеждении в «онтологической ущербности и богооставленности мира», И. Г. Яковенко и А. И. Музыкантский пишут: «богооставленность фиксирует сбой партисипации человека к универсально-надличностному уровню собственной ментальности» [21, с. 41–43], проявляясь на двух уровнях. С одной стороны, «в цивилизации, исчерпавшей возможность дальнейшего развития, смысловые цепи между профанированным миром эмпирической реальности и первотектоном¹ становятся настолько сложными и громоздкими, что человеческое переживание не дотягивается до первотектона» (и многие опосредующие эту связь звенья в философии античных гностиков представляют собой «тяжеловесную конструкцию», как, например, в системе Василида, из 365 небес). С другой стороны, предпосылки для блокирования партисипации «возникают в обществах, которые существуют в стабильно неблагоприятных, дискомфортных для человека условиях» [21, с. 44–45]. Связывая гностико-манихейские черты русской ментальности со скифо-сарматской традицией зороастризма, А. С. Ахиезер, как справедливо полагают авторы, не учел влияния финно-угорского субстрата, влившего в русский этнос и определившего его ментальные и художественные традиции, финно-угорская мифология предполагает «дуалистическую космогонию и антропологию» [21, с. 110, 124–125]. Между тем именно у Сорокина эта двойственная — российско-коми ментальность, в глубинных своих пластах основанная на дуальности (на имплицитном, до-

¹ Первотектоном авторы называют «базовый уровень ментальности, являющийся вместилищем моделей структурирования..., на базе которых выстраивается картина мира. Партисипация к первотектональным основаниям картины мира» представляет собой установление в акте партисипации «онтической связи с базовым уровнем собственной ментальности» (см. [21, с. 43]).

рефлексивном гнозисе), нашла свое выражение в сквозной метафоре его автобиографической прозы: мотив пути, дороги, странствий, бездомности, особенно характерный для начального периода жизни автора¹, — мотив, значимый не только для российского ментального и художественного пространства, но и для манихейского в своем основании отрицания земного бытия. В плане рефлексивного преодоления экзистенциального опыта важно обратить внимание на начало романа: образ утраченного рая, мистическое переживание сверхчувственной красоты природы, стихия которой не поддается рациональному логическому объяснению, ранняя смерть матери, отличавшейся необыкновенной красотой, связь красоты мира и переживания сиротства — все это уже содержит в себе предвосхищение мечты о целостности, любви, обретении смысла земного бытия.

Определяя гностико-манихейскую ментальность как основанную, помимо прочего, на факторах неимманентного развития, стрессе перехода от предыстории к истории, дуализме земледельческого и кочевнического миров и дуализма финно-угров (для которых, добавим, фактор перехода к истории обретает еще большую значимость по сравнению с Русью, а дуализм земледельческого и охотничьего хозяйствования), следует говорить о двойном обосновании отголосков гнозиса в творчестве П. А. Сорокина. В первую очередь это хоть и частичная, но укорененность в культурном ареале коми, которому Сорокин принадлежал лишь отчасти и с которым не идентифицировал себя (коми была мать Сорокина, которую он потерял в возрасте пяти лет и которая поэтому не могла оказать на него существенного влияния), и годы странствий с отцом и затем с братом по коми деревням в качестве мастера по чеканке иконных риз, поновления икон, окраске церквей и колоколен. В этом плане весьма показательными представляются очевидные мировоззренческие и философские корреляции П. А. Сорокина с творчеством двух других знаменитых выходцев из Коми края — К.Ф. Жаковым и В.В. Налимовым.

¹ С этой точки зрения чрезвычайно показательным является нежелание участвовать в конференциях, требующих дальних переездов у позднего Сорокина (см. [17, с. 244–260]): преодоление странничества как одной из постоянных черт имплицитного гнозиса, — результат самотрансцендирования, выход за пределы ментального пространства русской культуры, ее экзистенциальная рефлексия и глубинная, внутренняя трансформация.

Не менее очевидными являются и переклички с теорией мистической интуиции Н. О. Лосского. В работе «Главные тенденции нашего времени» Сорокин писал: «Сверхсознание творит и делает открытия посредством сверхсознательной интуиции. <...> Сверхсознание лишено эгоизма. Оно переступает границы Эго полностью и безусловно» [17, с. 38]. *Трансцендирование «Я»* — основа интуитивно-мистического познания — рассматривается Сорокиным как основание нового типа знания, выстраиваемого не на сенситивно-чувственном фундаменте, а на целостном схватывании абсолютной реальности, предполагая интегральное знание, основанное на интуиции, чувственном опыте, логике, — и в то же время на религиозном постижении Абсолюта.

Сам Сорокин писал в своем автобиографическом романе: «...Революция 1917 года разбила вдребезги мои взгляды на мир, вместе с характерными для них позитивистской философией и социологией, утилитарной системой ценностей, концепцией исторического процесса как прогрессивных изменений, изменений к более лучшему обществу, культуре, человеку». И далее: революция, гражданская война и голодомор, читаем далее, «разбудили в человеке зверя и вывели на арену истории, наряду с благородным, мудрым и созидющим меньшинством, гигантское число иррациональных человекоподобных животных...» [18, с. 166–167].

Можно утверждать, на наш взгляд, что трансцендирование философской личности Сорокина за пределы этнической принадлежности коми и глубинных слоев русского философского самосознания становится одновременно и рефлексией экзистенциального опыта философа, и его преодолением. Основная мысль Сорокина, конечно, не заключается в гностико-манихейском дуализме (хотя и значимом для него в свете анализа роли инстинктов в ситуациях голода, бедствий и войн). Она заключается в «снятии» этого дуализма путем утверждения интегральной природы человека (что, впрочем, не в меньшей степени характерно и для В. С. Соловьева — например, в его философии всеединства и церковном экуменизме, или Н. О. Лосского). Вместе с тем снятие дуализма в другом контексте — контексте выдвинутого Сорокиным «закона поляризации» — неминуемо обретает черты социальной и философской утопии как *альтернативы гнозиса*. Можно утверждать, на наш взгляд, что философия и антропология

П. А. Сорокина явились результатом сложного *экзистенциального синтеза*, основанием которого стала не только богатая на события юность великого философа, но и ситуация культурного и ментального билингвизма (ситуация идентичности между финно-угорским, материнским миром — и миром русским, отцовским, исторически и ментально иным), а затем эмиграция, позволившая взглянуть на опыт пережитого с новой точки зрения, трансцендировав себя в иное ментальное и культурное пространство.

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М. : Философское общество СССР, 1991. Т. 1.
2. Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М. : Прогресс-Традиция, 1997.
3. Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. URL: http://www.vehi.net/berdyaev/otkrov.html#_ftn1 (дата обращения: 15.07.2014).
4. Бонецкая Н. К. Русская софиология и антропософия // Вопросы философии. 1995. № 7. С. 79–97. URL: <http://philosophy.ru/library/vopros/58.html>
5. Жаков К. Ф. Этнологический очерк зырян // Под шум северного ветра. Сыктывкар, 1990.
6. Зюзев Н. Ф. Философия Питирима Сорокина. Сыктывкар : Эском, 2000.
7. Иванов Вяч. Вс. Россия и гнозис // 500 лет гнозиса в Европе. Гностическая традиция в печатных и рукописных книгах. Петербург — Амстердам : Ин де Пелиkaan, 1993. С. 12–21.
8. Йонас Г. Гностическая религия. СПб. : Лань, 1998. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/jonas01/index.htm>
9. Козырев А. П. Смысл любви в философии Владимира Соловьева и гностические параллели // Вопросы философии. 1995. № 7. С. 59–79. URL: <http://philosophy.ru/library/vopros/62.html>
10. Лотман Ю. М., Успенский Б. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии. XXVIII: Литературоведение. К 50-летию профессора Бориса Федоровича Егорова. Тарту, 1997. С. 3–36.
11. Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М. : Новое литературное обозрение, 2008.
12. Мочульский К. В. Гоголь, Соловьев, Достоевский. М. : Республика, 1995. URL: <http://www.vehi.net/mochulsky/soloviev/index.html>
13. Резниченко А. И. О смыслах имен: Булгаков, Лосев, Флоренский et dii minors. М. : Издательский дом РЕГНУМ, 2012.
14. Сапов В. В. Творческая эволюция Питирима Сорокина // Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет (Социологическое на-

следие). М. : Наука, 1994. URL:

http://antimilitary.narod.ru/antology/sorokin/sapov_sorokin.htm

15. Соловьев В. С. Оправдание добра // Соловьев В. С. Сочинения : в 2-х т. М. : Мысль, 1988. Т. 1. С. 47–548.

16. Сорокин П. А. Американская сексуальная революция. М. : Научно-практический Центр коммуникативных исследований «Проект-Барьер», 2006.

17. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М. : Наука, 1997.

18. Сорокин П. А. Долгий путь. Сыктывкар : СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991.

19. Сорокин П. А. Социология революции. М. : Территория будущего ; РОССПЭН, 2005. С. 37.

20. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. URL: <http://filegiver.com/free-download/toporov-svyatost-i-svyatye-v-russkoy-dukhovnoy-kulture-tom-1-fb2>

21. Халтурин Ю. Гнозис и гностицизм в мировоззрении русских розенкрейцеров 18–19 вв. URL: <http://independent.academia.edu/YuryKhalturin>

22. Яковенко И. Г., Музыкантский А. И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М., 2010.

ПСИХОЛОГИЯ

В. М. Бызова, Е. И. Чикурова

Вербализация опыта преодоления визуальной неопределенности

УДК 159.9.072

Было проведено эмпирическое изучение особенностей восприятия неопределенных визуальных стимулов на примере пятен Роршаха. В исследовании приняли участие 282 студента Санкт-Петербургского и Сыктывкарского государственных университетов факультетов биологии и психологии. Для выявления роли воображения и мышления в преодолении неопределенности были проанализированы письменные комментарии респондентов, отражающие их психические реакции, настроения и состояния в процессе перцепции. Обнаружено различие в восприятии хроматических и ахроматических карт.

Ключевые слова: *визуальная неопределенность, восприятие, тест Роршаха, преодоление.*

V. M. Bysova, E. I. Chikurova. Verbalization of experience in overcome the visual uncertainty

It was conducted an empirical study of the peculiarities of perception of visual stimules on the uncertain example test Rorschach. The study involved 282 students of St. Petersburg and Syktyvkar State University Faculty of biology and psychology. To determine the role of imagination and thinking in overcome the uncertainty were analyzed written comments of respondents, reflecting their mental reactions, moods and states in the process of perception. There are differences in the perception of chromatic and achromatic cards.

Key words: visual ambiguity, perception, Rorschach Test, to overcome.

В любой сфере деятельности человеку приходится сталкиваться с теми или иными проявлениями неопределенности: она проявляется в зашумленности, неоднозначности, неясности перцептивного поля. Визуальный канал восприятия является самым изученным в области психологии, физиологии, психофизики, однако остается при этом самым загадочным. И. Х. Шиффман, С. Торрино и G. M. Long, анализируя взгляды разных авторов, делают вывод о том, что потенциальная возможность двоякого толкования — это характерная особенность многих визуальных событий и для эффективной адаптации к среде организм должен регулярно решать эту неоднозначность (Andrews, Schluppeck, Homfray, Matthews, & Blakemore, 2002; Medin, Ross, & Markman, 2001; Rock, 1975).

Перцептивный процесс, обеспечивающий осмысленное восприятие при отсутствии его целостности, обладает очевидной и значительной восприимчивостью. Порой именно ожидание, основанное на предшествующем опыте человека, помогает ему восстановить цепочку событий и выдвинуть верное предположение о том, какой предмет находится перед ним.

Преодоление визуальной неопределенности заключается в активизации мышления и воображения. Е. А. Лустина, изучая вопрос преодоления ситуации неопределенности в процессах мышления и воображения, выяснила, что для процессов мышления характерно преодоление неопределенности с помощью перцептивно-образных знаний, тогда как деятельность воображения в соответствующих обстоятельствах предполагает активизацию не только перцептивного, но и абстрактного опыта субъекта [3, с. 124]. На уровне здравого смысла понятно, что неясные стимулы, создающие эффект неопределенной ситуации для поведения, дают больше возможностей для самопроявления личности, чем те, которые обладают жесткой стимульной и ролевой структурой. В связи с этим при изучении особенностей преодоления визуальной неопределенности мы обратились к проективной методике Германа Роршаха [5].

Цель и задачи исследования: изучение особенностей восприятия неопределенных визуальных стимулов и выявление роли коммента-

риев в процессе работы с пятнами Роршаха в углубленном понимании личности.

Методики исследования. В работе использовались тест Роршаха, письменный опрос, контент-анализ комментариев. Сам Роршах не предложил теории, объясняющей связь особенностей восприятия пятен с личностными характеристиками. Однако предложенный им инструментарий, по мнению многих авторов, дает большое количество оригинальной информации об однородной группе испытуемых [1, с. 9]. С помощью теста Роршаха можно создать экспериментальную модель, в которой проявляются те же индивидуальные особенности образов восприятия и представлений, которые типичны для индивида в реальной жизни. Человек воспринимает стимулы так же, как он воспринимает реальность, а характер отражения им реальности, его «образ мира», является глубинной основой его личности.

Герман Роршах выделял три категории, по которым обрабатывался каждый ответ в тесте: а) локализация ответа: *где* видит испытуемый то, что он видит, на какие участки карты он реагирует; б) детерминация ответа: *почему* испытуемый видит именно так, какие свойства стимула определили его ответ; в) содержание ответа: *что* именно видит испытуемый на карте, с какими реальными предметами он ассоциирует стимул. В нашем исследовании мы расширили материал для анализа и добавили к анализу личные письменные комментарии респондентов, касающиеся особенностей восприятия конкретных карт (цветных и черно-белых), а также динамики психического состояния участников в процессе создания образов.

Анализ комментариев показал необходимость обратиться к содержательным параметрам теста Роршаха: целостность, детализация, движение и цвет. Они отражены в вербальных ответах и дают понимание специфики восприятия.

Целостные ответы, по мнению исследователей, представляют собой обобщенное ментальное отношение при встрече с неопределенностью (неизвестностью). Целостный ответ включает в себя когнитивный механизм и аффективную установку [4, с. 40–41] и служит выражением как бессознательной установки, так и сознательного стремления к целостности. Фактор целостности является одной из составляющих процесса мышления и представляет собой тенденцию воспринимать вещи в их комплексе (как группа элементов в целост-

ном ансамбле). Таким образом, в целостных ответах проявляются конкретные, четко выделенные элементы.

Ответы на движение включали введение динамических взаимоотношений между персонажами. Согласно авторам новейших исследований, эти показатели отражают творческое воображение, зрелость и осознание собственной внутренней жизни [4, с. 80].

Показатель цвета характеризуется наличием в ответах респондентов параметров светотени и цвета в восприятии пятен. Цветовые ответы, согласно Роршаху, «показывают меру эмоциональной лабильности». Их также считают индикатором впечатлительности и возбудимости, однако эти ответы не имеют однозначного аффективного значения и могут означать пассивность реакций, тенденцию следовать за внешней стимуляцией [4, с. 119–121]. А. М. Эткинд в своей работе подчеркнул, что вербально называемые эмоции легко и более или менее однозначно ассоциируются с цветами. В современной психодиагностике определенное распространение получили специально цветовые тесты, в которых по цветовым предпочтениям или по цветовым ассоциациям, возникающим по поводу разнообразных социальных стимулов, судят о свойствах личности и отношений испытуемого. Особенно важным представляется эмоциональное состояние человека, поскольку цветовая сенсорика является обязательным компонентом эмоциональных образов, посредством которых человек отражает не только предметы и ситуации внешнего мира, но и свое отношение к ним. Чем более велико эмоциональное, субъективное содержание психического образа, тем более выражен в его чувствительной ткани цвет как адекватный код этого содержания [7]. Интерпретации теста Роршаха сходятся на том, что светотеневые ответы указывают на осторожность, боязливость, определенное чувство дискомфорта, пониженную или сдерживаемую эффективность, результатом которой являются тревога и ограничение связей с окружением. Гипотеза о связи между реакцией на цвет и эмоциональностью респондентов была предложена в работах А.М. Эткинда: «чем более велико эмоциональное, субъективное содержание психического образа, тем более выражен в его чувствительной ткани цвет как адекватный код этого содержания» [7, с. 112].

Показатель детальных ответов включает два параметра: опознавание крупных и мелких деталей в пятнах. Большинство исследовате-

лей рассматривают крупные детали как меру здравого смысла, рассудочности, поиска способов адаптации к требованиям внешнего мира, а также как показатель социальности, легких контактов с окружающей действительностью [4, с. 55]. Выбор мелких деталей может отражать рациональный склад ума, педантичность. Ответы имеют значение личностной характеристики или аффективной черты, может быть проявлением осторожности с элементами тревоги [4, с. 59–60].

Процедура исследования. До группового тестирования был установлен позитивный психологический контакт, затем объявлялась цель исследования и краткая инструкция к пятнам Роршаха: «На что это похоже? Чем бы это могло быть?» В ходе предъявления карт респондентам предлагалось записывать ответы в четырех положениях: прямом, обратном и боковых. По окончании предъявления карт предлагалось дать письменный комментарий об особенностях восприятия пятен. В дальнейшем проводился индивидуальный опрос с целью уточнения ответов.

Выборку составили 282 студента Санкт-Петербургского и Сыктывкарского государственных университетов факультетов биологии и психологии. Возраст респондентов 18–20 лет (средний возраст — 19,5 лет). В числе обследованных 90 девушек и 47 юношей биофака, а также 101 девушка и 44 юношей факультета психологии.

Результаты исследования. Особое внимание было уделено анализу письменных комментариев респондентов относительно специфики восприятия разных карт.

Из комментариев юношей-биологов: «Предпочтительны черно-белые пятна, поддерживали стабильное настроение»; «Цветные и черно-белые структуры ломают восприятие цвета», «Черно-красные пятна вызывали страх, разноцветные были более приятны»; «На цветных пятнах хуже складывается единый образ», «Пугает зеркальность рисунков»; «При появлении цветных пятен количество образов резко возросло, появился энтузиазм, но под конец появилась усталость»; «В процессе работы все лучше и лучше включалось воображение»; «Цвет отвлекает и под конец стало невыносимо “ломать” свой мозг». Анализ комментариев юношей, будущих биологов, выявил внимание к структурным элементам пятен, видение целостных объектов, связанных с их будущей профессиональной деятельностью. Содержание большинства ответов, как на ахроматические, так и хроматические

пятна, связано с биологическими объектами (растения, насекомые, животный мир).

Из комментариев юношей-психологов: «Смутили образы, которые я увидел на картинках, появилось чувство неуверенности, беспокойства»; «Наиболее *интересно* описывать цветные, но после черно-белых при рассмотрении цветных возникают позитивные эмоции»; «Стал более *сосредоточенным, внимательным*»; «В некоторых случаях испытывал затруднения в возникновении ассоциаций, удобнее было, когда фигура четко очерчена», «Испытывал легкое волнение, появилось удовлетворение, бодрость»; «В начале испытывал беспокойство скорее всего из-за серых красок, но по ходу работы *эмоциональный фон* преобразился. В конце начал испытывать своего рода какое-то удовлетворение», «переход к цветным вызывает некое удивление, работа становится эмоциональней. «Увидеть что-нибудь в цветных пятнах сложнее, особенно при боковом расположении», «С цветными пятнами ассоциаций больше, но легче — с черно-белыми». Анализ комментариев показал, что юноши, будущие психологи, эмоционально более чувствительны, на что указывает более выраженный спектр называемых ими чувств в ответах: тревога, беспокойство, удивление, удовлетворение. Обращает на себя внимание, что в ряде случаев юноши испытывали трудности в восприятии целостных образов.

Из комментариев девушек-биологов: «Некоторые цветные больше *пугали*, а некоторые черно-белые были более позитивны»; «Цветные пятна воспринимались гораздо легче, но в них не удалось увидеть целостной картины»; «*Не понравилось* сочетание черного и красного, но когда пошли цветные, стало сложнее и интереснее — ощущение, что я вывернула душу и мозги наизнанку, появилась *усталость*»; «Цветные пятна всегда распадались на образы»; «*Разделенные части воспринимались легче, чем сплошные*»; «Почти все пятна воспринимались одинаково и равнодушно»; «Образы появлялись *с трудом*, так как сложно было оценить картину в общем — *видно лишь детали*»; «Собственные ассоциации кажутся странными, возникает чувство мистики *и тревоги*; к концу голова *стала тяжелой*»; «Внутри было пусто»; «Нечеткие линии *утомляют и раздражают*, мелкие детали *отвлекают внимание от восприятия полноценной картинки*»; «Цветные картинки воспринимать сложнее, стала *кружиться голова* и на-

строение ухудшилось, появилась усталость»; «Труднее всего было разобрать боковое положение, так как воспринимаются отдельно верхняя и нижняя части». Анализ комментариев и показателей восприятия цветных пятен отражает прежде всего наличие цветового шока у ряда респондентов. Цветовой шок проявился в резком снижении количества ответов (8, 9, 10 цветные карты), а также в появлении психофизиологических реакций в виде усталости, появления чувства тревоги, неуверенности, раздражения и головокружения. На наш взгляд, выявленные особенности могут отражать проблемы преодоления визуальной неопределенности. Неспособность справиться с ситуацией резкого изменения цветовых стимулов психического поля и его структуры приводит к негативным психоэмоциональным проявлениям. Другая группа респондентов при восприятии цветных пятен, несмотря на сложность, реагировала противоположным образом: воодушевлением, интересом, повышением настроения.

Из комментариев девушек-психологов: «Над цветными пятнами больше хочется думать и внимательно смотреть»; «Цветные пятна, несмотря на обилие цветов, дают негативное впечатление»; «Темные картинки вызвали скорее тревогу»; «В картинках скрыто бесконечное число образов и все казалось динамичным»; «Цветные пятна вызвали подъем, хорошее настроение, интерес»; «Цветные ассоциировались с будущим, ощущением счастья, а черно-белые с негативными чувствами, с прошлым»; «На цветных пятнах целой картины не складывалось»; «Легче возникали образы на черные и серые пятна: сначала пыталась воспринять фигуру в целом, но если не получалось, вглядывалась в детали»; «Цветные воспринимались как сны»; «В начале все вызывало некий страх, отчуждение, недоверие, агрессию, но цветные пятна вызвали сильную расположенность и подъем настроения»; «На картах с черными пятнами образы возникали легче, но цветные карты казались мрачнее», «В цветных пятнах больше разнообразия, легкости, волшебства, они труднее воспринимаются как целостная картина»; «В черно-белых пятнах нет динамики, жизни, перспективы»; «От черных карт чувство безысходности». Анализ комментариев девушек, будущих психологов, показал общую позитивную оценку цветных карт, интерес к ним и рост числа ассоциаций, что свидетельствует о нормативных показателях. Респондентки обнаружили стремление к видению целостных образов, потребность в ди-

намичности, оригинальность образов. Цветовой шок наблюдался лишь в редких случаях. В целом выявленные показатели отражают способность к преодолению визуальной неопределенности и живому воображению.

Выводы. Преодоление неопределенности в процессе восприятия происходит в количестве и содержании воспринятых конкретных образов. Комментарии отражали когнитивно-оценочный характер процесса работы с пятнами. В целом юноши и девушки в своих комментариях отмечали позитивное восприятие, глубокий интерес и легкость имажинации в отношении цветных пятен: «заставляли думать», «возбуждали воображение», «вызывали удивление». Восприятие ахроматических пятен обнаружило сходство в разных выборках: 33 % респондентов отмечали легкость и интерес в процессе создания образов, однако в то же время 30 % испытывали негативные переживания: страх, тревогу, грусть, подавленность, гнетущее впечатление и даже отвращение. Девушки в ряде случаев подчеркивали неприятные переживания, гнетущее впечатление, утомление, раздражение в процессе восприятия цветных пятен, причем проявляли психофизиологические реакции на цвет в виде головокружения, неуверенности и чувства тревоги.

Юношам в целом свойственна метафоричность высказываний и особое внимание к цвету карт, которые отражались в следующих характеристиках: *«буйность, увядание, жизнь; черно-белые: вне времени, тишина»*.

Комментарии будущих психологов отличались более эмоциональным характером, проявлением психофизиологических симптомов и телесных реакций в ходе работы (тревога, беспокойство, усталость, головокружение). Комментарии студентов-биологов носили более образный, описательный характер и содержали метафорические выражения и собственные ментальные переживания.

1. Белый Б. И. Тест Роршаха. Практика и теория. СПб., 1992.

2. Бызова В. М. О восприятии пятен Роршаха и типе переживания молодежи // Современные проблемы психодиагностики : материалы межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2012 г. / под общ. ред. д-ра психол. наук, профессора И. А. Воронова. СПб. : Санкт-Петербургский институт психологии и акмеологии, 2012. С. 107–110.

3. Лустина Е. А. Преодоление ситуации неопределенности в процессах мышления и воображения // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 122–125.
4. Рауш де Траубенберг Н. К. Тест Роршаха : практическое руководство : пер. с франц. М. : Когито-Центр, 2005. 255 с.
5. Роршах Г. Психодиагностика. М., 2003.
6. Эткинд А. М. Тест Роршаха и структура психического образа // Вопросы психологии. 1981. № 5. С. 106–115.

Л. К. Гаврилина

От стандарта «Педагог» — к «нестандартным» педагогам?

УДК 37+159.9

В статье речь идет о стандарте педагогической деятельности «Педагог» как о событии в отечественном образовании. К подсистеме «Учитель» гуманитарной системы «Учитель-ученик» стандартом определены конкретные требования. Однако в перечне необходимых компетенций отсутствуют знания о психологии творчества и гендерологии. Длительность процесса внедрения стандарта «Педагог» позволяет надеяться на его доработку.

Ключевые слова: *культурологическая образовательная парадигма, гуманизация, психологизация, психокультурный потенциал, виктимогенная культура образования.*

L. K. Gavrilina. From the standard “Pedagogue” — towards “non-standard” pedagogues?

In this article we are talking about the standard of of pedagogical activity “pedagogue” as an event in the domestic education. To subsystem “Teacher” humanitarian system “Teacher-student” standard sets specific requirements. However, in the list of required competencies lack of knowledge about the psychology of creativity and Genderology. Duration of the process of implementing the standard “pedagogue” gives hope for its completion.

Key words: cultural studies educational paradigm, humanization, psychologizing, psychocultural potential victimogenic culture education.

Утверждение стандарта профессиональной деятельности «Педагог» приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации № 544 от 18 октября 2013 г. (дата официальной публикации — 18 декабря 2013 г.) стало важной вехой в истории отечественного образования. Необходимость такого стандарта следует из понимания взаимодействия «Учитель-ученик», «Учитель-ученики» как системного. Если к одной из подсистем гуманитарной системы есть требования (что ученики должны знать, уметь, чем овладеть и т.п.), то столь же определенно должны звучать и требования к другой подсистеме, то есть к педагогам.

Основной социальной предпосылкой появления профессионального стандарта «Педагог» стало превращение образования в услугу. Это привело к снижению влияния и самоорганизации профессиональных элит, к процессам депрофессионализации. Педагоги, ученые, деятели культуры заговорили о том, что остановить деградацию человеческого потенциала можно, признав необходимость возврата к парадигме творчества [2, с. 7]. Имеется в виду культурологическая образовательная парадигма: в 1990 г. в Москве на международной конференции обсуждалось новое представление о целях образования, предполагающее по возможности полное развитие творческого потенциала личности. Цель определяет содержание. К двум традиционным его компонентам (знание о природе, технике, человеке и опыт деятельности) были добавлены еще два: опыт творческой деятельности и опыт эмоционально-ценностных отношений к себе, миру.

Новым представлением о цели и содержании образования был обусловлен курс на его «очеловечивание», то есть замену учебно-дисциплинарной модели взаимодействия педагога и воспитанника личностно ориентированной. Основным средством гуманизация образования должна была стать его психологизация: построение всех образовательных процессов на основе психологических концепций. Однако в 2000 г. В. В. Краевский пишет: «...с имеющимся теоретическим представлением о содержании образования во многом расходится сложившаяся практика его построения, которая продолжает основываться на функционально-инструментальном, знаниево-

ориентированном подходе. Сегодня можно говорить не только об отставании практики от науки, но и о забывчивости самой науки. Получается бег на месте...» [4, с. 6]. Появление новых учебных планов, программ, учебников, дидактических и воспитательных технологий не подкрепились изменением профессионального менталитета педагогов, наращиванием ими психологической компетентности такими же темпами, как обновление компетентности методической и технологической. Осталась декларативной цель раскрепощения творческого потенциала обучаемых. Более 20 лет после объявления последней школа по причине низкой профессиональной культуры учителей (психологической, педагогической) остается психологически небезопасным пространством, что является существенным препятствием для становления в ее стенах зрелой, жизнестойкой и креативной личности. Так, социальную дефективность личности, низкий психокультурный потенциал подростков исследователи объясняют нарушенным интерактивным социогенезом личности [6]. Нарушение проявляется в затруднении транзycji (психосоциального перехода) от гетерономного состояния к автономному. Автономности препятствует стиль принуждения в отношении учителя к ученику, обращение учителя к репрессивным социально-педагогическим психотехникам, что приводит к постановке ученика в позицию жертвы. А. Ситаров называет следующие признаки позиции принуждения, реализуемой в психотехниках социально-педагогического воздействия: 1) раздражительность; 2) обидчивость; 3) эмоциональная неустойчивость, 4) неуверенность в себе, 5) негативная открытость (принятие, но с ориентацией на отрицательное); 6) эгоцентричность; 7) наличие комплекса психологических защит; 8) нетерпимость к чужому мнению, другим людям (детям, учащимся); 9) ограничение субъективной свободы; 10) приоритет дисциплинарных воздействий над организационными; 11) низкий уровень способности подключать детей к собственным целям и подключаться к целям детей и школьников; 12) повышение у детей и учащихся напряженности; 13) приоритет негативных форм оценивания над позитивными.

Эти признаки позволяют рассматривать социально-педагогическое воздействие на развивающуюся личность в интерактивной системе образования как проявление виктимогенной культуры образования (если исходить из понимания сущности понятия культу-

ры из работ М.С. Кагана) [3]. Именно виктимогенная культура образовательной среды школы превращает её по отношению к развивающейся личности подростка в патогенный фактор [5]. Но и учитель тоже жертва: он подвержен социально-психологической деформации личности и профессионально-педагогической аутизации («коротком замыкании» на профессиональной роли). Профилактика виктимности учителя — это гармонизация личностного и профессионального онтогенеза будущих педагогов в вузовском образовательном процессе. Эта профилактика первична. Придет в школу учитель, завершивший сепарацию от родителей, архитектор собственной жизни, свободный от бессознательных психозащитных механизмов во взаимодействии с учеником, и станет источником поддержки психосоциального развития тех, кого учит, с кем в разных образовательных контекстах взаимодействует.

Итак, бег на месте был обусловлен «дидактическим креном», недооцениванием роли межличностного, психологически компетентного, развивающего и поддерживающего взаимодействия «учитель-ученик».

Прервет ли его профессиональный стандарт «Педагог»? Покажет время. А пока содержание стандарта — предмет наших размышлений.

Стандартом педагогу предписывается овладение системой знаний и умений и соответствующей им системой трудовых действий, направленных на психолого-педагогическое сопровождение любого ученика (вне зависимости от его социально-психологических особенностей и здоровья) по пути индивидуального личностного развития и по индивидуальному же образовательному маршруту, в котором это развитие будет происходить.

Однако, как и в документах прошлого века, в «Стандарте» говорится о детях, учениках вообще. Понятия «пол», «гендер» в тексте отсутствуют, как и понятия «творческая личность», «творческий процесс», «творческий кризис» и т.д. Видимо, не предполагается будущих педагогов, призванных развивать творческие способности детей и сопровождать их в движении по индивидуальному образовательному маршруту, вооружить знаниями о психологии творчества.

Трудовые действия, знания и умения в стандарте прописаны конкретно: 9 единиц трудовых действий, 9 единиц знаний, 6 единиц умений. Овладение знаниями и умениями предполагает сближение по

объему и содержанию блока психолого-педагогических дисциплин для студентов специальности «Психология» и студентов, которые станут учителями, преподавателями. Так как нормы учебной нагрузки (аудиторной, самостоятельной работы) нельзя отменить, возникает вопрос: каким образом учебные планы будут приведены в соответствие со стандартом «Педагог»?

Овладение трудовыми действиями не может произойти в ходе лекционно-семинарского преподавания и требует проведения части занятий по психологическим дисциплинам в режиме обучающего тренинга или практикума с элементами тренинга и, следовательно, признания необходимости применения технологий блочно-модульного обучения (пока администрация вузов с трудом на такой вариант соглашается), а также увеличения часов педагогической практики и решения проблемы повышения ее эффективности.

Блочно-модульное обучение более соответствует целям современного личностно ориентированного профессионального образования и возможностям студентов, так как:

- устраняется противоречие между положением о целостности процесса становления личности и «мозаичностью» учебного процесса;
- становится продуманным в плане межпредметных вертикальных и горизонтальных связей подбор и последовательность изучения дисциплин, составляющих блок;
- обеспечивается системность и глубокая проработка содержания;
- создаются условия для перехода лекции из основного источника информации в разряд направляющей формы обучения и активизации самостоятельной работы студентов;
- должное внимание может быть уделено квазипрофессиональной деятельности.

Становление личности будущего специалиста является профессионально-культурным, так как профессиональное образование производит и воспроизводит субъекта культуры и познавательно ориентированной профессиональной деятельности. Целостность становления черт культурного человека определяется целостностью учебного процесса. Традиционное же недельное расписание с пестротой 2–4 часовых занятия по многим предметам выглядит «образовательным туризмом», предполагает пассивную позицию студента, репродуктивный характер учебных действий.

Блочно-модульное обучение — альтернатива такой дробности содержания учебных дисциплин: оно структурируется по блокам, в каждом блоке выделяются модули, относительно автономные и завершенные дидактические и организационные единицы обучения, достаточно протяженные во времени, что обеспечивает погружение в их содержание.

Стандартом предусмотрено увеличение часов практики, а организация, конечно же, будет продумываться кафедрами. Идеалом видится организация практики по типу мастерских (как в творческих вузах): студенты, будущие учителя и учитель-мастер. Научное сопровождение организует кафедра. Ведь только личность может воспитать личность, и передача опыта личностно ориентированного обучения также возможна только из рук в руки, от личности к личности. Вопросы: как замотивировать учителей-мастеров и хватит ли их на всех практикантов?

В части повышения уровня подготовки студентов к осуществлению воспитательного процесса ценным выглядит положение об овладении основами музейной педагогики (что, кстати, с необходимостью требует овладения знаниями о психологии творчества, психологии искусства). Занятия в музее необходимы в условиях кризиса внимания и внимательности в отношении неподвижных объектов, снижения способности к целостному и осмысленному восприятию, рассеивания и ослабления субъективного мышления по причине погружения в виртуальное пространство, резкой трансформации условий сенсорного опыта [1, с. 39]. И так же, как основы музейной педагогики, современному учителю необходимы знания по основам кинопедагогики, в стандарте не упомянутой. Неоспоримыми являются сегодня следующие положения:

- Мы живем в эпоху доминирования экранной культуры.
- Кинематограф, телевидение оказывают двойственное воздействие на воспринимателя: отрицательное связано с манипулированием сознанием, положительное — с социализирующим, развивающим, психотерапевтическим воздействием.
- У детей и взрослых нужно формировать иммунитет к фильмам, работающим на понижение личности, а для этого необходимо предоставить им возможность общаться с фильмом и по поводу фильма в

условиях психологически безопасной, педагогически инструментарированной кинокоммуникации.

К проведению таких групповых занятий со школьниками разных возрастов студентов можно подготовить. К тому же вопросы педагогизации и психологизации кинопросмотров достаточно проработаны в науке и практике. Открылись ли кинофакультативы в год Культуры, которым объявлен 2014 год? Пожалуй, не во всех школах. Наверно, есть необходимость ввести «Кинопедагогику» как курс по выбору для студентов педагогических специальностей. На сегодняшний день кинопедагогика и кинотерапия есть только в отдельных школах: работа ведется силами увлеченных энтузиастов.

Таким образом, появление стандарта «Педагог» — явление закономерное. Результатом внедрения должна стать реальная психологизация образовательного процесса, реальное психолого-педагогическое сопровождение каждого обучаемого на пути к себе — потенциально возможной, зрелой, творческой личности. Однако процесс приближения к требованиям стандарта — сложный, многомерный и длительный.

-
1. Бойко А. Г. Музейно-педагогическая интерпретация психологической концепции визуального мышления // Художественный музей в образовательном процессе. СПб. : Специальная литература, 1998. С. 38–76.
 2. Бызов Л. Как обновлять элиты? // Литературная газета. 2014. № 3.
 3. Журлова И. В. Социально-педагогическая виктимология. URL: <http://pedagogy.mspu.by/katalog/viktimologia.pdf>
 4. Краевский В. В. Содержание образования — бег на месте? // Педагогика. 2000. № 7. С. 3–12.
 5. Руденский Е. В. Клиническая социология образования: предмет, объект и предметное поле исследования. URL: <http://psychology-guide.ru/specialists/publications>
 6. Руденский Е. В. Культурогенетическая концепция социально-педагогической виктимологии личности подростка. URL: <http://psychology-guide.ru/specialists/publications>
 7. Шульгин В. Интеллигенция прекращается // Культура. 2013. № 51–52.

З. Б. Рахматуллина

**Психолого-педагогические аспекты общения студентов
и преподавателей**

УДК 159.9.072+37

Автор рассматривает особенности юношеского возраста в контексте формирования личности. В статье показана роль коммуникации и системы духовно-нравственного воспитания в развитии учащихся.

Ключевые слова: личность, деятельность, субъективная эмоциональность.

Z. B. Rahmatullina. Psychological and pedagogical aspects of communication students and teachers

The author examines the features of adolescence in the context of identity formation. The article shows the role of communication and system of spiritual and moral education in the development of students.

Key words: identity, activity, subjective emotion.

Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты.

Людвиг Андреас Фейербах

Проблеме социально-педагогического общения посвящены труды А. А. Бодалева, Л. П. Буге, В. А. Кан-Калика, В. А. Лабунской, А. А. Леонтьева, А. В. Мудрика, А. В. Петровского и др. Понятие «общение» рассматривается в педагогической науке с разных позиций: как условие и способ функционирования системы образования, который обеспечивает взаимообусловленность связей составляющих

ее элементов; как ключевой компонент педагогической и учебной деятельности. В своей работе мы рассматриваем общение как информационное взаимодействие, взаимовлияние студентов и преподавателей, как эмоционально глубокий способ обмена духовными ценностями.

Как известно, философия исследует личность с точки зрения ее положения в мире как субъекта деятельности, познания и творчества, а также как определенную ступень духовного развития человека, осознающего свое бытие и место в мире [7, с. 238]. Психология изучает личность как особое качество человека, приобретаемое им в социокультурной среде в процессе совместной деятельности и общения [3, с. 174–175]. Социологический подход позволяет рассматривать личность как «целостность социальных свойств человека, продукт общественного развития и включения индивида в систему социальных отношений посредством активной предметной деятельности и общения» [4, с. 250–251]. Отсюда главное, что определяет личность, — это деятельность и общение, то есть процесс познания мира есть овладение предметной деятельностью в рамках отношений с другими людьми.

Именно отношения с другими людьми вырабатывают мотивы, установки, ценностные ориентации, которые на основе знаний придают целенаправленность деятельности. В этом контексте образовательный процесс есть процесс формирования установок личности на социальные объекты (человека, группу, общество). В сознании такие установки представлены переживаниями сострадания, в общении и деятельности — в актах содействия, соучастия, взаимопомощи.

Профессиональное образование способствует не только профессиональной, но и социальной идентификации, на основе которой возникает возможность успешного общения социальных общностей — студентов и педагогов. А особенности той или иной общности проявляются в общении. В этой связи Б. Д. Парыгин справедливо отмечает: «...Общность является предпосылкой общения и продуктом его развития. Кроме того, процессы общения характеризуют внутреннее состояние данной общности и ее отношение с другими общностями» [1, с. 138]. Общение, будучи одной из ярких и целостных форм самовыражения (интеллектуального, эмоционального, волевого) личности, рассматривается как информационное взаимодействие, взаимовлия-

ние, как эмоционально глубокий способ обмена духовными ценностями. В процессе общения осуществляется формирование человека человеком.

По данным исследователей В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, с возникновением потребности в общении индивид начинает собственное развитие личности. И здесь важен подход, в соответствии с которым центральной фигурой становится учащийся, причем понимаемый не абстрактно, не как студенческая группа, а рассматриваемый на уровне отдельного человека во всем богатстве и многообразии его личностных интересов, потребностей и устремлений, когда преподавателю отводится роль ведущего, стремящегося оказывать учащемуся помощь и поддержку в ходе образовательного процесса, отказываясь от авторитарных методов прямого воздействия на него. Для формирования такого подхода преподавателю следует глубоко знать психологию студентов.

Заслуживает внимания в этом отношении работа профессора Ю. А. Самарина «Психология студенческого возраста и становление специалиста», в которой раскрываются особенности периода юности, его закономерности, которые надо учитывать в учебно-воспитательном процессе в системе профессионального образования. Ю. А. Самарин писал: «Второй период юности есть действительно дальнейшее развитие первого, но он имеет при этом специфические закономерности и представляет собой новую главу, своеобразный этап в формировании человека. Точно так же, несмотря на то, что второй период юности законно входит в более общее понятие — взрослости или зрелости, это не значит, что он не имеет существенных особенностей. Все это позволяет говорить о данном возрасте как о специфической социальной, психологической и педагогической проблеме, особенно актуальной сегодня. Если поставить в самой общей форме вопрос о том, в чем кардинальное различие между старшеклассником и студентом, то коротко на это можно было бы ответить так: в иной жизненной практике. Иначе можно выразить эту мысль следующим образом: те проблемы, которые на предыдущей стадии выступали в основном как сугубо теоретические, на данном этапе становятся вполне практическими» [5, с. 18].

Если кратко охарактеризовать особенности второго юношеского периода, то они состоят в следующем:

1) происходит изменение интересов во время получения профессионального образования. Главное здесь заключается в том, что теоретические интересы проходят проверку при их столкновении с практическим применением приобретаемых знаний. Иногда такое столкновение теории и практики приводит к разочарованию в избранной специальности, уходу из учебного заведения;

2) появляются новые виды практик студента в эмоциональной, коммуникативной, бытовой и других сферах, когда самостоятельность носит уже не дидактический, а практический характер. Ряд человеческих взаимоотношений, например проблема любви, вся сложность взаимоотношений мужчины и женщины из теоретического плана переходят в план практический;

3) появляется попытка осмыслить критически все то, что до сих пор не вызывало сомнений, например появляются некоторые новые оценки в характеристике отношений между поколениями;

4) продолжается формирование личности — от ее внешнего облика до того, что определяет ядро личности, — ее характер и мировоззрение; несколько новое, уточненное с позиций приобретенного жизненного опыта, накопленного молодым человеком, отношение к вопросам будущей жизни, трудоустройства, профессионального и статусного самоопределения и другие.

В целом это время жизненного самоопределения, мечтаний, мучительных раздумий о собственном жизненном пути, резких и радикальных оценок многих процессов и поступков людей, принятия собственных важных решений и первых попыток их осуществления. К. Д. Ушинский писал об этом периоде: «Мы считаем период в жизни человеческой от 16 до 22–23 лет самым решительным. Здесь именно довершается период образования отдельных верениц представлений, и если не все они, то значительная часть их группируется в одну сеть, достаточно обширную, чтобы дать решительный перевес тому или другому направлению в образе мыслей человека и его характере» [6, с. 441–442].

В этой связи преподавателям вузов стоит научиться строить межличностные отношения с учетом своеобразия каждой личности и ее мотивации, психологических трудностей учебной деятельности студентов на каждом курсе и понимать межличностные отношения внутри учебной группы и т. д. Практическая значимость эффективного

взаимодействия преподавателей и студентов состоит в том, что, целенаправленно регулируя отношения со студентами, преподаватель может осуществлять эффективное социально-педагогическое воздействие на студентов, управлять их учебной деятельностью и психологическим микроклиматом в группе.

С точки зрения проблемы развития интеллектуальной и творческой активности студентов важно выявить прежде всего, какие взаимоотношения способствуют активной познавательной деятельности студентов на занятиях и во внеучебное время, какие факторы обуславливают формирование такого типа взаимоотношений.

Вместе с тем следует признать, что сложившаяся система подготовки преподавателей высшей школы страдает определенными недостатками. Как отмечают исследователи, система подготовки не предусматривает целенаправленного и глубокого изучения психологии и педагогики.

Как правило, преподавателями высшей школы становятся выпускники того же университета или других вузов. Будучи студентами, они не получают достаточной фундаментальной подготовки по психологии и педагогике высшей школы. Даже в университетах курс общей психологии в полной мере не дает знаний, необходимых для преподавательской деятельности. В аспирантуре, одной из задач которой является подготовка преподавателей высшей школы, слушатели в основном ориентированы на научную, а не на преподавательскую деятельность [2, с. 8–9], поэтому формирование педагогических умений идет методом проб и ошибок, путем дублирования опыта старших и не гарантирует систематического овладения педагогическими знаниями и умениями.

В результате значительное число преподавателей высшей школы, хорошо зная свою научную дисциплину, недостаточно владеют навыками педагогического труда, зачастую на ощупь создают собственный стиль преподавания и общения со студентами. Не секрет, что от качества работы преподавателей вузов во многом зависят результаты учебной деятельности студентов, процесс профессионального и личностного их самоопределения.

1. Парыгин Б. Д. *Анатомия общения : учебное пособие*. СПб. : Изд-во В. А. Михайлова, 1999. 345 с.

2. Прикладная психология в высшей школе. Казань : Изд-во Казанского университета. 1979. 348 с.
3. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Педагогика-Пресс, 1996. С. 174–175.
4. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. акад. РАН Г. В. Осипова. М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998. С. 250–251.
5. Самарин Ю. А. Психология студенческого возраста и становление специалиста // Вестник высшей школы. 1969. С. 16–20.
6. Ушинский К. Д. Собр. соч. Т. 8. М. ; Л. : Изд. АПН РСФСР, 1950. 520 с.
7. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М. : Политиздат, 1986. 459 с.

СОЦИОЛОГИЯ

Н. П. Иванова

Профессиональное самоопределение личности как социальный феномен¹

УДК 008+316.7

Традиционно выделяют следующие компоненты профессионального самоопределения: избирательное отношение к профессии, осознанный выбор, постоянное переосмысление, самоутверждение, самоактуализация, результат социально-психологической зрелости личности. Одна из проблем в определении данного понятия заключается в его пространственно-временном расположении в жизни человека, так как к проблеме выбора можно обращаться в течение всей жизни. Успешное профессиональное самоопределение молодежи является залогом устойчивого развития всех общественных отношений в будущем.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, профессиональный выбор, профессиональные качества, молодые специалисты, профессиональный успех, профессиональные цели.

N. P. Ivanova. Professional self-determination of the person as a social phenomenon

Traditionally allocate the following components of professional self-determination: selective relation to a profession, conscious choice, continuous reconsideration, self-affirmation, self-updating, result of a social and psychological maturity of the personality. One of problems in definition of this concept consists in its existential arrangement in human life as the problem of a choice can address during all life. Successful professional

self-determination of youth is pledge of a sustainable development of all public relations in the future.

Key words: professional self-determination, professional choice, professional qualities, young specialists, professional success, professional purposes.

Профессиональное самоопределение личности необходимо рассматривать как многомерный социальный конструкт. Существует большой спектр различных трактовок данного понятия, акцентирующих внимание на разнообразных важных аспектах профессиональной деятельности.

Обратимся первоначально к развитию представлений в историческом аспекте социологии. Итак, одним из первых был Огюст Конт, рассматривающий профессиональное самоопределение личности в зависимости от главной исследовательской единицы в его теории — семьи [12]. Э. Дюркгейм трактовал самоопределение не только как средство адаптации к социальным условиям, но и как возможность социализироваться, поддерживать определенный социальный статус в обществе. Г. Спенсер, сторонник эволюционизма и органицизма, трактует самоопределение исходя из основных постулатов теории Дарвина, а именно как процесс адаптации, борьбы за выживание и естественный отбор. Г. Зиммель, представитель интерпретационной парадигмы, указывает на единство жизни человека и процесса самоопределения [8]. Г. Тард представляющий психологическое направление социологии в концепции «Законы подражания», выдвигает два типа факторов, влияющих на самоопределение:

- 1) логическое — рационально обоснованное воздействие,
- 2) неологическое — иррациональное воздействие.

Среди отечественных ученых, занимающихся данной проблематикой, можно отметить следующих: П. Л. Лавров говорил о самоопределении как о совокупности прав и обязанностей личности [6], Н. К. Михайловский указывает на влияние общественного мнения на индивида [4], П. А. Сорокин пишет об самоопределении как ответной реакции со стороны общества, Ф. Э. Шереги характеризует данный процесс как определенный образ жизни [9], А. И. Кравченко говорит о спектре возможностей для самореализации личности [5] и др.

Традиционно выделяют следующие компоненты этого процесса: избирательное отношение к профессии, осознанный выбор, постоянное переосмысление, самоутверждение, самоактуализация, результат социально-психологической зрелости личности [5]. Одна из проблем в определении данного понятия заключается в его пространственно-временном расположении в жизни человека, так как к проблеме выбора можно обращаться в течение всей жизни. Остановимся более подробно на самоопределении до поступления в вуз и после завершения обучения в образовательном учреждении.

Впервые мы сталкиваемся с профессиональным самоопределением после окончания школы. Школьники сталкиваются с проблемой выбора будущей профессии, сферы деятельности, еще не имея полного представления о структуре рынка труда и общественной потребности в специалистах. По данным, предоставленным порталом Superjob, весной 2014 г. 55 % выпускников школ планировали поступать в вузы, 17 % родителей отмечали, что не знают о профессиональном выборе своих детей, а 22 % школьников были настроены поступать в учреждения среднего профессионального образования. В сопоставлении с предыдущими годами происходит значительный рост потенциальных студентов колледжей и техникумов. Причем, по данным исследований, проведенных экспертом ВШЭ Ириной Всеволодовной Абанкиной, молодые люди идут в средние профессиональные учреждения, чтобы увеличить свои шансы в дальнейшем при поступлении в университет.

По данным социологов ФОМ в рамках исследования «Выбор образовательной стратегии детей: ценности и ресурсы», существуют следующие тенденции и закономерности в воздействии социальных факторов на самоопределение личности:

- 65 % детей не продолжают обучение в семьях, где родители имеют среднее образование;
- ежемесячный доход семей, в которых дети не учатся, на 20 % меньше, чем в семьях со студентами.

Что касается выбора вуза, то в данном случае многие руководствуются критериями престижа, что не всегда может гарантировать успешность в будущей профессии. Значение остальных факторов распределяется следующим образом: возможность дальнейшего трудоустройства — 81,3 %, наличие интересующего направления подго-

товки/факультета/отделения — 71,3 %, качество преподавания — 70,6 %, проходной балл ЕГЭ — 62,6 %.

Выбирая факультет или институт для получения высшего профессионального образования, необходимо анализировать ситуацию на рынке труда, а именно, какие специальности актуальны на данный момент в регионе, какие могут быть актуальными через 4–5 лет, какие изменения в сфере занятости неминуемы в ближайшее время, как может измениться спрос на специалистов.

Выпускники высших учебных заведений с выходом на рынок труда наравне со школьниками сталкиваются с рядом проблем. Об этом свидетельствуют статистические данные по работе в рамках полученной специальности и работающих на должностях, не требующих высшего образования. По данным ВШЭ, 90 % молодых людей ставят перед собой цель получить высшее образование, но 25 % дипломированных специалистов или бакалавров трудоустраиваются на работу, не требующую высшего образования. По данным Росстата, почти 60 % россиян работают не по специальности. Кроме того, по данным Росстата, молодежь составляет 40 % безработных. Если обратиться к терминологии Торстейна Веблена, то ситуацию в современном обществе в условиях широкого распространения сферы услуг и соответственно увеличения рабочих мест низкой квалификации, можно назвать «подставной праздностью». «Подставная праздность» — это праздность обслуживающего богатых персонала [3].

На данный момент, с одной стороны, отмечают значительный разрыв между фактически сложившимся качеством массовой общеобразовательной и общекультурной подготовки и тем его уровнем, что необходим для освоения профессиональных знаний, адекватных требованиям современной экономики. А с другой стороны, мы наблюдаем, что многие выпускники вузов заведомо идут на трудовую деятельность с отсутствием перспектив, только для того, чтобы жить и получать минимальный необходимый заработок. Сейчас у университета появляются вспомогательные функции, ориентированные на массового потребителя, такие, например, как: продление юношества, продление нетрудового периода времени, обеспечение жилищными условиями, отсрочка от армии, просто свободное времяпрепровождение в студенческом коллективе единомышленников или ровесников, в связи с тем что период получения высшего профессионального обра-

зования скорее рассматривается учащимися как возможность отложить наступление трудовой деятельности, что неблагоприятно сказывается на процессе профессионального самоопределения, в связи с затягиванием и отдалением осознанного профессионального выбора и критерия успеха для своего будущего.

Увеличение общего количества студентов объясняется пополнением людьми из разных социальных слоев, соответственно с разнообразными запросами, целями и предпочтениями. Численность студентов, обучавшихся в учреждениях высшего образования за последние 10 лет, увеличилась в несколько раз, в 2000–2001 гг. — 4741,4 тыс. чел., то в 2009–2010 уже 7418,8 тыс. [11]. Если ранее в России в вузы приходили только лучшие, а остальные отправлялись работать в отраслях, не требующих специальной подготовки, то сейчас получение высшего образования считается нормой после завершения обучения в школе. Как говорил, бывший на сегодняшний день министр образования А.А. Фурсенко, «с учетом демографии эти соотношения надо менять». По его словам, из-за демографического спада 1990-х гг. большинству российских вузов приходится принимать наравне с сильными абитуриентами «откровенных троечников» и поэтому, по мнению министра, сейчас возникла необходимость в сокращении бюджетных мест. Такой же точки зрения придерживается и новый министр Дмитрий Ливанов. Он убежден в том, что, сократив количество бюджетных мест вдвое, можно улучшить качество образования, по той простой причине, что хорошее образование будет стоить дорого и человеку придется за него платить, следовательно он будет относиться к получению образования с большей ответственностью, что будет играть значимую роль в процессе самоопределения личности.

Помимо восприятия высшего образования как социальной нормы, наблюдается активное развитие платного образования по наиболее престижным специальностям, а также расширение заочных отделений и дистанционных форм обучения. Происходит парадоксальная ситуация, в рамках которой система высшего образования вынуждена приспосабливаться к запросам потребителей образовательных услуг. И хотя со стороны работодателей начинают поступать сигналы об изменении структуры спроса на различные специальности, эти сигналы пока слабо воспринимаются потребителями и производителями образовательных услуг высшей школы. В этом случае было бы целесооб-

разным, чтобы вузы были более открыты для работодателей. С одной стороны, более детализированное восприятие образовательного сигнала позволит с большей точностью определять потенциальную производительность кандидата. С другой стороны, работодателям необходимо быть более открытыми по отношению к вузам и приоритеты работодателей должны быть открыты для будущих работников. Это позволит принимать наиболее эффективные решения относительно инвестиций в образование.

Существующий разрыв между учебой в университете и выходом на рынок труда ставит под вопрос само понятие и возможность его существования и применения в реальной действительности. Отсутствие четкой связи университет-работа может дезорганизовать выпускников высших учебных заведений. В данном случае, в такую ситуацию могут попасть как успешные студенты, так и студенты более слабые. Смысл заключается в том, что можно за годы обучения получить хорошие теоретические и практические знания и желание работать только по специальности, но, например, на региональном рынке труда может не быть потребности в данной специальности. Сейчас все больше вспоминают распределение после окончания вуза, которое было в советском обществе. На данный момент в Министерстве образования и науки готовится положение для контроля над всем известным процессом «утечки мозгов», согласно которому российские выпускники зарубежных вузов должны будут отработать в компании, предложенной государством, в течение определенного срока на благо экономики исторической родины.

Таким образом, высшее профессиональное образование гарантирует статус «студента», но не более, так как статус «выпускника университета» в современном российском обществе не гарантирует успешную трудовую деятельность как критерий профессионального самоопределения. По данным исследований карьерных стратегий выпускников немецких университетов, выявлена тенденция, что шансы на рынке труда зависят не от профиля университета, его престижности и осваиваемой специальности, а от включенности студентов в профессиональную деятельность в процессе обучения [1].

Попробуем определить, кто же все-таки несет ответственность за процесс благоприятного самоопределения: личность или родители, школа или университет, работодатель или предприятие? Все перечис-

ленные акторы являются стейкхолдерами в исследуемом процессе. Школа, выпуская учащихся во взрослую жизнь, не несет ответственности за их дальнейшее устройство, имея перед собой лишь цель — подготовить школьников к сдаче единых государственных экзаменов. Точно так же и университет нацелен на развитие гармонично развитой личности и выдачу диплома. Помимо этого равнонаправленные цели имеют и сами учащиеся. Далее обоснуем возможные меры, способствующие самоопределению в университете, как наиболее уместном периоде в жизни молодежи.

Приоритетным направлением профориентационной работы в вузе должно стать не информирование абитуриентов о деятельности, а именно работа, направленная на формирование контингента поступающих с высоким уровнем начальной подготовки для получения высшего профессионального образования именно по этой специальности.

Для этого также предлагается провести ряд мероприятий:

- создание системы поиска и отбора талантливой молодежи для обучения в университете за счет организации предметных олимпиад и творческих конкурсов среди учащихся выпускных классов школ, гимназий, лицеев и их профориентации на направление «Социология»;
- углубленную подготовку ориентированных на поступление в университет учащихся школ, гимназий, лицеев;
- совершенствование работы подготовительных курсов, организованных в университете, развитие их программного и методического обеспечения;
- развитие интегрированных учебных комплексов на базе университета и средних специальных учебных заведений, подготовку на их базе групп выпускников колледжей и техникумов для обучения в университете по сокращенным программам.

Основное направление деятельности — формирование контингента «своих абитуриентов» на основе данных социологических исследований, а также через школы, проведение тематических лекций по основным направлениям развития науки, усиление связей школа — университет, создание «профильных» классов, введение дополнительного конкурсного отбора абитуриентов (письменное задание, эссе).

Что касается роли университетов в процессе профессионального определения, то уместной и лаконичной будет цитата министра Минобрнауки РФ Дмитрия Ливанова: «Система высшего образования в последние годы перестала готовить учащихся к конкретной деятельности, а стала выполнять скорее «социальные функции».

Результат профессионального самоопределения можно рассматривать с различных аспектов, например как достижение некоторого уровня профессионального успеха.

Существует несколько уровней трактовки профессионального успеха как индикатора самоопределения, а именно [2]:

1. Индивидуальный уровень, характеризуется получением желаемой работы или должности, самореализации, уровнем благосостояния.

2. Уровень университета, характеризуется продолжением обучения, научной деятельностью.

3. Уровень рынка труда, характеризуется соответствием полученного образования, компетенций условиям трудовой деятельности, наличием необходимых профессиональных качеств и умений.

Каким должен быть результат, зависит от каждого отдельного человека, от профессиональных и жизненных целей, которые он перед собой ставит.

Кроме качественных характеристик понятия «профессиональное самоопределение» необходимо отметить и количественные, более практичные для социологического анализа. Главным в этом случае становится вопрос не о составных элементах и роли индивида, работы и образования, а о том, кто способен взять на себя ответственность по анализу профессиональной реализации выпускников. В начале 2013/2014 учебного года МГУ, ВШЭ и РАНХиГС пришли к единому мнению о необходимости построения рейтингов университетов по профессиональной карьере их выпускников, а именно по средней заработной плате. Но этот критерий не позволит получить объективную характеристику успешности. Как мы знаем, труд может быть умственным, а может быть физическим и доход занятых в разных сферах производства может быть примерно равным. К. Маркс говорил: «Мерилем богатства будет уже не рабочее время, а свободное время». А также необходимо учитывать, что уровень заработной платы в разных

регионах различен (например, районы крайнего Севера и юг страны имеют разные повышающие коэффициенты).

Сложность процесса профессионального определения у современной молодежи заключается в разнообразных индивидуальных предпочтениях, семейных факторах, качестве и доступности образования и характеристике рынка труда. Немаловажным является и параллельный процесс увеличения количества профессий, функциональных обязанностей работников, появления новых сфер производства, что ставит молодых специалистов в условия жесткой конкуренции. В такой ситуации приходится говорить еще об одном составляющем элементе самоопределения, характерном для современного рынка труда — это способности к переобучению и повышению квалификации. Профессиональное образование должно быть на шаг впереди, чтобы процесс самоопределения личности на момент выпуска из вуза соответствовал текущему развитию экономики.

Профессиональное самоопределение только на первый взгляд имеет отношение к конкретной личности, выпускнику или абитуриенту, но на самом деле причины и следствия гораздо более масштабные. Профессиональное определение потому является социальным феноменом, что имеет серьезное значение для общества. Успешное профессиональное самоопределение молодежи является залогом устойчивого развития всех общественных отношений в будущем. А также можно говорить и об обратном процессе влияния, профессиональное определение — это не аналог личного выбора профессии, а сложный, многоаспектный феномен, отражающий состояние развития всех сфер общества.

1. Alesi Bettina, Merkator Nadine (Hg.): Aktuelle hochschulpolitische Trends im Spiegel von Expertisen. Internationalisierung, Strukturwandel, veränderter Arbeitsmarkt für Absolventen. Internationales Zentrum für Hochschulforschung, Universität Kassel. Kassel: 2010. 182 s.

2. Fabian Gregor, Rehn Torsten, Brandt Gesche, Briedis Kolja: Karriere mit Hochschulabschluss? Hochschulabsolventinnen und-absolventen des Prüfungsjahrgangs 2001 zehn Jahre nach dem Studienabschluss. Hannover: 2013. 144 s.

3. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1994. 355 с.

4. Зеер Э. Ф. Психология профессий : учебное пособие для студентов вузов. М. : Академический проект; Фонд «Мир», 2005. 336 с.

5. Ионин Л. Г. Георг Зиммель — социолог. М. : Наука, 1985. 540 с.

6. Кравченко А. И. Социология. М. : Юрайт, 2012. 528 с.

7. Култыгин В. П. Классическая социология. М. : Наука, 2000. 526 с.

8. Лавров П. Л. Философия и социология: избранные произведения : в 2 т. М., 1965. Т. 1. 751 с.; Лавров П. Л. Философия и социология: избранные произведения : в 2 т. М., 1965. Т. 2. 702 с.
9. Михайловский Н. К. Сочинения. М., 1970. 340 с.
10. Мкртчян Г. М. Стратификация молодежи в сферах образования, занятости и потребления // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 104–113.
11. Россия в цифрах. 2011: Краткий статистический сборник. М. : Росстат, 2011. 251 с.
12. Шереги Ф. Э., Харчева В. Г., Сериков В. В. Социология образования: прикладной аспект. М. : Юрист, 1997. 304 с.

АНТРОПОЛОГИЯ

Н. П. Миронова

Представления об этнической принадлежности у студентов г. Сыктывкара

УДК 3164+ 316.7

В статье анализируются представления об этнической принадлежности у студентов вузов г. Сыктывкара. Приводится описание результатов ряда социологических исследований по проблемам этнической самоидентификации в молодежной среде Республики Коми в 2004–2012 гг. Анализируется уровень этнической осведомленности и роль языка в процессе идентификации. Показана множественность и ситуативность этнической идентичности и ее символическое значение для современной молодежи Республики Коми.

Ключевые слова: *идентичность, этническая идентичность, этничность, молодежь, этнокультурные ориентации, языковая компетентность.*

N. P. Mironova. Ethnic identity of modern youth in the Komi Republic (on the example of the higher education students in Syktyvkar)

The article analyzes the content of ethnic identity of the modern youth in the Komi Republic as an example students in Syktyvkar. The results of some sociological studies during 2004–2012 are described. The level of knowledge about ethnicity and the role of language in the identification process are shown. It gives the complex structure of ethnic identity and its symbolic significance for the modern youth of the Republic of Komi.

Key words: identity, ethnic identity, ethnicity, youth, ethnic and cultural orientation, language competence.

Постановка проблемы

Современное российское общество развивается в условиях все-сторонней трансформации экономической, политической и культурной жизни, находится в состоянии поиска идентичностей. Без изучения системы ценностей и предпочтений современной молодежи невозможно понять динамику культурных изменений в рамках того или иного сообщества. Сегодня идентичность «стала тем универсальным концептом, с помощью которого принято описывать современное общество и его структуру, социальные отношения, коллективные и индивидуальные поиски смысла бытия» [9, с. 5]. Под этнической идентичностью понимается комплекс представлений человека о своей этнической принадлежности, а также сумма чувств и намерений, связанных с этими представлениями. Этническая идентичность включает в себя самоотождествление с этнической группой, представления о своей группе, языке, культуре, истории, а также общие интересы группы [4, с. 213].

Согласно традиционному для советской этнографии подходу произошло слияние теории этноса и теории нации. Влияние этого наследия ощутимо и сегодня, особенно это заметно в политическом и обыденном лексиконе, где в синонимичном смысле бытует этнос как национальность, национальный и т.д. Начало пересмотра прежних теоретических позиций в российской этнографии было положено публикацией статьи В. А. Тишкова «Отечественная этнография: преодоление кризиса» [8, с. 5], окончательное оформление позиция автора нашла в работе «Реквием по этносу» [7]. На сегодняшний день наиболее продуктивным в исследовательском плане признается подход к этничности как к динамичному, изменчивому и множественному явлению прежде всего в русле концепта «дрейфа этничности» [7, с. 120–123; 2, с. 46].

Целью данной работы является определение содержания этнической идентичности у современной молодежи Республики Коми. Этническая идентичность будет рассматриваться в том числе и на индивидуально-личностном уровне с учетом субъективных характеристик

и оценок, которые присваиваются молодыми людьми при описании своей этнической принадлежности.

Эмпирическая база исследования

Основными источниками исследования являются данные республиканских этносоциологических исследований и полевые материалы автора. Материалы республиканского социологического опроса «Я и мой народ – 2004» (выборка по учащейся молодежи составила 429 человек). В марте-апреле 2007 г. автором был проведен опрос по вопросам содержания этнической идентичности, уровня региональной идентичности и языковой компетенции современной студенческой молодежи г. Сыктывкара (всего опрошено 500 человек). В исследовании принимала участие молодежь, которая на момент проведения опроса проживала в г. Сыктывкаре и обучалась в вузах (студенты первого – третьего курсов вузов г. Сыктывкара). Выборка в исследовании была недостаточной для решения поставленных задач для молодых людей разных национальностей. Русские и коми составили большинство, поэтому эти две основные группы респондентов выделены для анализа, а в группе «другие» объединены все представители иных национальностей (украинцы, белорусы, татары, азербайджанцы и др.). Опрос населения г. Сыктывкара в июне 2008 г. по проекту «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации» (опрошено 452 человека). Опрос в ноябре 2008 г. в рамках исследования «Изучение общественного мнения о развитии гражданского общества» (опрошено 500 человек). В 2012 г. по схожей программе было опрошено 300 студентов вузов г. Сыктывкара. Представленные выборки — многоступенчатые, сбалансированы по возрасту, полу и этническому составу. Опросы проводились методом анкетирования. Кроме того, по методу глубинного полуструктурированного интервью с 2007 по 2012 гг. было опрошено 35 студентов Сыктывкарского госуниверситета (СыктГУ) и Коми государственного пединститута (КГПИ).

Социокультурные ориентации студентов

В основу характеристики современной студенческой молодежи Республики Коми положено представление о ней как сложном социокультурном сообществе с определенными поколенческими характеристиками, системой ценностных ориентаций и жизненных установок, в большей степени сложившимися в постперестроечный период после 1991 г. Эти установки отличает прагматичная экономическая ориентация, целеустремленность, свобода выбора. По данным исследований с начала 2000-х гг., проводимых в Республике Коми, на первом месте как «очень важные» в системе социокультурных ориентаций современной студенческой молодежи оказываются семья, друзья, работа и организация свободного времени (60–80 %). На второй план уходят религия, политика и этническая принадлежность [5, с. 85]. В ходе опроса студентов в 2007 г. 4 % из опрошенных на первое место при характеристике структуры личности поставили осознание своей этнической принадлежности. Подавляющее большинство из ответивших на вопрос «Кем Вы себя считаете в первую очередь, кем во вторую и т.д.?» в опросах 2007 и 2012 гг. на первое место ставят социальные, профессиональные, гендерные формы идентичности. Для 37,6 % опрошенных в 2012 г. студентов национальная принадлежность мало значима и совсем не имеет значения для 14 %. В целом этническая компонента не актуализирована в сознании современной студенческой молодежи Республики Коми, но это еще не означает, что она себя никак не проявляет и не может быть актуализирована.

Этничность в представлениях студентов

На формирование позитивной этнической идентичности и этнокультурных ориентаций в процессе социализации молодежи большое влияние оказывает уровень этнической осведомленности, то есть знаний о своей этнической принадлежности, которые прежде всего дает семья и родственное окружение. Обычно человек причисляет себя к тому этносу, к которому принадлежат его кровные родственники и родители. В ходе анализа данных этносоциологического исследования 2004 г. «Я и мой народ» получены следующие результаты. Среди молодых людей, которые считают себя «коми», у 66 % оба родителя

— коми; 22 % респондентов — дети из смешанных коми-русских семей считают себя «коми», 5 % молодежи считает себя «коми», хотя оба родителя — русские, столько же респондентов определили себя как «коми», когда мать — коми, а отец — представитель другой этнической группы. Также в этнически смешанных семьях, где один из родителей коми, на 7 % больше молодых людей, которые считают себя «коми», если у них мать коми. Среди русской молодежи только у половины респондентов оба родителя русские, также русскими себя считают 18 % молодых людей, у которых один из родителей коми; 5 % респондентов считают себя русскими, когда оба родителя коми, это прежде всего молодые люди, которые родились и выросли в городе, где преобладает русскоязычная массовая культура, и не владеют коми языком. В случае когда один из родителей русский, а второй — представитель других этнических групп, 16 % респондентов называют себя русскими. При анализе опроса студентов г. Сыктывкара в 2007 г. по вопросу этнической самоидентификации в зависимости от этнической принадлежности родителей были получены похожие результаты с высокими коэффициентами корреляции между данными 2004 г. Данные, полученные в рамках проекта 2008 г. «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации», также подтверждают, что выбор этнической принадлежности для большинства опрошенных совпадает с этничностью родителей [11, с. 290]. В ходе опросов порядка 5 % респондентов затрудняются в определении своей этнической принадлежности и этнической принадлежности своих родителей. Часто можно услышать такие варианты ответов на вопрос об их этнической принадлежности: «Я не знаю, кто я по национальности и как мне ее определить»¹, или «много разной крови в нашем роду, так конкретно и не скажешь, кто я, а тем более мои родители, бабушки и дедушки, это просто гремучая смесь народов»² и т.п.

Таким образом, невозможность четкой этнической самоидентификации не является показателем низкого уровня этнической осведомленности и кризиса идентичности, в данном случае речь идет скорее о «дрейфе идентичности». Описания конкретных примеров дрейфа этнической идентичности встречаются в студенческих интервью: «Я не могу точно сказать кто я по национальности, мама у меня —

¹ ПМА: Анкета № 238. Опрос 2007 г. «Молодежь Республики Коми — XXI век».

² ПМА: Анкета № 115. Опрос 2007 г. «Молодежь Республики Коми — XXI век».

коми, папа — молдаванин, я родилась и выросла в поселке, где все говорят на русском языке, хотя очень много всякого народу совсем не русского. В жизни мне иногда приходилось менять свою национальность, я считаю, что это абсолютно нормально и ничего плохого в этом нет. Благодаря своим родителям я знаю, кроме русского, и коми, и молдавский, могу общаться, и это здорово»¹.

В реальности же люди имеют больше вариантов выбора, чем полная идентификация с одной из этнических общностей. Индивид может одновременно идентифицировать себя и с двумя релевантными группами. «Я на самом деле никогда не могла ответить на вопрос, кто я по национальности? Просто я чувствую себя и коми, и русской одновременно, могу говорить на коми, даже читать и петь, у меня много друзей в деревне, но я не могу полностью сказать, что я — коми»². Такую идентичность могут иметь не только выходцы из смешанных браков, но и люди, живущие в полиэтничном обществе. У них этническая принадлежность для себя может обозначаться не одним словом, а описательно: «ближе к русской»³, «скорее между русскими и украинцами»⁴, «и коми и русский в равной мере»⁵. Согласно данным опроса 2008 г., в г. Сыктывкаре, 18,4 % респондентов согласны с тем, что человек может иметь две или более «национальностей», а еще 30,9 % допускают такую возможность «в некоторых случаях» (40 % выступают против этого). Почти треть (31,4 %) признает, что человек может менять «национальность» в течение жизни (47,5 % — против) [11, с. 290]. Состояние этнической осведомленности зависит не только от представлений о своей этнической принадлежности и этнической родословной, но и уровня знаний истории этноса, отдельных элементов этнической культуры. Согласно данным опроса 2004 г. наибольший интерес к истории, традициям и обычаям своего народа проявляет молодежь других этнических групп, на втором месте — коми молодежь, а распределение ответов среди русской молодежи (варианты ответов «да» и «нет» практически равнозначны) говорит о

¹ ПМА: Интервью № 1: ж., 1983 г.р., п. Югыдъяг — филологический факультет СыктГУ/

² ПМА: Интервью № 21: ж., 1987 г.р. с. Парч — колледж экономики и права СыктГУ/

³ ПМА: Анкета № 155 — опрос 2007 г.

⁴ ПМА: Анкета № 87 — опрос 2007 г.

⁵ ПМА: Анкета № 42 — опрос 2007 г.

ее наиболее индифферентном отношении к традициям и обычаям своего народа, поскольку для доминантной этнической группы значимость культурных символов не является столь актуализированной, как у представителей этнических меньшинств. В ходе опроса 2007 г. интерес к истории своего народа у студенческой молодежи рассматривался отдельно, но результаты не изменились по сравнению с 2004 г. Также среди коми молодежи и молодежи других этнических групп республики интерес к истории, традициям и обычаям в 3 раза выше, чем у русской молодежи.

Важным показателем, характеризующим этническую идентичность и культурные стереотипы, стали ответы на вопрос «Как вы понимаете «национальность»? Лишь 8,3 % заявили, что это «то, что в советские времена обозначалось в паспорте», на основании чего можно было предположить, что советское понимание термина практически ушло в прошлое. Но 65,8 %, или абсолютное большинство, все же считают, что «национальность» — это категория, связанная с происхождением родителей и предков (а 42,1 % указали, что оно является производным от языка и культуры). Иными словами, понимание категории «национальность» не как гражданского определителя, а как этнического остается доминирующим. Вместе с тем следует отметить, что достаточно значительная доля респондентов (19,3 %) понимают категорию «национальность» как гражданство, то есть таким же образом, как и в других странах, что является свидетельством заметного сдвига в массовом сознании населения республики [11, с. 291].

Язык и этничность

Важную роль в этнической самоидентификации современной молодежи Республики Коми играет язык и конкретная языковая практика. Под языковой практикой понимается прежде всего функциональная структура языка, которая выражается в развитии его коммуникативной функции в различных сферах развития общественного сознания [3, с. 368].

Перепись населения 2002 г. только подтвердила тот факт, что языковая ассимиляция продолжается и становится более масштабной, что она тесно коррелирует с ростом доли городского населения среди коми. Коми языком в республике владеют 78,1 % проживающих здесь

представителей титульного этнического сообщества. Несмотря на концепцию развития национальной школы и введение преподавания родного языка (коми) как учебного предмета, наблюдается снижение коммуникативной функции коми языка.

На вопрос анкеты 2004 г.: «Какой язык вы считаете родным?», — 90 % русской молодежи выбрали русский, для коми молодежи и молодых людей других этнических групп республики выбор родного языка не столь однозначен: у коми молодежи родными языками являются коми и русский в равной степени, так же как русский язык и язык своей группы для представителей других этнических общин республики. Опрос 2004 г. также показал, что среди коми молодежи функциональное значение коми языка снижается, о чем ярко свидетельствует его использование в семейном кругу: 25 % коми молодежи разговаривают с родителями только на русском языке, 30 % — чаще на русском и только 10 % — на обоих языках в равной степени. Русский язык становится сегодня основным средством общения для представителей коми этноса, и с учётом его полного доминирования во всех средствах массовой информации практически нет возможности для коми языка, кроме как оставаться языком межличностного общения в сугубо однопациональной среде. Так, 60 % среди опрошенной коми молодежи читают книги, газеты и журналы только на русском языке. В марте 2006 г. в ходе изучения функционирования неологизмов в коми языке было проведено сплошное анкетирование студентов третьего и четвертого курсов отделения коми филологии Сыктывкарского государственного университета и студентов пятого курса факультета педагогики и методики начального образования Коми государственного педагогического института, всего было опрошено 83 студента. В результате были получены следующие данные: 97,6 % студентов ответили, что читают газеты, журналы, художественную литературу на коми языке; 79,5 % слушают радиопередачи на коми языке; 98,8 % смотрят коми телепередачи [1, с. 5]. Действительно, студенты-филологи значительно выделяются из общей массы носителей языка, поскольку в ходе приобретения профессиональных навыков им необходимо ежедневное обращение к текстам как художественным, так и научным. На вопрос анкеты 2007 г. о том, на каком языке вы разговариваете на учебе, 43 % коми молодых людей ответили: «только на русском», и 15 % пользуются обоими языками в равной степени. Отношение к русскому языку в целом позитивное у всех

этнических групп, ибо сама обыденная практика доказывает людям, что общий язык необходим. Другая ситуация с отношением к языку титульной этнической группы. По материалам исследований 2007 г., молодежь всех этнических групп считает, что коми должны знать свой язык. В то же время по вопросу о необходимости знания коми языка для нетитульного населения республики мнение респондентов было противоположно. Большинство молодых людей всех этнических групп ответили «нет». На практике наиболее употребимым даже на уровне семьи оказывается не родной язык, а русский. По данным опроса 2007 г., знание коми языка у городской молодежи гораздо ниже, чем у сельской. Никто из опрошенных студентов, постоянно проживающих в городе, свободно не владеет коми языком. Уровень владения коми языком среди молодых людей из смешанных семей, где один из родителей коми, различается в зависимости от того, являются отец или мать носителями языка. Молодые люди, у которых мать коми, лучше знают коми язык, как в городе, так и в сельской местности, в отличие от русско-коми билингвов, у которых отец коми. Хотя большинство русских молодых людей в городе говорят, что совсем не владеют коми языком, независимо от того, кто из родителей является носителем языка. При этом количество тех, кто улавливает общий смысл разговорной речи на коми языке, в 10 раз больше, если мать коми, и в целом языковая компетенция русско-коми билингвов выше среди тех, у кого мать коми. Значительная разница в усвоении языка может объясняться тем, что традиционно женщина в семье занимается воспитанием детей и играет важную роль в передаче культурных ценностей. Тем не менее, согласно опросу 2007 г., 80 % коми молодежи хотели бы, чтобы их дети знали коми язык. Язык как этнический определитель имеет важное значение в процессе идентификации, воспринимается значительной частью населения как важнейший этнодифференцирующий признак и главный идентификационный маркер [12, с. 100]. Так, для подавляющего числа молодых людей (88,6 %), принявших участие в опросе 2012 г., быть представителем своего народа — значит говорить на его языке.

Выводы

В целом этническая идентичность не занимает ведущих позиций в структуре самоидентификации современной студенческой молодежи и выражается в символической связи поколений. Этническое самосознание студентов вузов г. Сыктывкара базируется на комплексе представлений об этнической принадлежности родителей, его содержание зависит от условий социализации и окружающей культурной среды. Выбор этнической принадлежности у большинства молодых людей совпадает с этничностью родителей, причем среди русской молодежи только у половины респондентов оба родителя — русские, поскольку русские являются наиболее многочисленной ассимилирующей группой в республике. Также необходимо отметить, что молодые люди чаще называют себя коми, если у них мать — коми и также чаще считают себя представителями других этнических групп, когда отец — представитель других неосновных этнических групп республики (украинец, татарин, молдаванин, армянин и т.д.). Такая неоднозначная ситуация при выборе этнической принадлежности среди молодого поколения республики, множество комбинаций этничности по кровному родству объясняется сложным этническим составом населения Республики Коми, длительной исторической традицией совместного проживания большого числа этнических групп на территории республики и высоким уровнем межэтнической брачности. Роль языка в этнической идентификации заключается не в использовании его как объективного критерия, на основе которого проводятся границы между этническими группами (такой принцип не пригоден для практического применения в современных многоязычных обществах). Для этнической идентификации язык имеет в первую очередь значение как один из элементов этнического самосознания — субъективного представления, идеи, на основе которой индивид ассоциирует себя с этнической, языковой группой. При этом утрата только языка не ведёт к однозначной деэтнизации. Один тот факт, что люди, совершенно не владеющие языком, называют себя коми, доказывает, что не язык, а самосознание оказывает решающее воздействие на процессы этнической идентификации. Существенное значение в последние годы приобретает фактор символической ценности этнич-

ности для молодого поколения как его отождествления с народом, к которому принадлежали его предки.

1. Айбабина Е. А., Безносилова Л. М. Неологизмы в коми языке: социолингвистический аспект изучения. Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар. Вып. 496. 28 с.
2. Головнев А. В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 46–55.
3. Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. М.: Наука, 1977. 382 с.
4. Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. М., 2002. С. 213–244.
5. Мачурова Н. Н. Жизненные ценности в понимании студентов : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.11. СПб., 2000.
6. Молодежь Республики Коми. Аналитический материал. Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. Сыктывкар, 2008. 32 с.
7. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. 315 с.
8. Тишков В. А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5–19.
9. Филиппова Е. И. Территории коллективной идентичности в современном французском дискурсе: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010.
10. Шабает Ю. П. Республика Коми: этническая ассимиляция или культурный плюрализм? // Этнокультурный облик России. Перепись 2002 года. М., 2007.
11. Шабает Ю. П. Этнокультурная ситуация в Сыктывкаре // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. М. : Наука, 2008.
12. Шабает Ю. П., Айбабина Е. А., Денисенко В. Н., Шилов Н. В. Дискуссии о языковой политике в регионах проживания финно-угров РФ // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 92–106.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

С. В. Адаховская

Защита интересов сторон в преддоговорной ответственности

УДК 340

В статье проведен анализ статей Гражданского кодекса РФ, содержащих положения о преддоговорной ответственности. Автором выделены основные характеристики преддоговорной ответственности и основания применения мер преддоговорной ответственности. Проведен анализ изменений в гражданское законодательство, касающихся расширения сферы применения преддоговорной ответственности. Статья рассчитана на широкий круг лиц, интересующихся гражданским правом: студентов, аспирантов, преподавателей и практических работников.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, преддоговорная ответственность, способы защиты гражданских прав.

S. V. Adahovskaya. Protecting the interests of the parties in the pre-contractual liability

The article analyzes the articles of the Civil Code, the provisions on pre-contractual liability. The author highlights the main characteristics of pre-contractual liability and the basis of application of measures pre-contractual liability. The analysis of changes in the civil law relating to expanding the scope of the pre-contractual liability. This article is intended for a wide range of people interested in civil law: students, teachers and practitioners.

Key words: civil liability, precontractual responsibility, how to protect civil rights.

Усложнение гражданского оборота в России порождает правовые пробелы, выходящие за рамки существующего правового регулирования. Одним из таких пробелов является существование преддоговорных отношений, которые предполагают наличие определенных правовых обеспечивающих механизмов и конструкций.

Законодатель в целях совершенствования правового регулирования правоотношений, складывающихся в ходе переговоров по заключению договора, предлагал ввести институт преддоговорной ответственности в Гражданский кодекс РФ. Эта позиция первоначально была предложена в Концепции развития гражданского законодательства (далее — Концепция) [1].

Согласно п. 7.7 раздела V «Законодательство об обязательствах (общие положения)» Концепции в ГК РФ «в целях предотвращения недобросовестного поведения на стадии переговоров о заключении договора в ГК следует для отношений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, предусмотреть специальные правила о так называемой преддоговорной ответственности (*culpaincontrahendo*), ориентируясь на соответствующие правила ряда иностранных правовых порядков» [1]. Наряду с конструкцией предварительного договора в ГК, возможно, следовало бы закрепить в виде самостоятельной договорной конструкции так называемый рамочный договор, не порождающий обязательство заключить договор в будущем (что типично для предварительного договора), а представляющий собой договор, который уже заключен, но условия которого подлежат применению и детализации в будущем (договор с «открытыми», то есть подлежащими согласованию в будущем условиями).

Более конкретизированное предложение о введении в российское гражданское законодательство института преддоговорной ответственности представлено в Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России [9]. В частности, в п. 3.7.2 разд. VII «Общие положения о договоре. Заключение договора» предлагается предусмотреть на законодательном уровне следующие положения:

– «любой участник гражданского оборота свободен проводить переговоры, предшествующие заключению договора, и не несет ответственности за недостижение согласия с потенциальным контрагентом, однако сторона, которая ведет или прерывает переговоры недобросовестно, является ответственной за потери, причиненные другой стороне;

– возможными критериями недобросовестности могут, в частности, являться вступление стороны в переговоры или их продолжение при отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной, получение необоснованных благ от раскрытия информации в ходе переговоров другой стороной;

– обеспечение сохранности конфиденциальной информации — если конкретная информация передается одной стороной в качестве конфиденциальной в процессе переговоров другой стороне, то последняя обязана не раскрывать эту информацию или не использовать ее ненадлежащим образом для собственных целей, независимо от того, заключен ли впоследствии договор; за нарушение указанной обязанности сохранения информации законодательство может предусматривать не просто взыскание убытков, а получение компенсации, равной или превышающей ту выгоду, которую получила другая сторона» [9].

В настоящее время в России можно выделить следующие основания преддоговорной ответственности, которые закреплены действующим гражданским законодательством: необоснованный отказ от заключения договора на финальной стадии переговоров, нераскрытие информации, имеющей существенное значение при заключении договора и вступление в переговоры без намерения заключить договор. Эти основания пока еще не установлены в качестве общих правил преддоговорной ответственности и существуют лишь как частные случаи, привязанные к конкретной статье закона.

В отечественной юридической литературе сложилась двойственная позиция касательно целесообразности введения института преддоговорной ответственности в гражданское законодательство России. Одним авторам это представляется нецелесообразным, ибо в случае реализации такого нововведения проявятся существенные коллизии в вопросах гражданско-правовой ответственности. Они указывают на ошибочность суждений цивилистов, признающих необходимость и

важность введения преддоговорной ответственности в России, обосновывая это тем, что последние забывают об особом характере предпринимательской деятельности (рисковый вид деятельности), в которой прежде всего должен получить развитие данный институт преддоговорной ответственности [7].

На наш взгляд, самый важный аргумент в доказательстве их позиции состоит в том, что введение преддоговорной ответственности не согласуется с основными началами гражданского законодательства, с его принципами. Российское гражданское законодательство исходит из автономии воли сторон договора (п. 1 ст. 4 ГК РФ) и свободы в заключении договора (п. 1 ст. 421 ГК РФ). Принцип добросовестности, за нарушение которого возлагается преддоговорная ответственность, входит в противоречие с основным принципом гражданского права — принципом свободы договора. В цивилистической науке подобный подход к институту преддоговорной ответственности получил название «алеаторного подхода» (то есть рискового). Алеаторный подход полностью исключает возможность существования института преддоговорной ответственности в рамках национального права.

Позицию о целесообразности введения преддоговорной ответственности в российское гражданское законодательство отстаивают сторонники так называемого договорного подхода. Договорной подход, в сущности, является полной противоположностью алеаторного подхода. Приверженцы договорного подхода склонны считать, что принцип добросовестности, которому должны следовать стороны в ходе переговоров о заключении договора, ни в коей мере не ограничивает свободу договора. В своих суждениях они исходят из иного понимания принципа свободы договора, основываясь на учении Н. Коэна о негативном и позитивном смысле свободы. Предрасположенность законодателей к данному подходу подтверждается введением в гражданское законодательство законодательного закрепления принципа добросовестности сторон.

Негативная свобода представляет собой «свободу от» (внешнего вмешательства), тогда как положительная — это «свобода для» (направлена на результат). По нашему мнению, оба понятия свободы внедрены в договорное право. В частности, положительная свобода подразумевает, что стороны свободны создать, заключить обязатель-

ный для них договор, отражающий их свободную волю. При этом негативная свобода предполагает, что стороны свободны от обязательств до тех пор, пока договор не будет заключен.

Алеаторный подход базируется только на негативном понимании принципа свободы договора, согласно которому каждый участник преддоговорного процесса руководствуется только своими интересами и не учитывает интерес другой стороны. В свою очередь сторонники договорного подхода, ссылаясь на существование также положительной (позитивной) договорной свободы, полагают, что во время переговоров стороны должны соблюдать минимальные условия, гарантирующие эту свободу. Здесь речь идет о требовании соблюдать стандарт добросовестного поведения в преддоговорном процессе. В этом случае преддоговорная ответственность выступает не столько в качестве ограничителя (как это бы трактовалось в рамках алеаторной теории), сколько как гарантия реализации позитивной свободы договора. Мы разделяем позицию сторонников договорного подхода и считаем, что при толковании свободы договора следует исходить как из позитивного, так и негативного его смыслов. Это позволит беспрепятственно ввести принцип добросовестности (имеющий место среди принципов гражданского права), который будет распространяться и на преддоговорную стадию. Нам кажется, что это поспособствует дальнейшей социализации права.

Отечественные исследователи, признающие важность существования и необходимость введения института преддоговорной ответственности, единодушны во мнении, что действующее гражданское законодательство РФ осуществляет частичное правовое регулирование данного института. В частности, применение преддоговорной ответственности возможно в случаях, так или иначе связанных с исполнением преддоговорных обязанностей, которые закреплены в п. 4 ст. 165, ст. 178, ст. 179, ст. 429, п.4 ст. 445, п. 3 ст. 49, ст. 507 ГК РФ, а также ст. 10, 12 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [4].

В юридической литературе все чаще можно встретить попытки системного анализа норм действующего российского законодательства в целях выявления тех из них, которые можно было бы называть примерами преддоговорной ответственности. Такой анализ является весьма полезным, поскольку его результаты создают необходимую

базу для дальнейшего развития и совершенствования данного института. В настоящее время в гражданском законодательстве России не содержится общая обязанность добросовестного поведения в ходе переговоров, а имеются лишь «частные» случаи преддоговорной ответственности за отдельные виды нарушения на преддоговорной стадии.

Как отмечают некоторые специалисты, «очевидным» примером преддоговорной ответственности является ситуация, когда сторона, для которой заключение договора является обязательным, необоснованно уклоняется от его заключения [8]. Данное положение содержится в п. 4 ст. 445 ГК РФ. Согласно указанной норме сторона, необоснованно уклоняющаяся от заключения договора, должна возместить другой стороне причиненные этим убытки. Кроме того, пострадавшая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор.

Рассмотренный случай следует трактовать как необоснованный отказ от заключения договора на финальной стадии переговоров. Такой отказ в зарубежных правовых порядках (чей опыт, согласно мысли законодателя, необходимо использовать при конструировании института преддоговорной ответственности) принято считать основанием ответственности за нарушение преддоговорного обязательства. В качестве основного средства правовой защиты интересов потерпевшей стороны выступает возмещение убытков, причиненных в результате необоснованного отказа в заключении договора. «Понуждение к заключению» как средство защиты интереса может быть использовано, если сама пострадавшая сторона пожелала этого.

Ответственность за необоснованное уклонение от исполнения обязанности по заключению договора предусмотрена и иными нормами ГК РФ, прежде всего теми, в которых вместо четко сформулированной санкции идет ссылка на п. 4 ст. 445 ГК РФ. Это статьи: 426 (заключение публичного договора), 429 (заключение договора на основании предварительного договора). Кроме того, несмотря на отсутствие отсылки к п. 4 ст. 445 ГК РФ, преддоговорная ответственность за необоснованное уклонение от заключения договора предусмотрена п. 5 ст. 448 ГК РФ, в котором идет речь об уклонении от подписания договора, право на заключение которого являлось предметом торгов.

Примером необоснованного отказа заключить договор на финальной стадии переговоров служит ситуация, предусмотренная

ст. 165 ГК РФ. В соответствии с п. 4 ст. 165 ГК РФ сторона, необоснованно уклонившаяся от нотариального удостоверения или государственной регистрации сделки, должна возместить другой стороне убытки, вызванные задержкой в совершении государственной регистрации сделки. Такие убытки могут возникать только на стадии преддоговорных отношений.

Под влиянием сочинений немецких цивилистов (главным образом Р. Иеринга) большинство авторов, занимающихся проблемой преддоговорной ответственности, в контексте учения *culpa in contrahendo* анализируют положения ГК РФ о недействительных сделках. Так, А. Н. Кучер и К. Д. Овчинникова полагают, что в случаях заключения сделки под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ) и (или) под влиянием обмана (ст. 179 ГК РФ), повлиявшими на ее действительность, на виновную сторону возлагается обязанность возместить реальный ущерб другой стороне [6, с. 23]. К. В. Гнищевич отчасти критикует позицию К. Д. Овчинниковой и А. Н. Кучер: он настаивает на том, что основанием ответственности по ст. 179 ГК РФ является не *culpa in contrahendo*, а умышленное поведение недобросовестного контрагента (*dolus in contrahendo*), и указывает на их принципиальную неоднородность [6, с. 19].

Вместе с тем необходимо заметить, что сама возможность отнесения норм о возмещении убытков при признании договора недействительным к случаям преддоговорной ответственности вызывает серьезные сомнения как доктринального, так и практического толка. Как справедливо отмечает О. В. Гутников, «из буквального толкования действующего ГК РФ следует вывод, что имеющаяся в ряде составов недействительных сделок обязанность возмещать убытки является следствием не самого факта совершения недействительной сделки, а следствием исполнения по недействительной сделке» [3, с. 252].

Действительно, в п. 2 ст. 178, п. 2 ст. 179 ГК РФ применение последствий недействительности в виде возмещения реального ущерба предусмотрено в качестве меры, дополняющей реституционное требование (возврат полученного по исполненной недействительной сделке). Таким образом, по логике законодателя, если недействительная сделка не исполнялась — нельзя требовать и возмещения реального ущерба. По нашему мнению, логическим следствием этого также

является невозможность взыскать с виновной стороны убытки, возникшие на преддоговорном этапе, поскольку в данном случае речь идет только об убытках, возникших вследствие исполнения недействительной сделки. Иное толкование этих положений приводило бы к тому, что взыскание преддоговорных убытков было бы возможно только по исполненным недействительным сделкам, а недобросовестное поведение при заключении неисполненной сделки вопреки принципу справедливости оставалось бы совершенно безнаказанным.

Однако в ст. 178 и 179 ГК РФ представляют интерес категории «заблуждение» и «обман». Под заблуждением принято понимать неправильное, ошибочное, не соответствующее действительности представление лица об элементах совершаемой сделки (предмета, существенных условий). Обман представляет собой умышленное введение стороны в заблуждение. По мнению А. Н. Кучер, под обманом понимается сообщение ложных сведений об обстоятельствах сделки или фактах, имеющих существенное значение для одной из сторон при заключении сделки [5, с. 23].

В обоих случаях речь идет о недобросовестном поведении при заключении договоров, связанном с нераскрытием информации. Законодательство зарубежных стран и нормы международного права закрепляют такое недобросовестное поведение в качестве основания преддоговорной ответственности, за нарушение которой виновная сторона обязуется возместить пострадавшей причиненные убытки.

В России в настоящий момент не предусмотрен подобный механизм правовой защиты (за исключением ст. 10 Закона «О защите прав потребителей»). Однако законодатель планирует внести изменения в действующий ГК РФ. Так, согласно п.2 ст. 434.1 ГК РФ за «введение одной стороны переговоров другую в заблуждение относительно характера или условий предполагаемого договора, в том числе путем сообщения ложных сведений либо умолчания об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны», первая сторона должна «возместить причиненные этим убытки» [9].

Обязанность сторон раскрыть необходимую информацию при заключении договора, в том числе в ходе переговоров, устанавливается и иными нормами ГК РФ. К. В. Гнищевич предлагает относить к преддоговорной ответственности неисполнение данной обязанности,

в отношении таких статей ГК РФ, как п. 4 ст. 495 (договор розничной купли-продажи), ст. 580 (договор дарения), ст. 612 и 613 (договор аренды), ст. 693 и 694 (договор ссуды), ст. 894 (договор хранения) и п. 2. ст. 1019 (договор доверительного управления имуществом). При этом он отмечает, что преддоговорная ответственность в поименованных случаях «выступает действенным дополнением ответственности за нарушение договора» [2].

В отношении ст. 495 ГК РФ, в той ее части, в которой речь идет о возмещении убытков, вызванных необоснованным уклонением от заключения договора (в ситуации невозможности получения достоверной информации о товаре), с позицией этого автора действительно можно согласиться. В иных случаях позиция К. В. Гнищевича не может не встретить обоснованных возражений. Ведь для привлечения виновной стороны к ответственности в соответствии с положениями перечисленных статей (за исключением ст. 495 ГК РФ) требуется наличие заключенного договора. И хотя выполнение указанных обязанностей предшествует заключению договора, однако сам механизм защиты, используемый в данных нормах, направлен на защиту не участника преддоговорного отношения, а участника уже заключенного гражданско-правового договора.

Классическим случаем преддоговорной ответственности, по мнению специалистов, является ситуация, изложенная в ст. 507 ГК РФ (договор поставки). В соответствии со ст. 507 ГК РФ в случае, когда при заключении договора поставки между сторонами возникли разногласия по отдельным условиям договора, сторона, предложившая заключить договор и получившая от другой стороны предложение о согласовании этих условий, должна в течение 30 дней со дня получения этого предложения (если иной срок не установлен законом или не согласован сторонами) принять меры по согласованию соответствующих условий договора либо письменно уведомить другую сторону об отказе от его заключения. В противном случае сторона, получившая предложение по соответствующим условиям договора, но не принявшая мер по согласованию условий договора поставки и не уведомившая другую сторону об отказе от заключения договора в указанный срок, обязана возместить убытки, вызванные уклонением от согласования условий договора.

По сути, данная статья устанавливает определенный порядок переговоров: процедуру согласования сторонами условий договора. Каждая сторона стремится к установлению выгодных для себя условий. В ходе переговоров возможно достичь компромисс по всем вопросам, касающимся интересов обоих участников переговорного процесса. Если одна из сторон переговоров никак не отреагировала на предложения выработать выгодные для обеих сторон условия будущего договора (не отказала в заключении договора, не согласовала новые условия), то возникает вопрос о действительности намерений этой стороны заключить договор. Иными словами, такая сторона действует недобросовестно во время переговоров, так как вступила в них без намерения заключить договор. Это положение нашло свое отражение в проекте изменений ГК РФ в п. 2 ст. 434.1 ГК РФ в качестве одного из оснований привлечения к преддоговорной ответственности.

В настоящее время законодательством предусмотрены следующие основания применения мер преддоговорной ответственности: нарушение процедуры заключения договора, когда его заключение является обязательным в силу определённых обстоятельств; уклонение от государственной регистрации договора; невыполнение действий, являющихся обязательной предпосылкой заключения договора; в случаях, специально предусмотренных законом.

Заключение договора является обязательным для: коммерческой организации при заключении публичных договоров (п. 3 ст. 426 ГК РФ), сторон предварительного договора (п. 5 ст. 429 ГК РФ), организатора и победителя торгов на право заключения договора (п. 5 ст. 448 ГК РФ), а также субъектов естественных монополий (п. 1 ст. 8 ФЗ «О естественных монополиях»).

За нарушение обязанности заключить такого рода договор может быть применена ответственность в виде возмещения убытков на основании п. 4 ст. 445 ГК РФ.

Гражданское законодательство предусматривает нормы об обязательной регистрации ряда договоров, связанных с оборотом недвижимого имущества, в частности: договора залога недвижимого имущества (ст. 339 ГК РФ), договора купли-продажи жилых помещений (ст. 558 ГК РФ), договора купли-продажи предприятия (ст. 560 ГК РФ), договора дарения недвижимого имущества (ст. 574 ГК РФ), договора ренты в отношении недвижимого имущества (ст. 584 ГК РФ),

договора аренды недвижимого имущества (ст. 609 ГК РФ), договора доверительного управления недвижимым имуществом (ст. 1017 ГК РФ), договора коммерческой концессии (ст. 1028 ГК РФ), договоров об отчуждении исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, залога этих прав, предоставления прав использования таких результатов или средств (ст. 1232 ГК РФ).

За уклонение от государственной регистрации договора предусмотрена ответственность в виде возмещения убытков в соответствии с п. 4 ст. 165 ГК РФ. Данная ответственность квалифицируется как преддоговорная, поскольку договор, подлежащий государственной регистрации, считается заключённым с момента её проведения, а действия по регистрации договора являются одним из элементов преддоговорного процесса.

Некоторые договоры в гражданском законодательстве сконструированы как реальные договоры, то есть договоры, которые считаются заключёнными с момента совершения действия по их исполнению (передача денежных средств по договору займа, передача имущества по договору ренты и др.). Невыполнение действий по заключению реального договора может привести к применению мер преддоговорной ответственности в случаях, прямо предусмотренных законодательством. Например, за неисполнение перевозчиком обязанности по подаче транспортных средств под погрузку, а также непредставление грузоотправителем груза к перевозке предусмотрена ответственность в виде уплаты штрафов.

Возможность применения преддоговорной ответственности закреплена применительно к отдельным видам гражданско-правовых договоров. Например, в соответствии с п. 2 ст. 507 ГК.

Анализ норм российского гражданского законодательства, регулирующих преддоговорное взаимодействие сторон, позволяет выделить следующие характеристики преддоговорной ответственности. К ним относятся: требование о применении мер ответственности может быть самостоятельным или дополнительным (сопровождение основного требования о понуждении к заключению договора); в зависимости от основания, в соответствии с которым нарушитель должен был (или намеревался) заключить договор (предварительный договор, протокол о результатах торгов, соглашение о намерениях и т.п.), от-

ветственность может строиться либо как договорная, либо как деликтная ответственность; преддоговорная ответственность может выступать в форме как общей (возмещение убытков), так и специальной (неустойка) меры гражданско-правовой ответственности.

В гражданском законодательстве не существует адекватных механизмов защиты интересов сторон, пострадавших от недобросовестного поведения. Основной целью преддоговорной ответственности является постановка потерпевшего в позицию, в которой он был до вступления в преддоговорные отношения. Речь идет о возмещении «отрицательного» договорного интереса (*reliancedamages*), выразившегося в возмещении убытков, причиненных недобросовестными действиями второй стороны переговоров.

Не совсем понятна позиция разработчиков ГК РФ: почему в разделе IV «Отдельные виды обязательств» они ограничились только одним видом договора? Ведь такой порядок заключения договора можно было бы использовать и для других договоров. Считаем, что он был бы вполне уместен для договора строительного подряда, заключение которого нередко требует от сторон значительных усилий по согласованию его будущих условий.

В проектом законодательстве также предусмотрен еще один вид преддоговорного нарушения, не предусмотренного действующим гражданским законодательством, которое будет являться основанием преддоговорной ответственности. Согласно п. 3 ст. 434.1, стороны обязаны обеспечить сохранность конфиденциальной информации партнера, ставшей им известной в ходе переговоров. На лицо, нарушившее сохранность конфиденциальности информации, возлагается обязанность возместить причиненные убытки пострадавшей стороне.

Законодатель предлагает установить объем преддоговорной ответственности в абзаце третьем п. 2 ст. 434.1 ГК РФ. В соответствии с проектом названной нормы убытками, подлежащими возмещению недобросовестной стороной, признаются расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, а также утратой возможности заключить договор с третьим лицом. Данная формулировка вызывает интерес и тем, что помимо расходов, понесенных в ходе переговоров, предлагается возмещать «потерю шанса», утрату возможностей по заключению договора с третьими лицами, то есть упущенную выгоду.

Установление преддоговорной ответственности за «потерю шанса», на наш взгляд, может в конкретных ситуациях нарушать баланс интересов участников преддоговорных отношений и порождать си-

туации, связанные с несением несправедливой ответственности, получением потерпевшим внеэкономического обогащения. Если все же данное положение будет принято и получит юридическую силу, целесообразным видится при решении вопроса о возмещении преддоговорных убытков в связи с утратой потерпевшим возможности заключения договора с третьим лицом тщательный анализ всех юридически значимых обстоятельств с целью возложения справедливой преддоговорной ответственности и сохранения баланса интересов сторон.

С нашей точки зрения, несмотря на несовершенство законодательства по вопросу оснований преддоговорной ответственности, способах защиты пострадавшей стороны, участники преддоговорных отношений отчасти могут защитить свои интересы. Стороны переговоров могут оформить свои отношения особого рода соглашениями (только не предварительным договором), например соглашением о ведении переговоров, о конфиденциальности информации, полученной в ходе переговоров и т.д. Здесь стороны могут конкретизировать информацию, необходимую для принятия решения о заключении договора, закрепить иные подготовительные мероприятия и распределение обязанностей по их оплате.

На наш взгляд, стороны могут вести протоколы по ходу ведения переговоров. Введение такого протокола не только организует и систематизирует сам процесс переговоров, но и имеет практическое значение — служит доказательством добросовестного поведения стороны в ходе проведения переговоров в случае предъявления ей обвинения в нарушении антимонопольного законодательства — навязывании договорных условий. По итогам проведения переговоров стороны вправе составить протокол результатов проведения переговоров. В таком протоколе могут быть отражены те условия, относительно которых стороны пришли к согласию, а также перечень вопросов, которые еще подлежат обсуждению сторонами.

-
1. Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.
 2. Гницевич К. В. Доктрина *Culpaincontrahendo* в немецкой цивилистике второй половины XIX века // Закон. 2007. № 1.
 3. Гутников О. В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М., 2003.
 4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (в ред. Федерального закона от 21.12.2013 № 363-ФЗ) О защите прав потребителей // Ведомости СНД и ВС РФ. 09.04.1992. № 15. Ст. 766.
 5. Кучер А. Н. Ответственность за недобросовестное поведение при заключении договора // Законодательство. 2002. № 10. С. 20–32.

6. Овчинникова К. Д. Преддоговорная ответственность // Законодательство. 2004. № 3. С. 8–15, № 4. С. 29–36. См.: № 4. С. 34.
7. Подшивалов Т. П. Преддоговорная ответственность и совершенствование гражданского законодательства // Право и экономика. 2010. № 9.
8. Хвощинский А. В. В поисках договора о переговорах // Бизнес-адвокат. 2000. № 1; Богданов В. В. Гражданско-правовая ответственность в преддоговорных отношениях // Журнал российского права, 2010. № 2. С. 124–135.
9. URL: http://www.privlaw.ru/index.php?section_id=24 (дата обращения: 01.07.2014).

Авторы выпуска

Адаховская Светлана Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар)

Балакина Елена Ивановна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Алтайской государственной педагогической академии, председатель Алтайского отделения Научно-образовательного культурологического общества (Барнаул)

Бразговская Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Пермь)

Бызова Валентина Михайловна – доктор психологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Гаврилина Людмила Константиновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и специальной педагогики Института педагогики и психологии Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар)

Иванова Наталья Павловна – ассистент кафедры политологии и социологии Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск)

Канев Александр Михайлович – научный сотрудник Республиканского Центра «Наследие» им. Питирима Сорокина (Сыктывкар)

Лимеров Павел Федорович – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ Уральского отделения РАН (Сыктывкар)

Макарова Любовь Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар)

Миронова Наталья Петровна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела «Научный архив и энциклопедия» Коми НЦ Уральского отделения РАН, Председатель СМУ Президиума Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар)

Мирошкина Кристина Евгеньевна – студентка V курса факультета иностранных языков Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева (Саранск)

Рахматуллина Зиля Борисовна – кандидат социологических наук, доцент Башкирского государственного университета (Уфа)

Сулимов Владимир Александрович – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар)

Фадеева Ирина Евгеньевна – доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар)

Фалилеев Александр Евгеньевич – кандидат культурологии, доцент, заместитель декана факультета иностранных языков Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева (Саранск)

Чикурова Екатерина Игоревна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления статей

1. Редакция принимает статьи объемом от 0,5 до 1 п. л. (40 000 знаков); сообщения — до 0,5 п. л. (20 000 знаков).
2. Параметры страницы: поля — 2 см; формат А4.
3. Абзацный отступ — 1 см (*в автоматическом режиме*).
4. Кегль — 14.
5. Междустрочный интервал – 1.
6. ФИО автора *строчными* буквами (например, И. И. Иванов) над названием статьи.
7. Название статьи *строчными* буквами.
8. Аннотация к статье на русском и английском языках (до 500 знаков).
9. Название и фамилия автора на английском и русском языках.
10. Ключевые слова на русском и английском языках (до 10 слов).
11. Указание УДК.
12. При цитировании необходимо использовать только *русский вариант кавычек («»)*.
13. Литература, использованная при написании статьи, должна быть оформлена следующим образом: в алфавитном порядке; каждый новый источник — с новой строки; с указанием издательства и (для статей) общего количества страниц; ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках [5, с. 17]
14. Примечания оформляются в виде постраничных автоматических сносок (кегль 10; нумерация начинается на каждой странице).
15. Сведения об авторе представляются *отдельным файлом* и включают в себя:
 - ФИО;
 - указание ученой степени и ученого звания;
 - информация о месте учебы аспиранта или соискателя (город, вуз) и данные о научном руководителе;
 - рекомендация научного руководителя (для аспирантов);
 - должность, место работы;
 - контактный телефон, E-mail;
 - адрес организации;
 - домашний адрес с указанием почтового индекса.

Статьи и материалы можно присылать по адресу: iefadeeva@mail.ru (Ирине Евгеньевне Фадеевой); dist@syktsu.ru (Романчук Надежде Ивановне, с пометой «Человек, культура, образование» (журнал)).

Телефон: (8212) 255 145; +7 9129686825

Факс: (8212) 43 68 20

На журнал открыта подписка.

Все статьи и материалы подлежат обязательному рецензированию. Публикация бесплатная. Редколлегия оставляет за собой право отбора материалов.

Рассылка осуществляется наложенным платежом.

Периодическое издание

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

*Научно-образовательный
и методический журнал*

№ 3 (13) / 2014

Редактор *Л. Н. Руденко*
Компьютерный макет *Л. Н. Руденко*
Корректор *Е. М. Насирова.*

Подписано в печать 10.12.2014 . Формат 60х84 ¹/16. Тираж 300 экз.

Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 10,7. Уч. изд. л. 9,0. Заказ № 293.

ИПО СыктГУ
167023. Сыктывкар, Морозова, 25